

᠒

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров, В. М. Жирмунский,
Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-Заде,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)*

—*—
*Большая серия
Второе издание*
—*—

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

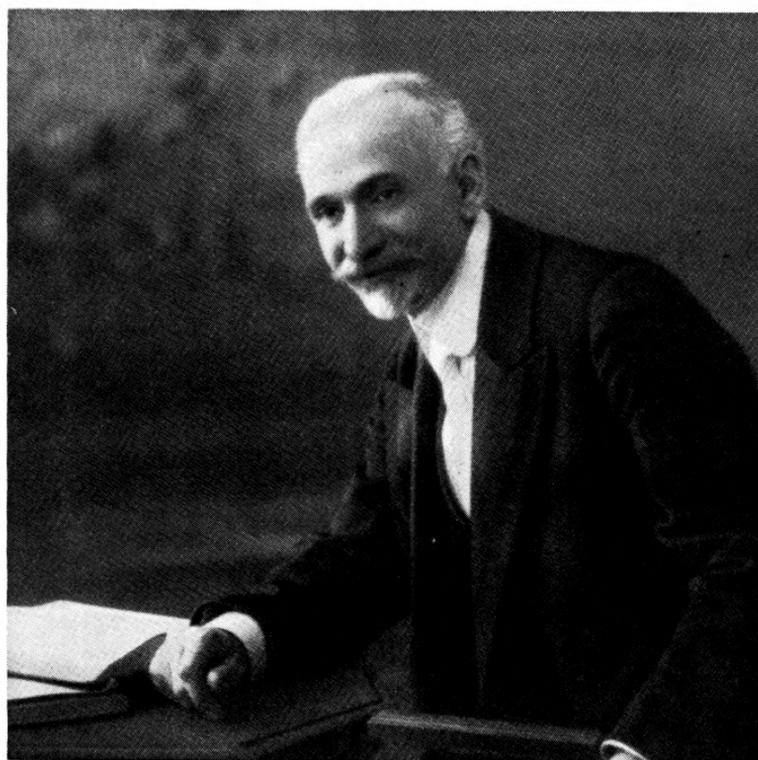
ОВАНЕС ТУМАНЯН

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

*Вступительная статья,
составление и примечания
К. Н. Григорьяна*

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1969

Настоящее издание знакомит русского читателя с творчеством классика армянской литературы Ованеса Туманяна (1869—1923). В книгу вошло все наиболее ценное из его поэтического наследия. Ряд произведений, как например поэма «Взятие крепости Тмук», стихотворные легенды «Парвана», «Великан», печатается в новых переводах. Издание выходит к столетию со дня рождения Ованеса Туманяна.

ВЕЛИКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЭТ АРМЕНИИ

В творчестве Туманяна запечатлены важнейшие черты мирозерцания армянского народа, тернистый его путь, его чаяния, его идеалы, его неустанное стремление к свободе и мирному созидательному труду. Любовь к отечеству и любовь к народу были неразделимы в сознании поэта. Легенды, сказки, рассказы, поэмы и стихотворения Туманяна, проникнутые идеями демократизма и гуманизма, искренним и горячим сочувствием к труженикам, ненавистью к царям и тиранам, составляют подлинную художественную энциклопедию армянской народной жизни.

Белинский сравнивал поэзию Пушкина с морем, которое приняло в себя многие малые и большие реки русской литературы «как свое законное достояние». Это сравнение применимо и к Туманяну, в творчестве которого слились в единый мощный поток многие малые и большие реки армянской литературы. С чувством уважения и благодарности он произносил имена Месропа Маштоца и Саака Партева,¹ Хоренаци² и Нарекаци,³ Кучака,⁴ Саят-Нова⁵ и всех тех, кто своими творениями обогатил армянскую литературу.

Туманян вошел в историю литературы как великий национальный поэт. Он был и остается самым популярным, любимейшим поэтом Армении, по произведениям которого подрастающие поколения учились и учатся любить родное слово и родную литературу.

¹ Маштоц Месроп (361—440) — основатель армянской письменности. Вместе с Сааком Партевом (389—438) в начале V века создал армянский алфавит.

² Хоренаци Мовсес — писатель V века. Автор книги «История Армении».

³ Нарекаци Григор (951—1003) — крупнейший поэт армянского средневековья. Автор «Книги скорбных песнопений».

⁴ Кучак Наапет (XVI в.) — виднейший представитель средневековой армянской лирики.

⁵ Саят-Нова (1712—1795) — поэт, народный певец.

Ованес Туманян родился 7 (19) февраля 1869 года в деревне Дсех (ныне Туманян) Лорийского района (ныне Туманяновского района Армянской ССР). Отец его тер-Татевос¹ был сельским священником. Он принадлежал к числу тех цельных натур, которые нередко встречаются в народе. Туманян очень любил своего отца и память о нем сохранил на всю жизнь. «Все самое лучшее и драгоценное в моей жизни, — писал Туманян об отце, — связано с ним. Он был человеком благородным в полном смысле этого слова — исключительно добрым и щедрым».

Армения — горная страна. Многочисленные цепи малых и больших возвышенностей тянутся по армянской земле. Вершины Арарата и Арагаца покрыты вечными снегами. Между гор разноцветными коврами лежат поля и нивы. В долинах и на склонах гор чернеют деревни. Над каменистыми дорогами нависли громады темных скал. В окрестностях городов и сел раскинулись фруктовые сады. По краям дорог зеленеют стройные ряды серебристых тополей. . .

Географическое положение, суровые природные условия, неблагоустроенные, узкие, каменистые дороги способствовали сохранению в Армении натурального хозяйства и патриархального уклада жизни. Горы, глубокие ущелья затрудняли сообщение между разбросанными населенными пунктами, в особенности зимою, когда свирепствовали метели. Под снегом тогда бесследно исчезали дороги, и надолго закрывались все пути сообщения с внешним миром.

Основную массу народа в Армении составляло крестьянство, которое строго придерживалось дедовских обычаев — адатов, основанных во многом на суевериях и предрассудках.

Детство Туманяна прошло в этой патриархальной среде. И наряду с яркими картинками народных праздников и мирных бесед у вечернего очага, наряду с неповторимыми пейзажами родной стороны в память ему врезались сцены горя народного: бесправие, нищета при беспросветном тяжелом труде, отсталость и дикие, «освященные стариной», обычаи, заставлявшие добрых в сущности людей совершать необычные по своей жестокости поступки.

Еще в юности привлекало внимание поэта богатое историческое прошлое родного края. По своему географическому положению, говорит он, деревня Дсех, казалось, была создана в виде естественной неприступной крепости. (Небольшая равнина с юга была окаймлена густыми, непроходимыми лесами, а с остальных трех сторон —

¹ Тер — владыка, отец, форма обращения к священнику.

глубокими ущельями.) Но не географическим положением Туманян объясняет тот факт, что в эти места почти «не вступала вражеская нога», а тем, что там жило могучее горное племя.

В 60—70-х годах прошлого века армянская деревня жила замкнутой жизнью, быт ее оставался почти непоколебленным. Жили тогда большими семьями, нередко до тридцати — сорока человек.

Богачи имели дома. Бедняки ютились в дымных землянках. Дом, в котором родился поэт, был обычным крестьянским жилищем, хотя и довольно просторным: хозяйство Туманянов по достатку считалось средним.

Зима в лорийском крае сравнительно суровая, а лето знойное. Весною, когда наступали теплые солнечные дни, крестьяне со всем хозяйством и скотом поднимались на верхние луга, на склоны зеленых гор, ставили там шалаши и палатки и жили до первых заморозков.

Семья Туманяна наравне с другими крестьянами уходила в горы. Дети целые дни, иногда и теплые звездные ночи, проводили под открытым небом, дыша прохладой горного воздуха и ароматом зеленых полей.

В зрелые годы поэт не раз возвращался к воспоминаниям детства. Он с большой любовью и теплотой рисовал незабываемые картины счастливого существования, когда были еще неведомы ему «раны жизни», когда он весело и беззаботно скитался по цветущим лугам.

Память мальчика навсегда сохранила картины дальних гор, покрытых голубым туманом. В густых, непроходимых девственных лесах, которые «не слышали еще звука топора», можно было натолкнуться на медведя. В дуплах деревьев жили дикие пчелы. На высоких утесах, где свивали свои гнезда горные орлы, по временам показывались пугливые дикие козы. Река едва виднелась сквозь густые ветви деревьев. Дети с трепетом и страхом вступали в дикий лес, чтобы пробраться к реке.

В саду Туманянов росли огромные тенистые ореховые деревья, под которыми отдыхали дети в знойные летние дни. Особенно любил Туманян весну в горах, обильные дожди, гром и молнию, разбушевавшуюся грозную стихию природы. Громовое эхо раздавалось далеко-далеко и исчезало где-то за черными громадами гор.

«Моим великим учителем был шум реки Дэвбет, — говорил потом поэт. — В ночной тиши я всегда прислушивался к ее голосу, то глухому и глубокому, то ясному и страшному. И казалось, река говорила с моей душой...»

Поздно вечером, когда умолкал шум дня, он любил лежать на краю ущелья и слушать в тиши глухой гул реки. На темно-синем небе луна перебегала из тучи в тучу, а внизу во мраке серебрились разъяренные волны... В его поэтическом воображении теснились мысли, рождались образы, которые потом, оживая, появлялись в поэмах.

На формирование поэтического мирозерцания Туманяна значительное воздействие оказали также жизнь и быт армянской деревни, сказки и предания народной старины.

В долгие зимние вечера крестьяне любили шумные беседы, рассказы стариков о прошлом, песни странствующего народного певца — ашуга, которого всегда принимали как желанного, дорогого гостя. Да и отец поэта, по словам самого Туманяна, был «великолепным рассказчиком, говорил всегда образными притчами и пословицами».

Туманян первоначально учился в деревенской школе. Затем в десятилетнем возрасте был помещен в школу Тер-Давтяна в городе Джалалоглы (ныне Степанаван). Здесь он учился до лета 1883 года. В августе того же года после успешной сдачи экзаменов Туманян был принят в духовное училище Нерсесян в Тифлисе.¹

Тифлис был тогда центром экономической и культурной жизни всего Закавказья. Здесь издавались армянские и грузинские газеты и журналы, существовали национальные театры.

В училище Нерсесян Туманян пробыл два года, получив познания главным образом по гуманитарным дисциплинам.

Не окончив училище, Туманян ушел из него, намереваясь продолжить свое образование в каком-либо другом учебном заведении, но это было не так легко.

Мечтой Туманяна было целиком посвятить себя литературе. Но осуществить эти планы не удалось, и он вынужден был поступить писцом в Тифлисскую духовную консисторию с месячным окладом 16 рублей 66 копеек. Юноша попал в совершенно чуждую ему среду.

Весною 1892 года, благодаря заботам друзей, Туманян устроился на работу в издательское товарищество, в качестве конторщика, — но ненадолго. В том же году он ушел оттуда, — это была вторая и последняя его служба. Туманян отдался исключительно литературному труду и до конца своих дней оставался профессиональным писателем.

¹ Училище Нерсесян, открытое в Тифлисе в 1824 году, после Лазаревского института восточных языков в Москве, было вторым по своему культурному значению армянским учебным заведением на территории дореволюционной России.

Начальный период становления новой армянской литературы связан с именем Хачатура Абовяна (1805—1848), просветителя и демократа, автора первого армянского романа «Раны Армении», которому было суждено сыграть исключительную роль в истории армянской литературы и общественной мысли.

В романе Абовяна изображены события 20-х годов прошлого века, когда армянский народ при помощи русских сбросил многовековое иго рабства.

Одним из тех, кто глубоко понял и оценил значение Абовяна, демократизм и народность его творчества и кто вслед за Михаилом Налбандяном (1829—1866), Перчем Прошяном (1837—1907) и Газаросом Агаяном (1840—1911) продолжил традиции родоначальника новой армянской литературы, был Туманян. Он писал об Абовяне и его романе: «С детских лет, едва открыв глаза, он увидел, как стонал наш народ под игом персидского владычества. Тяжелая судьба родной страны превратилась для Абовяна в сердечную рану. Он вырос, побывал в чужих краях, получил образование, и рана его сердца стала еще глубже. Об этой глубокой ране, обо всем виденном собственными глазами, о мучениях и страданиях, о борьбе и мужестве своего народа огненным языком рассказал он в одной книге и назвал ее „Раны Армении“».

Романом Абовяна, увидевшим свет в 1858 году, через десять лет после гибели автора, начался новый этап в развитии армянской литературы.

Абовян первым из армянских писателей смело пошел по пути демократизации литературы, одним из первых начал писать на популярном, понятном народу языке. До него в армянской литературе господствовал непонятный народу древнеармянский язык, так называемый «грабар». Абовян написал свой роман на живом наречии армян Араратской долины. Он боролся за доступный массам язык, который, по его мысли, должен был занять место грабара и стать основой развития новой армянской литературы, важнейшим стимулом культурного возрождения народа.

Революционные идеи Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова нашли горячий отклик в Армении. Центральной фигурой общественно-политической борьбы в 60-е годы становится соратник Герцена и Чернышевского Михаил Налбандян, которого Туманян назвал «одним из немногочисленных передовых деятелей просвещенного мира своего времени, одной из немеркнущих, светлых и ярко горящих звезд на небосклоне армянской литературы».

С именем Налбандяна, писателя-патриота, публициста, литературного критика, экономиста и философа, связан один из важнейших периодов армянского освободительного движения, общественной мысли и литературы.

В 60-е годы борьба за новый литературный язык приняла более ожесточенный характер. Она переросла рамки литературной полемики и стала злободневным вопросом общественной жизни, требующим своего решения. В борьбе за новый язык литературы столкнулись два враждебных друг другу направления. Все консервативное, отсталое, отживающее цеплялось за старый язык, видя в новом языке разрушение традиции.

Под идейным воздействием Налбандяна развивалось творчество двух виднейших представителей армянской поэзии, предшественников Туманяна: Рафаела Патканяна и Смбата Шахазиза.

Патканян (1830—1892) — поэт, прозаик, педагог — вошел в историю армянской поэзии как певец гражданской скорби. Романтическая приподнятость и боевой дух — характерные черты его лирики. Изданный им в 1857 году национальный песенник, в котором впервые было напечатано его известное стихотворение «Слезы Аракса», явился этапным в развитии армянской поэзии. Основная сила поэзии Патканяна «в чувстве высокого патриотизма, в той огненной и бескорыстной любви к родному народу, которая выражается не в одних дифирамбах, но и в горьких сатирах... он смел ненавидеть в родной стране все достойное ненависти, и умел разить огневыми стрелами все заслуживающее таких ударов», — писал о нем В. Я. Брюсов (в статье «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков»). В то же время нельзя не заметить, что в отдельных стихотворениях Патканян был склонен к идеализации армянской народной жизни.

В этот же период расцветает творчество другого крупнейшего представителя армянской поэзии Смбата Шахазиза (1841—1907). В 1860 году был издан первый его сборник «Часы досуга». Во втором сборнике Шахазиза, увидевшем свет в 1865 году, была опубликована поэма «Скорьб Левона», названная не без влияния пушкинского «Евгения Онегина» «романом в стихах».

Левон живет вдали от родины, но все его помыслы обращены к Армении. Желание служить своему народу заставляет его покинуть Москву и отправиться в родные края. Он берет с собой вместе с «Книгой песен» Гейне, «Фаустом» Гете и трагедиями Шекспира вольнолюбивые стихи Налбандяна. Скитания по родному краю дают Левону богатую пищу для размышлений, которые и составляют основное содержание «романа в стихах» Шахазиза.

В поэме «Скорьб Левона» отразились настроения лучшей части

армянской интеллигенции 60-х годов. После романа Абовяна «Раны Армении», песен свободы Налбандяна ни одному произведению не было суждено сыграть столь значительную роль в развитии армянской гражданской лирики.

В публичной лекции «Литература и жизнь», прочитанной в Тифлисе 10 июня 1907 года, Туманян касался исторических предпосылок, оказавших воздействие на общий характер творчества четырех виднейших представителей предшествующего этапа развития армянской поэзии: Патканяна, Шахазиза, Гевонда Алишана (1820—1901) и Мкртича Пешикташляна (1828—1868).

Туманян говорил: «Каждый народ имеет тысячу забот и горестей, решает много жгучих вопросов; однако есть вопросы, которые являются всенародными и ставят прочную печать на развитие литературы».

В чем всенародное горе армян, или иными словами — как сложилась судьба армянского народа? Эта судьба была трагической — гонения, мучения, скитания. Истязания и насилия внутри страны достигли такого предела, что народ был вынужден оставить свою воду и землю, свою родину и перейти в другие места, чтобы спокойно вздохнуть; а так как окружающая жизнь влияет на развитие литературы, то и творчество такого народа-изгнанника, народа-скитальца должно было отразить его особенности. Народ-скиталец создал литературу скитальцев.

Писатели, скитающиеся под чужим небом, изображая любимую страну, впали в преувеличения и ошибки, а это оказало тяжелое влияние на развитие армянской литературы.

Цветок, выросший на чужбине, не может отразить красоту и аромат своей земли. Человек, который не видел родины, не может нарисовать настоящую картину этой страны».

В подтверждение своей мысли Туманян приводит стихотворение Патканяна «Утренняя песня армянского селянина», где автор рисует идиллическую картину: крестьянин, после трудового дня возвращаясь с поля, видит приготовленный для него роскошный стол, на котором «белый, мягкий ячменный хлеб, молоко, масло и сыр, бараний шашлык, жареное баранье мясо на сковороде, кувшин, полный красного вина, и домотканая холщовая скатерть накинута. . .» Где мог наблюдать автор эту картину довольства и сытой жизни? По мнению Туманяна, эта картина возникла из-за оторванности Патканяна от родины, незнания им реальной жизни. Романтизированно-отвлеченному колориту стихотворения Патканяна Туманян противопоставлял «Сеятеля» и «Прялку» Агаяна, где можно видеть «настоящего крестьянина» и «подлинную жизнь» армянской деревни.

Историю новой армянской поэзии Туманян делил на три основных периода. Первый из них он связывал со временем появления «Национального песенника» Патканяна (1857). Начало второго периода он относил к 1887 году, ко времени выхода первого сборника стихотворений Ованисяна. И, наконец, третий, «новейший период», по мнению Туманяна, начался с первой книги Терьяна (1885—1920) «Грезы сумерек» (1908). Свое собственное творчество Туманян поместил во второй период. «Я попадаю во второй период, — писал он в 1917 году, — промежуточный между старым и новейшим. Я имел близких друзей среди поэтов первого поколения, у меня есть близкие и дорогие среди новейших».

В развитии лирики особо важной была роль Ованисяна (1864—1929), этого «чародея армянской поэзии», как назвал его Исаакян (1875—1957).

Ованисян, получивший образование в Московском университете, обогащенный достижениями русской поэтической культуры, внес новую, свежую струю в развитие армянской лирики. Широкий поэтический диапазон позволил ему создать почти совершенные образцы основных жанров лирической поэзии. Он обратился к древним эпическим песням («Рождение Ваагна»), к исторической легенде («Артавазд»), к народным мотивам. Стихотворения Ованисяна «вернулись в народ: поются как подлинные народные песни, утратив имя своего автора». Поэзия Ованисяна вскоре ослабила влияние национально-романтических песен Патканяна и его школы. В творчестве молодого поэта по-новому зазвучали гражданские темы.

Это было время, когда в армянской поэзии романтизм уступал место реализму. Ованисян стоит на рубеже. В его лирике 80-х годов традиции романтизма еще были достаточно сильны. В то же время он, наряду с Агаяном, один из первых создал реалистические произведения из народной жизни. В трудовых песнях Ованисяна: «Зерно», «Сельский храм», «Ашуг», «Араз» запечатлены горестные думы деревенского труженика. В них поэт не только оплакивал судьбу Армении, но и будил народное самосознание, звал к борьбе с царством «рабства и лжи». Хотя в его песнях не так сильно звучали мотивы гнева и протеста, но стоны и ропот армянского крестьянства слышались вполне отчетливо.

Процессы, происходящие тогда в армянской литературе, нельзя рассматривать изолированно, вне ее связи с русской литературой.

Значительное усиление в конце XIX века литературного общения между народами, населяющими в прошлом царскую Россию, было вызвано социально-политическими сдвигами в жизни народов, усилением идейных связей с Россией и растущим стремлением пи-

сателей воспринять и усвоить все то лучшее, что имелось в соседней, более богатой и развитой русской литературе. При этом следует принять во внимание и то обстоятельство, что многие деятели армянской литературы и общественной мысли получали высшее образование в крупнейших культурных центрах России, что их общественно-литературные взгляды формировались под воздействием передовых идей русской литературы, что, наконец, как справедливо было указано в свое время Ованесом Ованисяном, значительная часть армянской интеллигенции знакомилась с произведениями западноевропейских классиков, с достижениями зарубежной философской, политической и научной мысли при помощи русских переводов.

Один из выдающихся армянских поэтов конца XIX — начала XX века Александр Цатурян (1865—1917), которому принадлежит большое количество переводов из Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Никитина, говорил, что трудно назвать армянского писателя, который так или иначе не испытал бы этого благотворного влияния. Так думал и Туманян. В слове, обращенном к В. Я. Брюсову, он говорил: «С любовью и благоговением мы чтим имена великих гениев русского народа — Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского, Гоголя, Тургенева. Под влиянием русской литературы воспитывались многие наши писатели и интеллигенты».

Наиболее значительное влияние на развитие армянской поэзии оказали Пушкин, Лермонтов и Некрасов. В процессе освоения армянскими писателями богатого художественного наследия русской поэзии рядом с Пушкиным всегда неизменно выступал Лермонтов. Армянские поэты воспринимали эти два имени в едином звучании.

Интерес к русской поэзии возник у Туманяна рано. В одном из писем он подробно рассказал, какое важное место занимала русская литература в его сознании еще в годы юности, и перечислил многие любимые произведения. Уже школьником Туманян знал поэмы и стихотворения Пушкина: «Полтаву», «Цыган», «Песнь о вещем Олеге», «Утопленника», «Зимний вечер», а также «Песню про купца Калашникова» Лермонтова и его стихотворения: «Ангел», «Ветка Палестины», «Спор», «Пророк», «Тучи», «Выхожу один я на дорогу...», «И скучно, и грустно...».

В числе трех любимых книг девятнадцатилетнего юноши Туманяна был, наряду с «Илиадой» и романом Абовяна «Раны Армении», томик сочинений Лермонтова.

В 90-е годы, при редком обращении Туманяна к переводу, он охотно переводит из Пушкина и Лермонтова: из Пушкина — «Закливание», «Романс»; из Лермонтова — «Желание», «Я не хочу, чтоб свет узнал...», «Ангел». Летом 1895 года Туманян переводит «Мцы-

ри». Перевод был издан в 1896 году в Тифлисе отдельной брошюрой. В год, когда отмечалось столетие со дня рождения Пушкина (1899), Туманян переводит «Утопленника» и «Песнь о вещем Олеге».

В 1909 году Туманян опубликовал перевод «Зимнего вечера». Выбор пушкинского стихотворения для перевода не был случайным.

В марте 1912 года в Петербурге, при встрече Туманяна с В. Г. Короленко, разговор зашел о Пушкине. Короленко спросил Туманяна о том, какое из произведений Пушкина он более всего любит. «Он думал, — рассказывает Туманян, — что я назову что-либо из крупных вещей Пушкина, и когда я сказал: «Зимний вечер», он был крайне удивлен».

Сильное чувство любви и привязанности к Кавказу, поэтическое воспевание его природы и вольной жизни в горах, глубокий интерес к народной жизни явились теми основными моментами, которыми определялось отношение Туманяна к Пушкину и Лермонтову. О непосредственном воздействии русской поэзии на его собственное творчество Туманян писал: «Я не задумывался над вопросом о том, в какой степени я находился под влиянием русской словесности; а серьезно подумав об этом, стал искать у себя следов русского влияния не во внешней форме моих стихотворений, — так как я никогда сознательно не следовал и не подражал никакому поэту, — а в моем духовном мире, литературных вкусах и взглядах».

В 1914 году, в условиях войны, Туманян решил отметить в армянской печати 100-летие со дня рождения Лермонтова. В октябре он написал статью под заглавием «Великий приемный сын Кавказа», в которой с грустью отмечал: «Война помешала отпраздновать светлое событие, которое должно было вызвать ликование, волнение в миллионах сердец всех народов и племен России». В этой статье была дана общая характеристика творчества русского поэта, из которой видно, что было особенно близко и дорого Туманяну в поэзии Лермонтова. Его прежде всего привлекала гордая, свободолюбивая натура русского поэта: «Он родился с пламенной, возвышенной душой, которая еще с детства искала новых путей в сумраке России прошлого столетия, — с душой, отвергавшей жизнь, закованную в чиновничий мундир. И свершилась великая драма. Да, самая ужасная из драм, драма великих душ. Лермонтов разделил судьбу своего великого предшественника Пушкина. . .»

Далее Туманян говорил о той «странной любви», которой любил Лермонтов отчизну, любви, которая «щедро звучала в его творениях», но тогда не могла быть понята и по достоинству оценена, потому что «жизненную арену занимали или ничтожества, или те, о которых он говорил, что „их подлые сердца облачены в мундиры“».

Враждебное поэту общество «голубых мундиров» изгнало его из своей среды. «Его преследовали тысячи глаз и рук... Ко всему этому прибавилось огромное горе. Лермонтов боготворил Пушкина и увидел его оклеветанным и сраженным пулей.

И тогда родилось и загремело по Руси полное огня и ненависти стихотворение «На смерть поэта». Поэт кинул в лицо царской России такие слова обличения и гнева, каких еще она не слышала. И это решило все. Он должен был удалиться...»

Туманян выразил глубокое сочувствие к трагической судьбе великих русских поэтов. «Когда настанет время праздновать столетие со дня рождения Лермонтова, — писал Туманян, — мы, кавказцы, отметим это не только как праздник великого русского поэта, которому, как и всей русской литературе, мы многим обязаны, но и как праздник поэта, чей дух нам близок, кто является приемным сыном нашей общей матери — Кавказа, еще с детства мечтавшим о Кавказском небе и о его синих горах...»

Наряду с Пушкиным и Лермонтовым в развитии эстетических вкусов Туманяна, в активном творческом освоении им достижений русской поэзии Белинский сыграл исключительную роль. С его статьями армянский поэт впервые ознакомился, видимо, в начале 80-х годов, когда он был еще в училище Нерсисян.

Летом 1904 года Туманян взялся за систематическое изучение Белинского. В письме к Ф. Вартазаряну он с восторгом отзывался о статьях русского критика и удивлялся, как много общего в жизни различных народов. Армянский поэт писал о задачах критики: «Критик — переводчик писателя, он должен «переводить» поэта, но переводить не слова его, а образы. Он должен проникнуть в душу поэта, добраться до самых корней и истоков его творчества, быть глубоко проницательным, судить справедливо».

Мысли Туманяна о высоком назначении критика, по всей вероятности, возникли под непосредственным впечатлением от чтения Белинского, в частности его статей о Пушкине и Лермонтове. Говоря о проницательном критике, способном понять поэта, рассеять неясности и раскрыть перед читателем величие и красоту художественного произведения, Туманян, по всей очевидности, имел в виду пример Белинского.

Статьи великого русского критика, идеи, которые в них заключались, находили в душе поэта живой отклик, будили его мысль, направляли его творчество по пути народности и реализма. Сочинения Белинского были в числе любимых книг армянского поэта. Они помогали Туманяну в выработке правильного взгляда на русскую литературу, на общие проблемы поэзии и эстетики.

В 1904 году литератор и публицист Ф. Вартазарян, один из ближайших друзей Туманяна, работал над статьей о творчестве поэта. Предварительно в письмах к нему он делился своими мыслями и просил высказать ему свое мнение по ряду вопросов. Отвечая, Туманян писал: «Вообще ты своего поэта определил и понял совершенно правильно: он певец горя своего народа, поэт скорби и печали. У этой скорби и печали различные источники, но все они проистекают из одного и возвращаются к одному — это наша армянская жизнь, армянская страна. Может быть, в этом и главное мое достоинство.

Если это так, — это действительно великое дело. Белинский говорит: величие поэта — в его народности. Поэт, прежде всего, должен быть сердцем своего народа. . .»

Творчество Туманяна своими корнями уходит в национальную действительность, в многовековую историю армянского народа. В то же время мир идей и образов великого поэта Армении обогащался не только достижениями армянской, но и русской и западноевропейской литератур. В числе дорогих Туманяну имен, освещавших его путь, были, наряду с армянскими авторами, Пушкин и Лермонтов, Данте и Шекспир, Гете и Байрон. Особенно любил он Шекспира и Байрона. В годы молодости, в 1894—1896 годах, он перевел на армянский язык «Шильонского узника» и два отрывка из первой песни «Чайльд Гарольда».

3

Первые литературные опыты Туманяна относятся к школьным годам. Он начал писать с десяти-одиннадцати лет.

К концу 80-х годов Туманян был автором многих произведений: легенд «Пес и кот», «Злосчастные купцы», «Солнце и луна», поэм «Маро», «Сако Лорийский», стихотворений «Пахарь», «Старинное благословение» и других. К 1890 году относится первоначальный вариант лирической поэмы «Ануш».

Однако все эти произведения существовали только в рукописи; знали о них лишь немногие почитатели таланта Туманяна. В начале 1889 года происходит знакомство молодого поэта с известным писателем, педагогом и публицистом Газаросом Агаяном. Благодаря покровительству и хлопотам Агаяна на страницах детского журнала «Агбюр» («Родник») появилось первое печатное произведение Туманяна — легенда «Солнце и луна». С этого времени имя молодого поэта все чаще можно было видеть на страницах армянской периодической печати.

В 1890 году, при активной поддержке ближайших друзей Туманяна, в Москве был издан первый сборник его стихотворений и поэм. Через два года увидел свет и второй сборник. Имя молодого автора стало известным литературной общественности.

Передовая критика правильно оценила выступление молодого поэта. Она отмечала самостоятельность автора, оригинальность его дарования, те новые черты, которые вносил Туманян в армянскую поэзию. Это новое определялось народным элементом. «Туманян, — писал М. Абегиан¹ в рецензии на первый сборник поэта, — не осложняет, как иные наши авторы, свои стихи лишними словами, напыщенностью слога. Описания его отличаются ясностью и простотой, язык его дышит живостью народной речи и вполне соответствует тематике, также взятой из народной жизни».

Характерные особенности начального этапа творческого развития Туманяна были обусловлены армянской действительностью 80—90-х годов прошлого века.

В истории армянского народа 80-е годы были временем, когда многие надежды и вековые чаяния об освобождении Западной Армении рухнули. Лицемерная дипломатия западных буржуазных государств, выступавшая в роли защитников «турецких армян», сбросила с себя маску и показала свою империалистическую, разбойничью сущность. Притеснения, жестокости, разбой и грабеж, убийства, поощряемые турецкими властями, были обычными в Западной Армении. Положение армянского населения стало еще более невыносимым в 90-е годы XIX века; над народом нависла опасность физического уничтожения.

В России после убийства Александра II началось новое наступление реакции. Революционная мысль жестоко преследовалась. Неустойчивые слои интеллигенции в условиях политического террора встали на путь приспособленчества. Со всей силой проявилась жестокая политика царизма в отношении малых народов. Царское правительство, испуганное ростом освободительных идей, решило пресечь всякие попытки национально-культурного возрождения народов Кавказа. Закрывались национальные школы. Усилился цензурный гнет. Было предписано проявлять особую строгость при просмотре армянских рукописей и зарубежных изданий, не позволять к печати всего, что касалось положения в Западной Армении, где говорилось о былой славе Армении, о героической борьбе армянского народа за свою

¹ Манук Абегиан (1865—1944) — ученый, филолог, академик Академии наук Армянской ССР; автор многочисленных трудов по армянскому фольклору, языку, истории армянской литературы.

свободу и независимость. Прокатилась волна арестов и преследований передовых деятелей армянской литературы.

В осуществлении своей колониальной политики закабаления народов царское самодержавие опиралось на местных помещиков, купцов и на национальную буржуазию. Усиливается процесс расслоения деревни, ломается патриархальный уклад, уступая место новым отношениям. Армянские кулаки, торговцы, помещики и ростовщики, при активной поддержке царских чиновников и духовенства, безжалостно грабили крестьян. Все это, естественно, должно было вызвать сопротивление. Пробудившееся народное самосознание искало путей освобождения от двойного — национального и социального — гнета.

80—90-е годы были одним из самых плодотворных периодов в развитии армянской литературы. Именно в 90-е годы наметились и основные направления творческих исканий Туманяна. В первых его сборниках бросается в глаза жанровое многообразие, широкий круг идей и тем. Здесь и любовные элегии, и «думы», и пейзажные стихи, и гражданская лирика.

В своих «думах» поэт жалуется на жизнь, на ее «жестокие законы», жалуется на мир, где страдают «тысячи и тысячи гонимых, невинных душ», где нет пощады ни бедным, ни слабым. «Что же, наконец, жизнь? Куда она ведет?» Мысль поэта порывается в беспредельность времен, пространства с надеждой разгадать «тайну грядущего» («Блаженство обещала мне надежда...», «Вожделение»). Порою звучало и гневное, карающее слово («Злоумышленник», «Месть певца»).

Молодого автора не оставляют тревожные думы о судьбах Армении. Он жаждет облегчить страдания народа, помочь своей родине, хотя он еще не представляет, каким путем это следует сделать. Туманян видит «реки невинных слез», нищету и горе тружеников деревни. Вот почему так печальны его песни. Вот почему он рисует скорбные картины родного края.

В стихотворениях Туманяна ранних лет лирические мотивы вплелись в тему общего народного горя. Личная боль, личные переживания поэта отражали безотрадную жизнь народа.

О литературно-общественной позиции Туманяна в 90-е годы можно судить по содержанию его стихотворения «Поэту», в котором автор говорит о велении времени и назначении поэта. В годину народного горя и скорби нужны другие песни: не о «деве и любви», не беспечные песни, «опьяняющие душу сладостным ядом», а песни борьбы «против зла рокового». Наблюдая безотрадные картины старой деревни, Туманян невольно вспоминал о том, как неверно изображена жизнь крестьянства в произведениях некоторых армянских

поэтов: «Удивительный мы народ! Армянского поэта больше волнуют и огорчают темные тучи, сгустившиеся над белоснежной вершиной Арарата, нежели тучи, омрачающие чело нашего крестьянина. . .»

Туманян имел право говорить так потому, что он сам показал реальные «тучи», которые «омрачали чело» армянского крестьянина. В «Песне пахаря» поэт дал суровую и вместе с тем правдивую картину жизни деревенского труженика.

Наблюдения этих лет, размышления поэта о «крестьянской доле» нашли яркое выражение в незавершенной поэме «Стенания», сохранившиеся отрывки которой относятся к 1890 году. Она написана в форме задушевной беседы между юным гостем и стариком, который начинает свой рассказ жалобами на горькую участь земледельца.

Автор раскрывает классовое лицо армянской деревни. С одной стороны, тавады — помещики, владевшие лучшей и большей частью земли, которые сами не пашут, не сеют, но которые являются хозяевами жизни и держат в кабале всю деревню, с другой — обездоленные и нищие сельские труженики.

В поэме Туманяна не только правдиво изображен царивший в деревне социально-экономический гнет, но и ярко показан стихийный протест армянского крестьянства. В сочувственных тонах автор рисует образ бунтаря, пастуха Чати, не пожелавшего покориться воле богатеев.

«Стенания» Туманяна Павло Тычина справедливо сравнивал с гневными песнями Шевченко и Некрасова. В них «не просто стоны, а энергичные протесты». Суеверие, рабское подчинение адатам, бессмысленная жестокость — многие типичные стороны жизни патриархальной армянской деревни нашли яркое отражение в ранних произведениях Туманяна.

В поэме «Маро», созданной восемнадцатилетним автором, уже достаточно четко выступали характерные особенности его творческого облика.

Спокойная, плавная ритмика стиха характерна для армянского подлинника поэмы. Автор в ней следовал традициям устного народного поэтического творчества. При чтении «Маро» создается впечатление, что поэт говорит устами народного сказителя. Как будто старый ашуг с белоснежной бородой, сидя на тахте, облокотившись на круглую подушку, неторопливо, временами умолкая и покуривая свой длинный чубук, рассказывает печальную повесть о жизни маленькой деревенской девочки по имени Маро, выданной в девятилетнем возрасте за пастуха Каро.

Темой поэмы послужило реальное событие. Такие ранние браки не были редкостью и часто оканчивались трагически. Автор с сер-

дечной болью вспоминает историю Маро, отчетливо понимая, что она стала жертвой отсталости, диких обычаев старой деревни. В печальных строках поэмы скрыто осуждение всего строя жизни.

Маро не могла полюбить пастуха. Смутно сознавая трагичность своего положения, она не в состоянии была мириться с новыми условиями своей жизни и, естественно, возненавидела мужа.

Так сильна была власть предрассудков отсталой и темной деревни, что окружавшие Маро в сущности неплохие, но невежественные и суеверные люди отвергли несчастную девочку. Ни один человек не протянул ей руку помощи, никто не попытался предотвратить трагическую развязку.

По своей тематике близка к «Маро» другая ранняя поэма Тумаяна «Сако Лорийский».

В поэме «Сако Лорийский» автор, обращаясь к мотивам народных поверий, стоял на вполне реалистических позициях. Будучи бытописателем родного края, он интересовался всеми явлениями, в которых отражались наиболее характерные черты жизни армянской патриархальной деревни. Пастух Сако — вполне реальный жизненный тип. Правдивость этого образа не вызывает сомнений.

Сако рос в мире предрассудков, он верит в существование темных сил. В детстве он слышал много страшных рассказов о дэвах — злых духах, о ведьмах, о том, как они ищут одиноких людей и заманивают их в свои сети. Очувшившись один в глухом ущелье, Сако вспоминает слышанное. Оживают фантастические картины. Воспаленное воображение все больше и больше разгорается. В таинственной тишине ночи все обретает иную окраску, иное звучание. Глухой шум реки переносит его в мир теней, и Сако, в порыве безумия, бежит по темному ущелью. . .

Не лишен интереса процесс работы автора над этой ранней поэмой. Она неоднократно подвергалась переработке, но сюжетную канву поэт оставил без изменений. Исправления шли главным образом по линии устранения стилистических шероховатостей, освобождения поэмы от длиннот, придания ей более стройной, законченной формы.

4

Биография Тумаяна не богата яркими фактами, неожиданными ситуациями. Тем не менее, несмотря на внешнюю ровность, жизнь его полна глубокого драматизма.

Внешние обстоятельства, повседневные заботы о семье постоянно отвлекали от любимого дела, мешали сосредоточиться, заглушали

порывы вдохновения, взлеты творческой мысли. Невозможность целиком отдаться писательскому труду, служить своему призванию породила тяжелую внутреннюю борьбу.

Усталость от суеты повседневности, жажда покоя и тишины нередко приводили Туманяна к мечте об уединении, одиночестве как необходимом условии для творческого горения. Он размышлял о прошлом, о седой древности. Она противопоставлялась современности. Тогда, в те отдаленные века, как казалось ему, не было ни напряженности, ни безумных темпов жизни, ни мелочных забот, и писатель мог спокойно творить. «Одиночество — божественное состояние, — писал Туманян летом 1902 года Филиппосу Вартазаряну, — и все хорошее дали миру одинокие. И если есть у нас что-нибудь хорошее, — это дело одиноких, когда люди вели отшельническую жизнь в какой-нибудь пещере или пустынной келье и на долгие-долгие годы предавались одному чувству, одной мысли, погружались в нее, сливались с ней, тихо, безмятежно; и если были тревоги, то это были тревоги и волнения дела. . . О хлебе вовсе и не заботились. Наследие этих времен — Нарекаци и Хоренаци, наши вдохновенные шараканы¹ и мелодии.

А теперь покоя нет, чтобы написать письмо. Мир, жизнь, обстоятельства изменились. Все носит на себе печать бессилия, лихорадочного нетерпения и поспешности, что не выдерживает испытания временем. Дела эти похожи на разукрашенные дома современных городов, построенные из глины и извести, красота которых не выносит солнца и дождя, обнажается с годами, и стоят они во всей своей жалкой внутренней уродливости, бедности. А дела первых (Нарекаци и Хоренаци) подобны тем древним, построенным из святых камней храмам, даже руины которых восхищают, твердо стоят, невозмутимо смотрят на солнце и времена».

Слова поэта о том, что писатели древности о хлебе вовсе не думали, нужно понимать в том смысле, что в них преобладало духовное начало и они умели отгородиться от «мирской суеты». Мысль их была занята лишь делом, которому они посвятили жизнь. Но если это и было, то было в древности. Теперь времена другие и место писателя в обществе иное. И задачи перед ним стоят другие. Туманян понимал, что для того, чтобы писатель мог творить, служить своему призванию, нужны условия. Забота о материальном достатке писателя волновала его как важная проблема общественной жизни. Деятельность писателя, по его мнению, несправедливо рассматривать как его частное дело. Нищенские гонорары не могли обеспечить даже

¹ Шараканы — древние духовные гимны.

самому талантливому писателю более или менее безбедное существование.

В жизни каждого большого писателя бывают периоды особого подъема творческой деятельности. Иногда несколько месяцев вдохновенного труда приносят больше плодов, чем долгие годы напряженной работы. Такие периоды подъема определяются не только одной зрелостью или полным расцветом творческих сил. Они во многом зависят и от внешних обстоятельств.

Туманяна тянуло к широким полотнам. Он предпочитал большие формы, его излюбленным жанром была поэма. Но она требовала длительного, спокойного, сосредоточенного труда. Когда Туманян жаловался друзьям, что для него нет ни «малейшего душевного покоя», — он имел в виду не мещанское представление о тихой безмятежной жизни, а избавление от мелочных забот. «Пусть будут волнения, бури, страдания, — писал Туманян, — но широкие, высокие, а не эти мелкие грошовые заботы и тревожения о еде и одежде». Поэт мечтал о душевном равновесии в высоком смысле этого слова, когда можно собраться с мыслями, целиком отдаться вдохновенному труду.

Можно представить радость Туманяна, когда в 1902 году ближайшие друзья, полностью обеспечив поэта, предложили ему уехать на несколько месяцев в Абастуман. Это высокогорное местечко и тогда славилось как один из лучших курортов Кавказа.

Туманян жил в лесу, в небольшом домике. Из окон его просторной, солнечной комнаты открывался вид на дальние горы. Целыми днями поэт бродил в окрестных лесах. Письма его начала 900-х годов говорят о том, как много дали ему эти одинокие скитания в лесах и горах.

Вдохновляющей силой для Туманяна обладала не только природа, но и жизнь среди народа, поэтическое слово народа.

Трудно представить процесс становления национальной литературы без фольклора. Невозможно понять мир Туманяна вне его тесной органической связи с животворным истоком устно-поэтического творчества армянского народа. Легенды, сказки, предания, песни, пословицы и поговорки, фольклор в целом Туманян рассматривал как итог всей исторической жизни народа, как выражение народного духа.

Фольклор Туманян считал «кровной основой» литературы. Он постоянно подчеркивал его огромное значение в развитии литературы. «Поэзия каждого народа, — писал он в 1899 году к М. Туманян, — набирает силу в народных легендах, творениях национального духа, приобретает самостоятельность, становится словом целого народа».

В абастуманский период Туманян создает такие шедевры, как

«Парвана» и «Взятие крепости Тмук». К этому же времени относится основная редакция поэмы «Ануш», которую автор почти заново написал в Абастумане.

В легендах и преданиях, где изображение реальных исторических событий выступало вместе с чудесным, сказочным элементом, Туманян находил самобытный мир народной фантазии. Фольклор был одним из основных источников творчества армянского поэта, откуда он черпал темы многих своих произведений. Для его чуткой, восприимчивой натуры иной раз нужен был лишь внешний толчок, простодушный рассказ крестьянина или сказание, живущее в памяти народа, чтобы в воображении возникла законченная картина, полная поэзии и драматизма. Именно такова творческая история многих произведений Туманяна.

Автор рассказов из деревенской жизни, писатель Джавахечи (1874—1937) вспоминает о путешествии Туманяна по окрестностям села Гандза. Они вместе бродили в горах, заходили в хижины пастухов, слушали их песни. Но главной целью поездки было желание Туманяна видеть озеро близ села, где родился армянский поэт Ваан Терьян. С этим озером было связано старинное сказание.

Лишь к вечеру они добрались до Парваны. Стало прохладно. Потянуло свежим ветром. На вершине Абула в сумерках дымились облака. На озере было неспокойно. Темно-синие волны с шумом разбивались о берег. Туманян был взволнован. Он молча бродил по берегу. На обратном пути поэт не проронил ни единого слова. Вернувшись в деревню, отказавшись от еды, он закрылся у себя в комнате и не выходил до тех пор, пока не была закончена работа над прологом поэмы. «Наконец он вышел, — пишет Джавахечи, — глаза горели, как звезды во мраке ночи, лицо ясное и светлое, как восходящее солнце. С характерной улыбкой на устах, стал он у стола, подняв правую руку, и прочитал вступление к „Парване“».

Основой поэмы послужило народное предание. Высоко в горах тихо плещет синее прозрачное озеро Парвана. В ясную, солнечную погоду, говорят старцы Джавахка,¹ если всмотреться в зеркало синих вод, на дне озера можно увидеть величавый белый замок царя Парваны.

«Парвана», названная автором «легендой», по своей жанровой и стилистической природе может служить классическим образцом лирической поэмы. В этом произведении выражена идея постоянного

¹ Джавахк — старинное название Ахалкалакского и Богдановского районов Грузинской ССР.

стремления человека к светлым вершинам совершенства и полноценного счастья, к «неугасимому огню». Автор с большой теплотой и любовью рисует образ юной девы, которая совсем не похожа на надменную гордячку, на царскую дочь. Она нежна и скромна, одарена красотой, умом и развитым чувством справедливости. Она не мирится с установившимися веками нормами поведения и не желает склониться перед грубой физической силой. Девушка из Парваны ищет в жизни нравственной чистоты, душевной красоты, неугасимого, постоянно сверкающего ярким огнем чувства любви.

Летом 1902 года Туманян писал Ф. Вартазаряну из дачной местности Белый Ключ: «Я постепенно начинаю любить философию, а в поэзии то, что не содержит ни слез, ни волнений, но величавое спокойствие, олимпийский, благородный полет к лучшему миру, в более ясные, чистые сферы». При этом поэт сообщал, что он приступил к написанию «большой национальной поэмы», в которой будет выражено то, что «давно хаотически бурлит» в нем. Какое свое произведение имел в виду Туманян, трудно теперь сказать, но за год до этого письма у него возникло намерение побывать в старинной крепости, недалеко от Ахалкалаки, с которой связывалось историческое предание о тмукской красавице.

Старинное предание стало темой новой поэмы Туманяна «Взятие крепости Тмук». История ее создания проливает свет на некоторые особенности творческой лаборатории поэта. Туманян прочитал запись предания, и сюжет заинтересовал его. Но этого было недостаточно. Нужно было время для раздумий, нужно было, чтобы тема созрела, получила конкретные формы поэтического воплощения. Для того чтобы приступить к осуществлению поэтического замысла, Туманян должен был лично услышать из уст сказителей не один живой вариант, решая основной вопрос: что считать главной, существенной, органической частью памятника устного народного творчества и что было в нем случайным, чуждым, явившимся результатом позднейших наслоений. Затем он должен был побывать в тех местах, где бытовало предание, увидеть памятники, с которыми народ связывал происхождение легенды. С этой целью в августе 1901 года Туманян ездил в Джавахк, побывал в крепости Тмук. Под непосредственным впечатлением от живописных развалин крепости, суровых горных ландшафтов перед взором поэта ожили события давно минувших дней, и храбрый Татул со своей отважной дружиной, и черноокая его жена, и страшные картины боя.

В работе над поэмой автор отправлялся от конкретных, реальных ощущений. Фольклорная тема проходила через творческую

мысль, очищалась от всего лишнего, второстепенного и вновь рождалась в более стройной и законченной форме. Внимательно изучив все доступные ему источники, Туманян считал себя вправе отступить от точного воспроизведения фольклорного источника. Он многое изменил в варианте устного рассказа о крепости Тмук. В поэме действие переносится в конкретную историческую эпоху. События происходят в древнем Джавахке. Персидский царь становится определенным историческим лицом — это Надир-шах, известный своими разбойничьими военными походами и крайней жестокостью. Подвергся значительным изменениям и сюжет предания. Какие-то его подробности получили естественное развитие, другие были вовсе отвергнуты поэтом. Изменилась трактовка основных образов, психологическая канва была осложнена и обогащена новыми мотивами. Таким образом, фольклорный вариант явился для поэта лишь источником сюжета.

Идейно-художественная концепция поэмы раскрывается автором в разных аспектах.

В самом же начале повествования подчеркивается неравенство сил. Бесчисленным войскам Надир-шаха противостоит дружина Татула, горсточка храбрецов. Чем же объяснить, что полчищам грозного завоевателя, несмотря на огромное численное превосходство, не удается сломить сопротивление отряда защитников тмукской крепости? Очевидно, моральным превосходством, тем, что воины Татула защищают родную землю, что ими руководит патриотическое чувство и они дерутся с врагом самоотверженно, не щадя своей жизни. Автор подчеркиваются также личные достоинства Татула как полководца, твердость его характера, непоколебимая воля к победе.

Рядом с Татулом Туманян рисует образ его красавицы жены. Она — «его дыхание, его душа. Ее улыбка дает ему силу, ее любовью он опьянен, когда бросается в бой, подобно льву».

Но в женщине скрыта и другая, темная, губительная сила. Она может стать источником величайших бед.

Тема измены, подлое предательство жадной, тщеславной княгини, мечтавшей стать женою шаха, играет весьма важную роль в содержании поэмы и как бы предопределяет дальнейшее развитие ее сюжета:

Так говорил еще в давние дни
Сам Фирдуси, певец-соловей.
Непобедимым бы стал герой,
Если б не женщины,
Не вино.

Солнцу подобно его чело,
Гордо глядит, стоит как гора,
Кто бы сровнять его мог с землей,
Если б не женщины,
Не вино?

Словно танцую, он в бой идет,
Скачет легко, не касаясь земли,
Кто бы низверг его с высот,
Если б не женщины,
Не вино?

(Пер. Вс. Рождественского)

Бесславный, позорный конец жизни тмукской изменницы подтверждает мысль Туманяна: предательство не может оставаться безнаказанным. Тело ее стало добычей хищных зверей: «Выклевали коршуны ее черные глаза, растерзали волки ее жадное сердце». Даже коварный и жестокий Надир-шах, добившись победы над Татулом при помощи его изменницы-жены, понимает всю подлость ее поступка. Казалось, он должен был торжествовать, упиваться победой. Но этого в поэме нет. Шах смотрит на пиршественный стол, за которым только вчера веселился храбрый Татул со своей дружиной, на опустевший его трон, и им овладевают горестные думы о жизни, о превратности судьбы:

В мире надежного, вечного нет,
Не верь ничему в тщете земной —
Будь это счастье, величье побед
Иль кубок, что налит любимой женой.

Но Туманян не был ни скептиком, ни пессимистом. Он слишком тесно был связан с народным мирозерцанием, а в народе, даже в тяжкую годину, когда на его долю выпадают страшные испытания, никогда не умирает вера в лучшие дни.

Поэма Туманяна «Взятие крепости Тмук» начинается и завершается песней странствующего народного певца. В его словах заключена главная, основная идея поэмы:

Все в этой жизни гости мы,
Едва увидим свет,
Во тьму уходим мы из тьмы,
И вечного в нас нет.

Любви и счастью — краткий час,
И трон и золото — скроет мгла.
Для смерти мы, и смерть для нас,
Бессмертны лишь дела.

Философское раздумье — характернейшая черта яркой поэтической индивидуальности Туманяна: «В этом изменчивом мире все происходит: любовь, красота, сокровища, трон, лишь дело человека бессмертно». Люди после своей смерти оставляют след в мире своими делами: добрыми, злыми. В своей поэме Туманян поет славу тем, кто остается жить в памяти народа своими добрыми, благородными делами, освещая путь человечеству.

5

С самого начала вступления в литературу Туманян наряду со стихотворениями и поэмами писал и рассказы. Параллельно с поэзией развивалась его проза. Из его рассказов следует особо отметить «Гикор», занявший свое достойное место среди лучших образцов армянской реалистической литературы. Тонкая наблюдательность автора, его умение даже в деталях подметить типичное и характерное, строгое построение, простой, ясный язык повествования — эти бесспорные достоинства говорят о высоком мастерстве Туманяна-художника. Он далек от натурализма и грубой тенденциозности. В рассказе Туманяна высокая правда искусства. «Когда читаешь этот маленький рассказ, — писал Аветик Исаакян о «Гикоре», — сердце наполняется грустью. . . Вызывает удивление, сколько этот простой рассказ таит в себе, сколько лиризма, сколько непосредственного чувства, сколько реальной жизни».

Перу Туманяна принадлежит также более пятидесяти сказок. Лучшие из них созданы в период 1905—1909 годов. Темы своих сказок армянский поэт черпал из самых разнообразных источников, в большинстве случаев из сохранившихся в народной памяти устных рассказов. Порою он отправлялся от печатного варианта народной сказки. Бывали случаи, когда невежественные критики, обнаружив в сказках Туманяна родственные с печатными источниками мотивы, обвиняли его в плагиате. Тогда Туманян вынужден был терпеливо разъяснять, что «сказки не люди литературы сочиняют, а их заимствуют у народа и рассказывают. . . Вся мудрость заключается в том, чтобы знать, что изменить, что выбросить, что сохранить, каким языком и стилем рассказать, чтобы получилось и красиво, и в то же время не потерялось непосредственное обаяние и благоухание

народного образца». В этих немногих словах ясно выражено принципиальное отношение Туманяна к сказке как жанру литературы.

Особый цикл составляют сказки Туманяна, в которых преобладают реалистические зарисовки и нет ничего фантастического или сверхъестественного. Они с большой глубиной отражают типичные явления жизни. В них много точных и метких характеристик, живых и верных картин. В этих сказках все правдоподобно, иногда даже слишком обыденно, но для большей убедительности и типизации автор пользуется весьма характерной для народных бытовых сказок чертой — методом преувеличения, гиперболизации. К такому типу относится сказка «Храбрый Назар», которую Туманян считал лучшей своей сказкой и которая по глубине мысли безусловно принадлежит к высшим достижениям сказочной литературы.

Как бы высоко ни ценить прозу Туманяна, он, по свойствам своего дарования, по природе своей яркой индивидуальности, был прежде всего поэтом. И как художник слова он более всего высказал себя в стихотворных легендах и поэмах.

900-е годы были периодом расцвета, наивысшего подъема творческой мысли Туманяна. Именно в эти годы были созданы лучшие его поэмы: «Ануш» и «Парвана», «Взятие крепости Тмук» и «Давид Сасунский». Они, составляя вершину творчества Туманяна, принадлежат в то же время к высшим достижениям армянской литературы, входят в сокровищницу мировой поэзии.

В эти годы Туманян вплотную подошел к решению задачи первоочередной важности — к созданию национальной поэмы из народной жизни. Ранняя редакция «Ануш», поэмы «Маро» и «Сако Лорийский» составили важный этап на этом пути.

Много дали Туманяну богатые наблюдения, жизненный опыт, близкое общение с писателями старшего поколения. Созреванию его таланта, обогащению его духовного мира, росту мастерства немало содействовало и знакомство с крупнейшими произведениями русской классической и западноевропейской литературы.

В осуществлении своих замыслов Туманян не нашел достаточной опоры у своих предшественников. В армянской литературе предыдущего периода жанр поэмы, в особенности на темы современной жизни, был чрезвычайно слабо разработан. Наиболее популярные в то время две поэмы: «Скорбь Левона» Шахазиза и «Аварарийский соловей» Алишана не могли удовлетворить Туманяна. Первая из них не могла служить ему опорой хотя бы уже потому, что она не имела четкой сюжетной линии. Вторая, «Аварарийский соловей» Алишана, написанная в романтическом духе, была посвящена далекому прошлому Армении.

Туманян обратился к богатейшему опыту русской литературы, прежде всего к Пушкину и Лермонтову. Он обратился к поэмам Пушкина и Лермонтова не только потому, что в них нашел высочайшие образцы жанра национальной поэмы, но и потому, что содержание их, в особенности тех, в которых изображена жизнь народов Кавказа, глубоко трогало, волновало его. Пушкин и Лермонтов были близки Туманяну «по духу», как «приемные сыны Кавказа».

«Ануш» Туманяна явилась классическим образцом национальной поэмы, легшей в основу первой армянской национальной оперы. Летом 1890 года Туманян закончил работу над первоначальным текстом «Ануш», опубликованным в его сборнике 1892 года. Окончательный вариант поэмы вышел из-под его пера через десять лет, в 1902 году. Позже он внес в него еще несколько незначительных изменений. Сопоставление первоначального текста с поздней редакцией позволяет сказать, что Туманян в начале 900-х годов почти заново написал свою поэму. Текст 1892 года, в сущности, послужил для него только материалом.

«Ануш» представляет собой народную драму, написанную в форме лирической поэмы. Трагедия любви изображена на широком фоне жизни и быта армянской патриархальной деревни, что придает поэме Туманяна огромное познавательное значение. Прав был В. Брюсов, когда писал: «Наибольшей силы поэзия Туманяна достигает в лирических поэмах, где сказывается всестороннее знание народной жизни и живое проникновение в глубь народного духа. Для читателей другого народа знакомство с поэмами Туманяна (например, с его «Ануш») дает больше в познании современной Армении и ее жизни, чем могут дать толстые томы специальных исследований».

В старой армянской деревне в особенно тяжелом положении находилась женщина, ее отношения со всеми членами семьи и обществом строго регламентировались суровыми законами гор. Не было установленного общественной нравственностью должного уважения к женщине. Ее положение определялось доброй волей мужчины или его капризом.

Много уродливых явлений порождал этот темный мир суеверий и предрассудков, которые были освящены и закреплены в сознании крестьянской массы традиционным бытом. И сколько невинных жертв знала старая армянская деревня! Девушка не имела права руководствоваться собственными желаниями, она не могла участвовать в решении своей судьбы; она была обязана слепо подчиняться воле родителей. Сестра обязана во всем быть послушной брату, тем более когда он глава семьи. Ануш полюбила всем сердцем Саро, но он задел честь ее брата Моси. Она должна навсегда забыть

своего возлюбленного. Этого требует и брат, и отец. Наконец, этого требует честь всей семьи.

Основная идея, лейтмотив поэмы «Ануш» определяется страстным желанием автора светлой жизни для народа, воспеванием природы родины, воспеванием любви. Его мечты отражали жажду счастья простых людей из народа, гибнущих в мире невежества и темноты. В основе поэмы лежит глубокая человеческая трагедия.

В разработке образов армянский поэт не фиксирует внимания на подробностях. Он достигает типизации и глубины при помощи ярких мазков, намечая лишь контуры психологического портрета. Герои Туманяна — живые народные характеры. Такими мазками создан образ брата Ануш, пастуха Моси, который впервые появляется в третьей песне, при описании деревенской свадьбы. Он связан с Саро узами дружбы. Но вот роковая встреча: в традиционной борьбе Саро нарушает обычай. Вчерашний друг стал теперь врагом. Моси готов зарезать родную сестру, в которой видит виновницу своего позора.

«Клянись же, бесстыдная! — он ей кричал. —
Клянись, что его ты не будешь любить!
Не то — видишь мой обнаженный кинжал?
Легко мне бесчестное сердце пронзить!»

(Пер. Вл. Державина)

Сколько ни пытались примирить друзей, — ничто не помогло. Как мог позволить Моси, чтобы родная сестра стала женой вероломного друга! И он остался неумолим. Автор нигде подробно не говорит о душевном состоянии Моси, но по скупым строкам поэмы, по отдельным штрихам легко представить переживаемую им глубокую драму. После того как Моси убил Саро и, казалось, утолил жажду мести, смыв кровью позор, он должен был обрести покой. Но покоя нет. Он ведь убил друга. Моси выходит из мглы ушелья мрачным. Изменился весь облик его. С искаженным от ожесточения и страдания лицом он неверными шагами, не проронив ни слова, направляется в свой дом, вешает на стене «черное ружье, подобное черной змее». Моси не нашел в себе достаточно силы, чтобы переступить через темный обычай: «Плата за позор — нечестивца кровь!» Он становится жертвой уродливых представлений о достоинстве и чести.

Подробной психологической характеристики Саро нет в поэме. Но стоит вдуматься в смысл тех немногих строк, в которых говорится о переживаниях пастуха, чтобы пред нами предстал образ сына гор с его простым и ясным душевным миром. Он любит искренне и сильно. Он готов преодолеть любые препятствия, чтобы до-

биться своего счастья. Жизнь без Ануш в его глазах не имеет ни смысла, ни цены. Он смерти не боится, но его страшит мысль о судьбе любимой.

Автор не уделяет большого внимания психологической характеристике героини. Немного сказано об Ануш. Она принадлежит к тем возвышенным цельным натурам, которые безраздельно, самоотверженно отдаются чувству.

Песня обезумевшей Ануш может служить прекрасной иллюстрацией высокого мастерства Туманяна. С максимальной экономией слов, простыми средствами автор достигает потрясающей глубины в раскрытии трагического образа героини. Быстрая смена впечатлений, переходы от реальных ощущений к безумным грезам, бессвязная речь — все это психологически оправдано и глубоко верно рисует душевное состояние девушки. В ее больном воображении оживают воспоминания прошлых счастливых дней. Ей чудится картина спящего в тени, «копьянного дыханием трав» юноши. Эта картина сменяется другой — Ануш кажется, что она слышит веселый шум свадьбы, но вместо невесты и жениха видит, как несут обезображенный немой труп. Страшная сцена возвращает ее к реальности. С рыданием и мольбой Ануш обращается к людям: «О, заройте с ним в землю и меня!..»

Ануш горько жалуется на свою судьбу, одинокая и бессильная в темном царстве предрассудков и жестокого адата. Но и сама Ануш — порождение этой среды, и она не свободна от суеверий. Причину своей горькой участи она видит в магической силе проклятия странствующего нищего.

Верят в предсказание судьбы, заражены фатализмом и другие персонажи поэмы. Правдива и колоритна сцена гадания, в которой раскрываются темные стороны народного мирозерцания.

В поэмах Туманяна: «Маро», «Сако Лорийский», «Стенания», «Ануш» изображена жизнь армянского крестьянства в переходную эпоху 80—90-х годов, когда еще был достаточно устойчив патриархальный быт. Поэт с беспощадной правдивостью показал темные стороны жизни старой деревни, но он это делал с сердечной болью, с безграничной любовью к народу. Он не оправдывает Моси, когда тот, ослепленный эгоистическим самолюбием, следуя закону гор, убивает своего друга. Не оправдывает он в другой поэме и отца Маро, отвергнувшего свою несчастную дочь. Но вместе с тем Туманян и не осуждает их, считая жертвами неумолимого адата, древних предрассудков. Им тоже нелегко, они тоже страдают.

Туманяну был близок, понятен и дорог этот патриархальный мир, с его преданиями и героями. Ему были дороги эти простые

люди из народа, с их цельными натурами, с их развитым чувством человеческого достоинства, с их традиционными понятиями о чести и дружбе, с их стремлением к вольности, с их нравственными идеалами.

Герои поэмы Туманяна живут, действуют среди гор и долин. Ануш, Саро, Моси и другие персонажи поэмы — «дети природы».

Ярко самобытный, неповторимый пейзаж Туманяна является одним из важнейших факторов для понимания особенностей его творческого облика, характера его произведений, в частности и поэмы «Ануш».

Пейзаж Туманяна, его «философия природы» отражают эстетический идеал, гуманизм творчества поэта. В его мировосприятии люди, животные, деревья, цветы и травы — неотделимые частицы величественной природы, где Туманян искал гармонию и красоту. Его поэтическое чувство протестовало каждый раз, когда он видел вырубленный лес, взорванные скалы, бессмысленно варварское разрушение природы.

Эстетической системе Туманяна чуждо понятие «равнодушной природы». Она в произведениях армянского поэта не служит простым фоном, или украшением, или местом действия, не выступает в роли безучастной, немой свидетельницы происходящих событий. Пейзаж Туманяна психологизирован, окрашен в определенные эмоциональные тона. Одушевление, очеловечение природы вызвано желанием поэта видеть в явлениях природы отражение своего внутреннего мира.

Ни в одном из своих произведений Туманян не достиг такого органического слияния пейзажа с другими художественными элементами, как в поэме «Ануш». В первой же главе, в рассказе о былом, автор обращается к картине величественных гор, которые, подобно людям, казалось, «в огромной круговой пляске пируют, веселятся в небесах, на свадьбе нежнейшей дочери Арагаца». Туманян использует легендарный сюжет, мифические образы Дэв-Ала (гора Двал) и Дэв-Беда (река Дэбед), которые вместе с другими злыми духами-демонами «похитили дочь горы Арагац и привезли ее в неприступный Лорн».

Туманян — мастер лирического пейзажа с преобладанием живописной конкретности, точности:

Рассвета лучом Чатиндаг¹ озарен.

И, как с водопоя верблюды, на склон

¹ Чатиндаг — название горы в Лорийском районе Армянской ССР.

Гуськом из ушелья идут облака.
В долине блестит и дымится река. . .

(Пер. Вл. Державина)

В образе плакучей ивы, дрожащей на берегу тихой речки, дана психологическая характеристика героини поэмы:

Сказывают: ива
Девушкой была,
Долго, терпеливо
Милого ждала,
Не приходит милый, —
Ивою унылой
В бережок вросла.
Вся дрожит пугливо,
Сиротливо ива;
Лист плакучий клонит,
Счастье хоронит.
Зеленью омытой
С тихой речкой ива
Шепчется стыдливо
О любви забытой. . .

(Пер. Вяч. Иванова)

Пейзаж в поэме Туманяна появляется не в виде лирического отступления, а как органическая необходимая часть художественного целого, как непосредственное звено сюжетного развития. Природа в «Ануш» выполняет сложную функцию. В отношениях героев поэмы к природе преобладает чувство близости, сквозит интимность и теплота непосредственного общения с ней. Девушки, шумной гурьбой с песнями идущие за водой, ведут как бы дружескую беседу с прозрачными струями родника, поверяя им свои сердечные тревоги: не видели ли они любимого, не напился ли он холодной воды и «не прошла ли боль в его груди»? И Саро в минуту тоски и одиночества обращается к родным горам, в которых видит он верных друзей, и рассказывает им о своем горе.

Творческая история «Ануш» показывает, как долго и упорно работал Туманян над своими произведениями, как часто прибегал он к тщательной переработке текста, иногда коренным образом меняя структуру отдельных глав в поисках более экономной, точной формы и художественной выразительности. Для Туманяна характерна высокая требовательность к писательскому труду. Когда в 1892 году вышел из печати второй сборник его стихотворений, содержавший

множество печаток, Туманян написал своему издателю: «Нужно понимать, какое значение имеет для автора, а для поэта в особенности, каждое слово!»

Поэма «Ануш» по своему построению не отличается сложностью, и сила ее не в композиционных ухищрениях. Туманян и здесь верен принципам простоты и народности. У автора нет нужды прибегать к искусственному столкновению страстей, придумывать драматические ситуации. Сюжет поэмы развивается естественно, без какого бы то ни было нажима извне, подчиняясь внутренней логике событий, законам жизненной правды.

Основной композиционный принцип «Ануш» заключается в органическом сочетании, слиянии поэтического слова с песней. Все элементы поэмы, составляющие замкнутый в себе мир, художественное целое, соединены, цементированы песенным началом. С первых же строк в самом тексте, кажется, застыли грустные мелодии, и они оживут, лишь только слова коснутся чуткого уха читателя.

Поэма открывается прологом-песней, но кто же поет? Нет еще ни сюжета, ни действующих лиц. Здесь вступает в свои права природа. Горы, реки, темные ущелья, поля и долины под волшебным пером поэта оживают, обретают язык человеческих чувств. Вместе с ними оплакивают несчастную любовь и горные цветы, «сердца и глаза» которых полны «слезами-росинками». Добрые феи, красавицы пери, «горные духи», «рея на крыльях ветерка, на нежных лучах луны», поют печальную песню Ануш. . . И как только первые лучи озарят вершины гор, они незримо исчезают, прячутся в стволах вековых дубов, в синих струях родников, в пене волн летящей со скал реки. . .

Принцип плавного чередования песен с повествованием выдержан последовательно на протяжении всей поэмы. Хор горных фей в прологе, песня Саро, хор идущих за водою девушек, песня Ануш, хор девушек на весеннем празднике цветов, снова песня Саро, песня прохожего странника и, наконец, песня обезумевшей Ануш — все эти песни составляют части художественного целого, органические звенья сюжетного развития.

Музыкальность «Ануш» придают не только песни, но и общие принципы построения, в которых элегическое вступление гармонирует с трагическим финалом. Именно потому поэма Туманяна привлекла внимание композитора Комитаса (1869—1936).

Когда в 1903 году были изданы избранные сочинения поэта в одном томе, М. М. Туманян (общественная деятельница, однофамилица поэта) послала книгу в Эчмиадзин Комитасу с просьбой ознакомиться с «Ануш» и написать по мотивам поэмы оперу. Спустя

несколько месяцев, в конце февраля 1904 года, композитор в письме восторженно отозвался о поэме, но просил автора несколько изменить текст. Он предложил написать заново отдельные песни, дополнить и сократить другие и вообще более приспособить текст поэмы к условиям оперного либретто. В заключение Комитас просил по возможности скорее подготовить текст, чтобы у него было достаточно времени для его изучения и составления программы музыки.

Вскоре Комитас и Туманян познакомились. Композитор долго и упорно работал над оперой. Весною 1908 года он писал Туманяну: «Давно я начал музыку к твоей «Ануш» и порядочно написал. Но еще недостает многого, чтобы получилось наконец целое». Есть основание предполагать, что Комитас закончил оперу, но партитура ее исчезла бесследно. В его бумагах остался лишь титульный лист.

Поэма Туманяна заинтересовала не одного только Комитаса. «Не говоря о высокой художественности поэмы, — писал композитор Армен Тигранян, — сама конструкция ее, замечательный пролог, скорбь фей и беззаветно влюбленных, серенада Саро (на рассвете) и т. д. — все это требовало облечь прелестную поэму в музыкальную форму, переложить ее на оперу».

С большим воодушевлением Тигранян приступил к работе. В 1908 году он создал первую хоровую песню («Амбарцум, яйла») своей будущей оперы «Ануш». Тема поэмы оказалась настолько ему близкой и созвучной, что ему легко удалось составить либретто, в котором с большим тактом и мастерством он сохранил особенности поэтического стиля Туманяна.

Опера «Ануш» Армена Тиграняна впервые была поставлена (в отрывках) в 1912 году силами учащихся в городе Александрополе и вскоре получила всенародное признание. Музыкальные достоинства поэмы Туманяна облегчили задачу композитора, который опирался на богатые традиции армянской народной мелодии и достиг полной гармонии между текстом и музыкальной формой. Композитору удалось настолько близко подойти к истокам народной мелодии, что многие песни из оперы были восприняты народом как собственные творения. «Ануш» Тиграняна стала первой армянской национальной оперой.

6

Редко кто из армянских писателей, начиная с Абовяна, не занимался педагогической деятельностью. Абовян писал о народной жизни и для народа. Но ему трудно было довести свое пламенное слово до широких масс в силу царившей в Армении неграмотности. И, про-

должая свои литературные занятия, Абовян со страстным рвением отдался делу народного образования. Распространение грамотности, просвещения, создание народных школ стало делом всей его жизни.

Агаян, учитель и друг Туманяна, также известен в истории армянской общественно-педагогической мысли как один из передовых деятелей народного просвещения. Его сказки и повести вошли в золотой фонд литературы для детей и юношества.

После Агаяна Армения лучшими произведениями для детского чтения обязана Туманяну. Он охотно, с любовью писал для своих маленьких читателей стихотворения, сказки, рассказы.

С осени 1905 года в Тифлисе начал выходить журнал для юношества «Аскер» («Колосья»), где печатались многие из произведений Туманяна для детей. В 1907 году, совместно с литератором и этнографом Степаном Лисицянном, он издал учебник «Лусабер» («Светоч»), в котором, наряду с оригинальными произведениями, были помещены переводы из Пушкина, Крылова, Кольцова, Тургенева, Достоевского, Чехова и других русских писателей. «Лусабер» получил всеобщее признание и в течение многих лет служил учебником родной речи в начальной школе. В 1909 году три армянских писателя — Агаян, Туманян и Папазян — предприняли издание в двух томах хрестоматии «Армянские писатели», ставшей любимой книгой юношества.

Туманян придавал большое значение художественному слову, видел его огромную нравственно-воспитательную силу в пробуждении и развитии высоких гражданских чувств. Естественно поэтому, что в произведениях армянского писателя для детей значительное место занимает нравственно-воспитательный элемент. При этом Туманян оставался верен жизненной правде. Он знал, что дети особенно чувствительны к надуманности и фальши.

Основой стихотворений для детей послужили фольклорные мотивы; иные из этих произведений представляют собой переработки литературных источников. Но в обоих случаях Туманян настолько оригинально разрабатывал популярные темы и сюжеты, что они стали органической частью его собственного творчества.

Стихотворения для детей — один из самых трудных жанров поэзии. От автора требуется особое умение говорить с детьми о близких и любимых ими предметах на понятном и ясном для них языке. Нужна особая чуткость для понимания детского мира, психологии ребенка.

П. Г. Тычина, отмечая умение Туманяна говорить с детьми о доступных им предметах простым, ясным языком, писал: «Его стихи

для детей, его сказки, рассказы — это подлинные жемчужины мировой поэзии».

Особо следует сказать о сказке в стихах «Пес и кот» (она написана в 1886 году, когда автору было семнадцать лет), которая с первых дней появления в печати стала одним из любимейших произведений армянских детей. Доступный детскому восприятию сюжет, простые бытовые сцены, живое изложение с использованием интонационных оттенков разговорной речи — все эти черты, характеризующие содержание и стиль туманяновской сказки, обеспечили ей успех.

Собака приносит коту, который занялся скорняжным ремеслом, шкурку, чтобы тот сшил шапку. Далее события развиваются «драматически». Кот все тянет, обманывает, заставляет пса приходить за получением заказа то в среду, то в субботу, и наконец терпение у пса иссякает. Дело кончается скандалом. После последнего бурного объяснения кот исчезает, унося с собой все меха. Конец сказки важен для понимания принципов сюжетосложения Туманяна:

Кота увидев,
Честный пес
Рычит
И громко лает,
Как будто
Каверзный вопрос
Задать ему желает:
«Готова шапка
Или нет?»
А кот
Шипит ему в ответ.
При этом кот
Плюется так
В смущеньи
Или в страхе,
Как это делал
Кот-скорняк,
Когда кроил папаху.

(Пер. С. Маршак)

Известно, как не ладят между собой собака и кошка. Поэт, отталкиваясь от этого самого обыкновенного факта, строит сюжет своей сказки, насыщая ее бытовыми подробностями. Непринужденно, есте-

ственно людские дела и отношения переносятся в мир животных, и читатель, маленький читатель в особенности, которому адресована сказка, легко верит автору, что все это было именно так, а не иначе.

Тот же принцип сюжетосложения в легенде Тумаяна «Проклятая невестка» (1898). Почему у удода такой нарядный вид и на голове его как будто торчит гребешок? И возникает целый сюжет. Молодая женщина, будучи дома одна, сняла с головы платок, распустила волосы, пела, что с точки зрения патриархальных нравов неслыханная дерзость, позор, срам. Вдруг открывается дверь и заходит свекровь, застаёт «бесстыжую» в таком виде. Она в гневе прокликает невестку, и та превращается в удода.

Почему так тревожно кричит чайка? Почему шип цепляется за одежду? Почему летучая мышь не летает днем? Все эти разрозненные, не имеющие меж собой связи явления соединены, осмыслены в единой цепи, в едином повествовании в сказке Тумаяна «Злосчастные купцы» (1891).

Что за птички, которые как будто о чем-то жалобно спрашивают друг у друга, а потом вместе горюют? Это — сироты из сказки Тумаяна «Погос — Петрос» (1898). Они потеряли телят, ищут их. Им нельзя вернуться домой, где ждет несчастных детей злая мачеха.

Тумаян широко использует свои богатые наблюдения, различные зрительные и звуковые явления жизни природы, которые под пером поэта получают особый смысл, наполняясь глубоко человеческим содержанием. В рассказах о животных (как и в сказках, во многом близких им по своей идейной основе) Тумаян стремился пробудить в юных сердцах любовь к животным. В его сказках и рассказах животные часто выступают в роли не только действующих лиц, но и чувствующих существ, которым, подобно человеку, свойственны страдания.

В поэтическом сознании Тумаяна и природа — живое существо. Она — друг человека. Ее нужно беречь, не уродовать, не разрушать. Ему было горько, когда он видел, с какой бессмысленной жестокостью люди уничтожали эту величественную красоту.

Нравственные и общественные идеалы Тумаяна нашли отражение в его поэме «Давид Сасунский». Еще предшественники его пытались воссоздать в литературе эпический сказ о Давиде Сасунском. Однако стоило появиться поэме Тумаяна, как все более ранние попытки были забыты, и его «Давид Сасунский» полностью овладел вниманием читателей.

Поэма Тумаяна «Давид Сасунский» была завершена осенью 1902 года и появилась в печати спустя несколько месяцев на стра-

ницах журнала «Мурч» («Молот»). В примечании автора указывались четыре печатных варианта, на которые он опирался в работе над поэмой. В том же году автор подверг журнальный текст коренной переработке. В 1904 году поэма была издана отдельной книжкой. Для новой редакции Туманян использовал уже шестнадцать печатных вариантов эпического памятника.¹

Первоначальный журнальный текст был освобожден от второстепенных эпизодов, ненужных подробностей, и поэма получила стройную, строгую форму. К «Давиду Сасунскому» Туманян возвращался и в более поздние годы. Он интересовался и новыми вариантами, и новыми исследованиями памятника, собирал материал для второй части поэмы.

Народный эпос «Давид Сасунский» своими корнями уходит в седую древность. Своим возникновением он обязан мифам отдаленнейших эпох. Он складывался в течение многих столетий, вбирая в себя те или иные элементы народного мирозерцания. «Развитие основной нити эпоса, — писал И. А. Орбели, — это ход перевоплощения в подлинного человека тех сил природы, которые на заре сложения человеческого мышления стали принимать звериные или оочеловеченные формы. Каждое следующее поколение героев все ближе к земле, все ближе к облику земного человека».

В «Давиде Сасунском», как и в памятниках древнейших эпических сказаний других народов, миф и история живут вместе. Армянский героический эпос одновременно отражает и черты древнего мирозерцания, и воспоминания о важнейших исторических событиях. Сказ о сасунских богатырях получил оформление в том виде, в каком он дошел до нас, приблизительно в X веке, около тысячи лет тому назад, в период борьбы армянского народа с арабскими завоевателями.

Армянский героический эпос в передаче народных сказителей распадается на четыре группы повестей о славных делах четырех поколений богатырей. Первое поколение сасунских храбрецов — Санасар и Багдасар, второе — Мгер-старший, или Мгер, подобный льву, отец Давида; третье — Давид и четвертое — Мгер-младший, которым и завершается эпический сказ.

Темой для своего нового произведения Туманян избрал основной, третий раздел эпоса, в котором главным героем выступает Давид, изгнавший врагов с родной земли, восстановивший армянское

¹ К тысячелетию «Давида Сасунского» (1939) число записанных вариантов достигло пятидесяти, которые были изданы отдельной книгой.

государство и тем самым снискавший любовь и признательность народа.

В работе над поэмой Туманян стремился оставаться как можно ближе к фольклорному памятнику, послужившему ему не только материалом, но и источником вдохновения. Отвергая или принимая те или иные элементы и отдельные эпизоды, он поэтическим чутьем, основываясь на глубоком знании множества вариантов, правильно определял основные линии эпоса и создавал свои картины, не противоречащие идейной и художественной правде народной поэзии.

Туманяна глубоко волновала проблема национального и общечеловеческого в эпосе. Сила и дух каждого народа воплощены в национальном эпосе. С этой точки зрения сказ о сасунских богатырях рассматривался Туманяном как «великолепная сокровищница прожитой жизни и духовных возможностей армянского народа и неоспоримое свидетельство его величия в глазах мира». В то же время армянскому поэту было чуждо узконациональное толкование эпоса. Для него эпос прежде всего «общечеловеческое творение», понимаемое не в духе теории миграции мифологической школы, а в смысле отражения в нем общности народных идеалов. В заметках «Об армянском эпосе» (1921) Туманян писал: «Эпос принимает различные оттенки в том или ином климате, вбирает в себя специфические черты истории и психологии данного народа и тем самым становится родным, заветным и дорогим этому народу». Однако этим не исчерпывается значение эпоса. Есть и другая, не менее важная и не менее существенная сторона. Вбирая в себя национальный исторический опыт, национальное самосознание, эпос отражает в то же время «всю человеческую жизнь, историю человечества», обогащаясь идеалами, выработанными вековым опытом человечества. Такое толкование эпоса вытекало из общественных взглядов Туманяна, из его стремления в истории, культуре, искусстве, литературе выдвигать на первый план то, что объединяет народы. «Не следует обманываться названием «национальный» и «народный», — писал Туманян, — присвоенным великому эпосу того или иного народа. . . Еще больше растет значение национального эпоса в силу того, что он вместе с тем преимущественно является общечеловеческим творением». Таким же является и «Давид Сасунский», запечатлевший на своих страницах «возвышенные стремления, великие воспоминания» истории Армении, «великие битвы и великие идеалы армянского народа».

Туманян подчеркивал также демократический характер эпоса. Он выступил против попыток некоторых исследователей отыскивать в сказе о сасунских богатырях князей и царей Армении. «Ошибаются

наши филологи, — писал поэт, — когда хотят ключом армянской истории отомкнуть большой замок армянского эпоса или национальным светильником хотят осветить его темные уголки, предполагая, что это дворец того или иного армянского князя или царя».

В «Давиде Сасунском» Туманян видел «собираемый образ армянского народа, огромный, освещенный солнцем мир», где он искал и находил отражение общечеловеческих идеалов.

К вопросу об отражении в эпосе конкретных исторических фактов Туманян относился с большой осторожностью. Он писал: «Если для народного эпоса существует время и пространство — то существует в грандиозных размерах». Армянский поэт, призывая «твердо знать и всегда помнить это правило», очевидно имел в виду масштабность эпоса, его способность охватить в своих символических обобщениях огромные исторические периоды. Этой точки зрения придерживался Туманян в работе над новой поэмой, в которой ощущается дыхание далеких времен. В то же время он усилил жизненно-правдивые элементы эпического сказа, внося в повествование отдельные штрихи, подробности и детали, придав ему в целом реалистическое звучание. Этому немало способствует и язык поэмы, показывающий, как автор широко пользовался сокровищницей живой народной речи.

Центральное место в поэме Туманяна занял образ Давида. Он обладает не только невероятной физической силой, в нем не только воплощена идея могущества, твердости, непоколебимости и веры в свое правое дело, но в характере его отражены и нравственные идеалы народа. В образе Давида заметны также черты, унаследованные им от героев мифов и древних легенд.

В противоположность открытой благородной натуре народного героя — Мсра-Мелик тщеславен, коварен и лжив. Зная, что в честном единоборстве ему не победить Давида, он прибегает к хитрости, лести, обману. Враг могуч и коварен, но Давид сильнее. На его стороне вера и правда. Он взывает к «богоматери Марута и древнему кресту»; молния-меч в его руках творит чудеса. В единоборстве с врагом Давид перенес страшные удары Мсра-Мелика, от силы и тяжести паллицы которого «заколебался шар земной».

Давид вышел из недр народа, который наделил его чертами, свойственными народным героям. Он правдив, честен, благороден, великодушен. Он человек добродушный, наивный и простой. Как справедливо отмечает Мартуни¹, «мужицкие свойства крепко сидят

¹ Мартуни — литературный псевдоним революционного деятеля, публициста и литератора Александра Федоровича Мясникяна (1886—1925).

в нем, хотя он и «благородного» происхождения». Его «мужицкие свойства» сказались в глубоком сочувствии к простому народу, к трудовому крестьянству. Они с наибольшей яркостью проявились у Давида в сцене кровавого боя. В момент, когда он напал на вражеское войско и стал беспощадно истреблять его, из среды вражеских солдат выступил вперед старик и обратился к Давиду со словами:

Чем провинился этот люд?
Его ты губишь — почему?

Они все — дети матерям,
Они — светильники в дому. . .

(Пер. С. Шервинского)

Воины Мсра-Мелика пришли в Сасун не по своей доброй воле, они «бедные земледельцы, и царь силой собрал и погнал» их на войну. «У нас нет вражды к тебе, царь — твой враг, хочешь воевать — войю с ним. Зачем избиваешь бедный народ своим мечом-молнией? И меч-молния богатыря повисает в воздухе, — писал Туманян, поясняя идею своей поэмы. — «Правду молвишь ты, старик», — отвечает Давид Сасунский, — и, оставив простой народ, он поворачивает своего коня, направляя его к царскому шатру».

Бедная старушка, которая открыла глаза Давиду, рассказала ему об отцовском коне и доспехах, в поэме Туманяна не случайно осталась без имени, так же как не имеет имени старик-воин, который своей смелой правдивой речью останавливает кровопролитие.

По мысли Туманяна, и бедная старушка и старик-воин — представители народной массы. Они появляются в определенные решающие моменты и своими советами помогают Давиду понять, кто враг и против кого следует направить удар.

В работе над поэмой Туманян остался верен народно-демократическому духу армянского эпоса, где он искал не столько исторической, сколько идеологической основы. Эту основу Туманян видел в идее борьбы народа с чужеземными захватчиками за свободу и независимость родины. Ему не менее дорога была идея солидарности простых людей из народа в их стремлении к созидательному труду, в их желании жить в мире и дружбе с другими народами. В солдатах противника он не видит врага. Виновники войны — это правящие верхи, цари, феодалы, жаждущие завоеваний и богатств ценою крови и страданий трудящегося люда. Туманян знал цену их миролюбивым речам. Он знал, что под многословными елейными речами и рассуждениями о человечности и всеобщем мире скрываются разбойничьи замыслы захватчика.

Воспевая героизм Давида, идущего в бой с врагами родины, Туманян в то же время с великим гневом говорил о несправедливой, захватнической войне, как о народном бедствии. Он утверждал, что подобные войны «всегда устраивались со стороны правителей стран, правительственных кругов и руками правителей... И всегда это делалось против воли и желания простого народа, трудящегося человека».

После того как Давид одержал победу над Мсра-Меликом, он обращается к его солдатам потому, что не в них видит настоящего врага. Вот слова Давида:

Идите, люди, как пришли,
В свой Мсыр родимый сей же час.
Но если из своей земли
Вы вновь подыметесь на нас, —

Хоть в яму брошен будь Давид,
Будь тяжким жерновом накрыт,
Как ныне, молнией-мечом
Давид Сасунский вас сразит.

Бог весть, при встрече боевой
Кто пораскается в тот час, —
Мы — в грозный вышедшие бой,
Иль вы — напавшие на нас!

Слова Давида, обращенные к врагам родины, звучат грозным предостережением.

7

В годы первой русской революции национальный вопрос приобрел особую остроту. Политика самодержавия на Кавказе осуществлялась царским наместником князем Голицыным, дошедшим в своей ненависти к армянам до иступления. Тюрьмы были переполнены тысячами армян. Кровавые столкновения произошли в Азербайджане, Грузии. Весть об этих событиях дошла до М. Горького. Ему было больно слышать о том, как мирные народы подняли меч друг против друга. «Бывая на Кавказе, я всюду видел, как дружно и мирно работали рядом грузин с татариним и армянином, как детски весело и просто они пели и смеялись, и так трудно поверить, что эти простые

славные люди ныне тупо и бессмысленно избивают друг друга, подчиняясь подстрекающей их злой и темной силе», — писал Горький в статье «О кавказских событиях».

Не хотел поверить этому и Туманян. Он боролся с национальной враждой. С белым флагом он объезжал азербайджанские и армянские деревни Борчалинского, Газахского и Лорийского уездов, убеждая крестьян не поддаваться провокации, сохранить добрососедские, мирные отношения между собою. И нужно сказать, что армянский поэт, пользовавшийся любовью не только армянского, но и азербайджанского населения, достиг многого. Благодаря его убежденному слову, горячей пропаганде эти районы были спасены от братоубийства.

Туманян, правильно оценив сущность кавказских событий 1905 года, писал с горечью: «Занятые этой низкой и постыдной войной, мы очутились в стороне от освободительного движения в России». Тем не менее он имел полное основание гордиться тем, что сумел «убедить поднявшиеся друг против друга народы вложить мечи в ножны» и тем спасти многие тысячи жизней.

После поражения революции 1905 года наступила вновь полоса реакции. По воле царя и его чиновников тысячи людей были брошены в тюрьмы. Малейшего подозрения было достаточно, чтобы оказаться за решеткой. Активная общественная деятельность Туманяна, в особенности его участие в событиях 1905—1907 годов, привлекала внимание жандармерии, и за ним был установлен тайный надзор.

В конце декабря 1908 года царской жандармерией были арестованы и заключены в Метехскую крепость Туманян и Исаакян. Камеры их были рядом.

В крепости Туманяном была написана сказка в стихах — «Капля меда», явившаяся злой сатирой на царей и правителей. Автор показывает, как из-за случайного, ничтожного пустяка завязывается конфликт, который, все больше и больше разгораясь, приводит к невиданному кровопролитию. Туманян изобразил войну как бессмысленное, страшное народное бедствие, приносящее много страданий и горя миллионам не повинных ни в чем людей.

Сказка Туманяна написана в годы реакции, в тюрьме, что заставило автора высказать свои мысли в замаскированной форме. Тем не менее ее основная идея ясна. Она вытекает из взглядов Туманяна на войну. Войны, по его глубокому убеждению, всегда устраивают правители, цари, феодалы. Поэт высмеивает их высокопарные, лицемерные слова о причинах, заставивших их взяться за оружие, высмеивает фальшивые речи, которыми они гонят народ на войну:

Король соседний, словно вор,
Презрев священный договор,
Границы наши перешел,
Вступив в одно из наших сел.
У поселян он отнял кров.
Стенанья жен и слезы вдов
Текут к престолу моему.
 А посему,
 А потому
Приказ мы отдали войскам,
Лихим наездникам, стрелкам,
Начав немедленно войну,
Занять соседнюю страну.
Согнем врага в бараний рог!
За нами — пушки. С нами — бог!

(Пер. С. Маршака)

1910-е годы были периодом кипучей общественно-публицистической деятельности Туманяна. Широкий и многообразный был круг его интересов. Не было ни одного важного животрепещущего вопроса жизни армянского общества, мимо которого он прошел бы равнодушно. Прошлое страны, ее историческая судьба, ее будущее, вопросы мирного сосуществования народов, вопросы развития языка, литературы, искусства — все это глубоко волновало Туманяна, и он активно вторгался в различные области общественно-культурной жизни, всюду внося свой весомый вклад.

В статьях на литературные темы Туманян уделял специальное внимание вопросам языка. Но он никогда не был склонен к умозрительным, отвлеченным рассуждениям. Он был человеком, всегда твердо стоявшим на земле, для которого спор о языке имел практическое значение. Вопросы языка он считал насущными вопросами развития литературы.

В статье «Об армянском литературном языке» (1916) Туманян писал: «Язык является главным фактором национального существования и бытия каждого народа, главным критерием самостоятельности и гения, волшебным ключом к истории и отдаленному прошлому, самым роскошным сокровищем духовных богатств, душой и психологией».

Язык литературы Туманян рассматривал в постоянном живом движении, и его интересовало прежде всего вопрос о взаимоотношениях между языком литературы и народными диалектами, о путях развития литературного языка, о его свойствах и границах. Теорети-

ческие суждения армянского поэта вытекали из его творческой работы, которая уже давала определенное практическое решение проблемы общенационального языка литературы.

Язык Туманяна складывался в результате длительного сложного процесса. В его раннем творчестве стремление оставаться как можно ближе к истокам народной речи, в частности к местному лорийскому говору, нередко приводило к злоупотреблению диалектизмами. В период зрелости у поэта вырабатывалось более осознанное и строгое отношение к языку; происходила кристаллизация поэтической речи Туманяна. Он считал, что вопрос о литературном языке содержит в себе еще много спорных моментов, но одно было для него ясным: вопрос об армянском литературном языке «должен окончательно разрешиться полной победой народного языка, и победа народного языка должна увенчаться сильной национальной литературой». Туманян выступал против тех, кто ревностно защищал и оберегал «чистоту» книжного языка, и тех, кто стоял на консервативных позициях и с пренебрежением относился к народной речи. «Нашим могучим и живым литературным языком, — говорил Туманян, — будет слияние народных наречий, грабара и существующего ныне литературного языка». Положение это было проверено и оправдано жизнью самой литературы. Ваан Терьян первый правильно определил место и значение Туманяна в развитии языка литературы: «Туманян сейчас довел свой язык до такой степени кристаллизации и ясности, — говорил Терьян в 1912 году, — что приблизил его к языку Пушкина. Это и следует считать одной из величайших заслуг Туманяна».

Сравнивая язык Туманяна с языком Пушкина и придавая этому особо важное значение, Терьян хотел подчеркнуть роль Туманяна в развитии армянского литературного языка. Характер языка Туманяна, его богатство и культура были обусловлены теми большими сдвигами, которые произошли в армянской литературе в конце XIX — начале XX века. Именно в этот период значительно обогащается словарный состав литературного языка, усиливается процесс растворения диалектов в едином общенациональном языке.

Летом 1914 года Туманян жил в Цагверах на даче и работал над своей восточной сказкой «Тысячеголосый соловей». Вспыхнула мировая война. Родная земля — в который раз! — стала ареной жесточайших битв. В апреле 1915 года Турция, при содействии кайзеровской Германии и молчаливом попустительстве Англии, начала истреблять население Западной Армении.

В конце 1916 года погиб на ванском фронте и старший сын поэта Артавазд Туманян.

В эти страшные годы Туманян пишет свои «Четверостишия»,

в которых сказалось стремление к осмыслению пройденного поэтом жизненного пути, к философским обобщениям. В них Туманян предается размышлениям о мире, о путях человечества, о цели существования. «Четверостишия» характеризуют переживания и думы Туманяна в последний период его жизни. В этом смысле они являются «биографией души» автора. Их можно рассматривать как определенный этап в развитии лирики Туманяна, но не как итог его творчества.

«Четверостишия» написаны преимущественно в годы первой мировой войны и в период недолгого, но кровавого господства в Закавказье буржуазно-националистических партий. Еще в 1903 году Туманян написал стихотворение «Армянское горе — безбрежное море...». Ужасы войны, жестокость, кровь и слезы невинных, толпы беженцев, голодные дети, безутешное горе матерей, потеря любимого сына во многом определили содержание и скорбный характер «Четверостиший». В них отразились глубоко волновавшие поэта грустные события личной и общественной жизни. В них явственно видна смятенность чувств Туманяна.

Скорбные мотивы в «Четверостишиях» в целом не характерны для оптимистического и жизнеутверждающего творчества Туманяна. В нем было развито живущее в сознании народа здоровое чувство оптимизма. «Поднялась буря, — писал он в гнетущие дни империалистической войны, — за тяжелым чувством последовали страшные потрясения и смятение, но и это пройдет, вновь взойдет яркое солнце и улыбнется мирный день... После нынешней войны с невиданной силой и глубиной встанет проблема мира во всем мире...»

Все симпатии Туманяна были на стороне России, на Германию и Австро-Венгрию он смотрел как на главных виновников войны. Поэт упустил из виду, что война 1914 года была захватнической и что ее виновниками были не только Германия и Австро-Венгрия, но империалисты всех стран, в том числе и царская Россия.

В сложной обстановке предреволюционных лет на Кавказе, в атмосфере острой политической борьбы для общественной позиции Туманяна характерны сомнения, колебания:

Меж двумя веками я,
Меж двумя камнями я.
Всё мечусь меж новым днем
И былыми днями я.

(Пер. К. Липскерова)

Чем глубже проникал поэт в сущность происходящих событий, тем больше росла в нем тревога за судьбу родины, тем настоятель-

нее он искал выхода. Он сознавал противоречия социальной действительности, был свидетелем безотрадной, темной жизни крестьянской массы, видел произвол, жадность и жестокость сильных, богатей, правителей. Он видел войны и разорения, бесчисленные раны и беды народа. Туманян не мог мириться с этой действительностью. Он прекрасно понимал, что так жить дальше нельзя. Порою он обращался к прошлому, где искал опору, нравственные идеалы, мир и гармонию. Но и тут он сталкивался со страшными диссонансами жизни, до него доносились вопли и стоны несчастных людей — жертв адатов, суеверия и предрассудков. Оплакивая их печальную участь, поэт отвергал строй жизни, породивший эти уродливые явления социальной действительности. Он с болью и нежностью рассказывал о простых людях из народа, ищущих счастья и света.

Для творческого развития Туманяна характерными явились и мотивы протеста. Их можно проследить, начиная с ранней поэмы «Стенания», в которой выражена идея народной партизанской войны, до его легенды «Шах и разносчик». В ней Туманян говорит: «Пока существует шах и пленник, хозяин и раб, — не быть на земле ни правдивому слову, ни жизни, ни любви...» П. Тычина, сопоставляя легенду Туманяна с «Прогулками по Риму» Стендаля, в которых описывается, как «римские ремесленники... дают сдачу, когда их бьют», писал: «Дают сдачи злобному шаху и армянские бедняки, невзирая на то, что одного из них шах мечом зарубил». Мотивы стихийного протеста несомненно составляют одну из самых сильных сторон творчества армянского поэта.

Если в критике и отрицании старого мира Туманян выступал реалистом, то необходимости изменения существующего порядка революционным путем он не понимал, возлагая свои надежды на просвещение и проповедь гуманистических идеалов.

Туманян неоднократно возвращался к своему социальному идеалу, нашедшему яркое отражение в его сказке «Золотой город». В ней поэт рисует утопическую картину всеобщего счастья, где миру «зла и горя» противопоставлен «золотой город», в котором нет хозяев и рабов и все живут спокойно, наслаждаясь плодами своего труда.

Мирный созидательный труд Туманян считал основой будущего разумного общественного строя, но он не указывал конкретных путей достижения конечной цели.

Были и такие периоды, когда Туманян искренне верил, что проповедью идеи мира и братства можно достигнуть всеобщего счастья на земле. Перед империалистической войной, в раскаленной атмосфере ожесточенной политической борьбы, когда надвигались грозные события, Туманян взывал к человечности, обращаясь к людям

различных партий. «Неужели невозможно иметь различные мнения и убеждения, — писал поэт в 1913 году, — но уважать друг друга, радоваться вместе! Разве не настало время для большей широты, для большей терпимости, не надо ли иметь более снисходительное и более любящее сердце?..»

Туманян горько жаловался на то, что люди стали жестокими. «Мы очень очерствели в окружении недоброжелательства и злобы, — писал он, — привыкли к горечи желчной ненависти, сами стали ненавистными. Неужели нам недоступно светлое чувство любви? Разве мы не можем подойти друг к другу, взглянуть друг на друга глазами добра, увидеть друг в друге лучшие стороны — ибо нет человека без хороших сторон...» И когда эти слова о братстве и любви, подобно «гласу вопиющего в пустыне», повисали в воздухе, не находили сочувственного отклика, тогда поэт огорчался, скорбел, но не отчаивался, а с еще большей энергией и настойчивостью продолжал пропаганду идей мира и дружбы.

В то время как в Грузии, Армении, Азербайджане хозяйничали буржуазно-националистические партии, когда подняли голову силы реакции, подстрекаемые и поддерживаемые английской интервенцией, Туманян указывал на единственно правильный путь — солидарность народов Кавказа с новой Россией в великой освободительной войне.

Когда вспыхнула заря Великой Октябрьской социалистической революции и русский народ поднялся на решительную битву за свободу, армянский поэт призывал все народы «крепко, в меру своих сил, помогать только что вставшему на ноги русскому богатырю».

Туманян верил, что придет время и озарится лучами счастья жизнь армянского народа. И когда на Кавказе уже ощущалось дыхание великой освободительной силы Октябрьской революции, Туманян приветствовал и благословлял будущих строителей нового мира. «Пусть над вашей молодой жизнью засияет счастливый рассвет, — говорил он в 1918 году на вечере молодежи, — о котором мечтали мы в бурные, темные ночи».

В мае 1920 года вспыхнуло в Армении восстание, однако дашнакскому правительству с помощью интервентов удалось его подавить и жестоко расправиться с инициаторами освободительного движения. Но дни господства дашнаков, предавших страну огню и мечу, были сочтены. На помощь Армении пришла великая Советская Россия, которая принесла армянскому народу спасение. 29 ноября 1920 года Армения стала Советской Республикой.

В декларации Революционного Комитета Армении от 29 ноября 1920 года говорилось: «Волею восставших трудовых масс Армении,

возглавляемых коммунистической партией, мы объявляем Армению Социалистической Советской Республикой».

2 декабря 1920 года В. И. Ленин приветствовал «освобожденную от гнета империализма трудовую Советскую Армению».¹

После того как все Закавказье стало советским, Туманян строил новые планы, мечтая об осуществлении многих своих замыслов, но тяжелая болезнь надолго приковала его к постели.

В один из холодных декабрьских дней 1922 года на вокзале московские друзья встретили тяжело больного поэта. При непосредственном содействии Народного Комиссариата просвещения была оказана Туманяну необходимая медицинская помощь. 22 марта поэта посетил С. Городецкий: «Я вошел в белую, залитую светом комнату. Поперек ее у левой стены стояла кровать. На ней лежал Ованес Туманян, белоснежно-седой, бледный... Мысль его была светлой, речь замедленной, но живой, как всегда...»

На следующий день состояние больного резко ухудшилось. Были приложены все усилия, чтобы вернуть поэта к жизни, но было уже поздно... 23 марта 1923 года Туманян скончался.

Туманян — виднейший представитель армянского гуманизма. Его произведения пронизаны великой, неугасимой верой в человека и человечность.

Будущее Армении поэт связывал с освободительной борьбой русского народа. «Происходящие события не являются случайными, — писал Туманян после Октябрьской социалистической революции, — это верная дорога истории. Наше будущее, как я всегда говорил, связано с Россией, а чем более свободна Россия, тем лучше и для нас и для всего мира».

Туманян осознал всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. Он горячо приветствовал новую Россию, своим примером указавшую угнетенным народам путь к освобождению.

К. Григорьян

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 42, М., 1963, с. 54.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. ПРОЛОГ

О горы, я вами опять вдохновен.
Ликует душа, несказанно я рад,
Заветные думы, как светлый мой сон,
Судьбе вопреки, к вам отныне летят.

О горы за облачной легкой грядой,
Из туч, чей туман надо мной поднялся,
Я вас призываю, объятый тоской,
И в дар приношу вам души голоса.

К тебе прихожу я, бывая печаль,
Наставница давних младенческих дней, —
Отняв мой покой, ты влекла меня вдаль
И тайной томила тревогой своей.

И ночью и днем ты звала за собой.
В бессчетных мученьях, в жестокой борьбе,
На крыльях поэзии всею душой,
О гордая Родина, рвусь я к тебе.

Не песнями радости в долах земных,
Не цветом долин, где струятся ручьи,
А горестным стоном страданий моих
Хочу я наполнить ущелья твои.

О, эти ущелья, укрытые тьмой,
Подобные сердцу, чьи раны болят,
Вы тоже иссечены злобной судьбой,
Но к вам мои песни всё так же летят.

Ответьте мне стоном глубокой тоски,
Померьтесь со мной темной бездной своей, —
Быть может, вы так же всегда глубоки,
Как страшная темень печали моей.

1890

2. СТАРИННОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Там, под орешником, развесившим листву,
На корточках, по старшинству
В кругу почетном восседая,
Обычай соблюдая,
Смеялись, пили
И шутили,
Вели беседы длинные за чашей
Хозяева села — отцы и деды наши.

Мы — трое школьников — стояли тут же рядом,
Сняв шапки, с любопытным взглядом,
Сложивши руки на груди покорно,
Ребячески задорно
Мы пели песни, громок был их звук,
Отцов и дедов радовался круг.

Но вот мы кончили. Тогда,
Крутя усы, поднялся тамада,
За ним, поднявши чаши налитые,
Все остальные.
Сказали нам: «Благословен ваш час!
Живите, дети, но счастливей нас. . .»

Прошли года. Не сосчитать потерь. . .
И песни наши горестней теперь.
И, настоящее слезами орошая,
Я понял, почему, благословляя,
Нам говорили старшие в тот час:
«Живите, дети, но счастливей нас. . .»

О вы, давно почившие! Мир вам!
Все ваши горести близки теперь и нам,

И нынче, скорби час иль радости встречая,
Летей своих в дорогу провожая,
Как вы, мы говорим: «Благословен ваш час!
Живите, дети, но счастливей нас. . .»

1887

3. ПЕСНЯ ПАХАРЯ

Паши, мой плуг, — до темноты
Должны мы пашню побороть,
Паши, сворачивай пласты,
Благослови тебя господь!

Тяни же, вол, пришел твой срок,
Паши, трудись, мой верный вол.
Эй, подхлестни кнутом, сынок,
Чтоб черный день от нас ушел!

Займодавец вгонит в гроб,
И староста грозит избить,
Молебен отслужил нам поп,
Сказал, что мы должны платить.

Вчера за податью пришли,
А чем платить? Ведь я сам-друг. . .
Что снять могу с клочка земли?
Паши, паши, мой верный плуг!

Уходят силы день за днем,
Здоров ли, нет, — трудись, как вол,
А малолеток полон дом,
И каждый голоден и гол. . .

Паши, мой плуг, — до темноты
Должны мы пашню побороть,
Паши, сворачивай пласты,
Благослови тебя господь!

Март 1887

4. ЛЕТНЯЯ НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

Ночью лунной, лучистой
Даль прохладна, светла.
Воздух трепетный, чистый,
Звездам нету числа.

Вот селенье в долине
Задремало впотьмах.
Всё затихло в нем ныне,
Свет не виден в домах.

Люди спят и не внемлют
После долгих трудов. . .
На гумне они дремлют
И на крышах домов.

Воздух легкий и зыбкий —
Отдохнут наконец. . .
Люди спят — и с улыбкой
С неба смотрит творец. . .

1887

5

Я не знал, что эта искра
В сердце девичьем твоём
Так безудержно и быстро
Станет гибельным огнём.

То, что в памяти как шалость
Я из юности унес,
Видеть мир тебе мешало
За туманом горьких слез.

Пред тобою я в ответе
За невольный мой обман;
Я не знал, что легкий ветер
Превратится в ураган.

Ты прости, что так глубоко
Сердце ранил мой порыв
Той прекрасной, но жестокой
И предательской поры.

1889

6

Блаженство обещала мне надежда,
Но не нашел его я до сих пор
И, ободренный обещаньем тщетным,
Вступил напрасно с трудной жизнью в спор.

Казалось мне — ждут люди с нетерпением
Прихода моего, ждут слов моих, идей,
Что встречу я любовь и вдохновение,
Что совесть, честь живут в сердцах людей.

Мгновенная мечта рассеялась так скоро,
Подобно быстрому, пустому ветерку,
И вот повержена, как челн, что, бросив море,
Плыть захотел по зыбкому песку.

Да, ты пришел. Но правит этим светом,
Как прежде, свой незыблемый закон.
Под маской лжи великий благодетель
Оружьем тайным вновь вооружен.

Вот недугом смертельным пораженный,
Плащом невинности и святости покрыт.
Толпа приверженцев его неугомонно
Делам позорным фимиам кадит.

Здесь тысячи невинных душ гонимы
По воле необузданных страстей.
Здесь, с разумом людским несовместимо,
Прав навсегда сильнейший из людей.

Злорадствуя, ликуя, пресмыкаясь,
Ватага жадная, без сердца, без основ,
Кишит, шумит, трибуны занимая
Как предводитель мыслей и умов.

Вот голоса и крики ликованья,
Как эхо злобных, яростных речей.
Какое выразить хотят они желанье,
Бичи народа, горе всех людей?

Чего вы жаждете? Чтоб пал, погиб достойный?
Хотите лучшего нещадно растоптать?
Всё для того, чтоб свой кусок спокойно
Имели хлеба вы. Хотя, как знать,

Быть может, мрак возвел вас в сан высокий
Тиранов разума, губителей умов,
И мните вы в безумии глубоком,
Что обратили всех в своих рабов?

Несчастные! Смотрите — перед вами,
Не посягая, нет, на ваш кусок,
Дитя простое разума и знанья
Рассвета ждет. Желанный близок срок.

Блаженство обещала мне надежда,
Но пусть ко мне блаженство не придет,
Я не грущу. Одна мечта, как прежде,
Еще ведет меня всегда вперед.

Вперед, борясь! Я знаю: день настанет
И настоящее падет, как черный сон,
А на обломках горделиво встанет
Грядущее в сиянии знамен.

1889

7. ДЕТСТВО

Когда вокруг себя я с отвращеньем
На жизнь с ее уродствами смотрю,
Душой моей, охваченной волненьем,
Тянусь я в детство, в светлую зарю.

Оно вдали, как утро золотое,
Я лью по-детски слезы, раздражен,
Коль детство мне мерещится святое,
Бесследно промелькнувшее, как сон.

Ты, детство, как последний луч заката,
Померкло пред сгущающейся тьмой.
Как ярко просверкало ты когда-то!
Разгулом жизни сломлен я, больной. . .

О, если б ты мне засияло снова!
Возьми в свои объятия, приласкай. . .
Мечты напрасные! Уже суровый
Мне путь открылся в тот, загробный край. . .

И страшен путь, оставшийся за мною, —
Насилье там и попранная честь,
Там рядом с черной завистью земною
Продажная любовь и злая месть.

Уйдя из мира этих бед не новых,
Из мира зла, изнеможен в борьбе,
Не унесу с собой венков лавровых,
А лишь святую память о тебе.

А скоро и могила обветшает,
Но путника попросит бросить взгляд,
Благословить ее. А то, кто знает? —
Пройдут и посмотреть не захотят. . .

1889

8. ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

О мир святой, невыносимым
Ты стал — тебе приюта нет
В краю родимом и гонимом
И в сердце, где страданий след.

Иди в те горы, где ягням
Спокойно возле пастухов.
Тревогой, страхом мы объята
При виде вражеских клыков.

Иди, сияй в дали блаженной,
Где люди — братья, где тебя
С восторгом песней вдохновенной
Благословят они, любя.

Иди и той достигни пяди,
Где жизнью и судьбой людей
Не помыкают смеха ради
Или из прихоти своей.

Мы, в сердце ранены, к несчастью,
Не в состоянии опять
Терпеть злодеев самовластье
И всё ж тебя благословлять.

О мир священный — весть благая,
Что в каждом сердце горяча, —
Тебя с восторгом вспоминая,
Должны спастись мы от меча.

1889

9

Я гляжу: передо мною
Необъятная земля. . .
Горы с вечной белизною,
Плодородные поля.

Ни конца у них, ни края,
Широко они легли.
Ветерок звенит, играя,
И леса встают вдали.

Тут везде зверям приволье,
В каждой чаще им уют. . .
Тут о счастье, о раздолье
Птицы радостно поют. . .

Вот река в долине вьется,
Над рекой стоят сады.
Мелодично отдается
Шепот медленной воды.

У реки желтеет нива,
Даль прозрачна и ясна.
В легкой дымке — синь залива,
Тихо плещется волна. . .

Сколько шири и покоя,
Как безбрежно и светло
На земле, где всё живое
Жить в согласии могло!

Мысль одна тревогу будит:
Мир просторен и богат —
Отчего ж друг друга люди
Убивают и теснят. . .

1889

10

О, жалкий человек! К неясной цели
Стремится он от самой колыбели.
Он весь во власти смутного влеченья,
Весь полон беспредельного мученья.
Его надежды призрачней тумана,
И осужден спешить он неустанно.
Недолог срок его существованья.
Как вехи, метят путь его страданья.
Он жаждет денег, почестей и славы
И сеет смерть налево и направо.
Среди раздоров, горестей и крови
Нечистыми руками счастье ловит.
Транжируя жизнь — бесценный дар природы, —
Бесцельно тратит прожитые годы.
И лишь когда совсем иссякнут силы,
Спохватится вдруг на краю могилы
И, пораженный, в горестной тревоге,
Он замирает у конца дороги,
Путь пройденный с печалью озирает
И слезы сожаленья проливает.
Вдруг замечает он, что нет возврата
Всему, что было дорого когда-то,
И исчезает сам — такой ничтожный,
Как дуновение, как прах дорожный.

10 января 1890

Если в тускнеющем взоре моем
 Скорбь отразится, какую не спрячешь, —
 Слезы твои в мое сердце огнем
 Брызнут, — пойму, что, прощаясь, ты плачешь.

Если бы знал, что взаправду мою
 Гибель оплачешь, — умру я без муки.
 Клятву любви тебе в этом даю —
 Нет во вселенной надежней поруки.

Если в могиле услышал бы я,
 Как ты рыдаешь, — утешился б, зная,
 Что я покинул земные края,
 Где ты любила меня, дорогая.

1 апреля 1890

12. УЖ НЕ ВЕРНУТЬ

То чувство выжжено дотла,
 Которым ты пренебрегла.
 Оно со вздохом улетело,
 Теперь то место опустело.

Уж не взывай, не плачь, мой друг, —
 От слез твоих проснуты вдруг
 Печальные воспоминанья,
 Но поздно воскрешать желанья.

21 апреля 1890

Он утопился, и что ж — осужден
 За малодушье. . . Вы знали,
 Как был измучен страданьями он?
 Лучше бы вы помолчали!

Вот и бедняга, который в беде
Бродит, как в трауре, тенью;
Сгорбился. . . Знаете ли, что нигде
Он не нашел утешенья?

Вот и другого бросают в тюрьму —
Верно, злодей он? Да что вы!
Шел с высокою думой во тьму,
Путь ему выпал суровый. . .

Знаете ль, что и веселый пиит,
Песней толпу развлекая,
Рану в замкнувшем сердце таит,
Скорбь от насмешек скрывая?

22 апреля 1890

14. ПРОРОК

Он, правдолюбец, над челом суровым
Неся величья гордый ореол,
Огнеподобным потрясая словом,
В наш суетный, заблудший мир пришел.

От гневного божественного гласа
Пропойцы поднялись из-за столов,
Их лица исковеркала гримаса,
И к пререканью каждый был готов. . .

«Кто ты такой? Ты можешь в грешном деле
Смешаться с нами — пой, пляши и пей!
Иль не мешай ты нашему веселью,
Иль пострадать рискуешь от камней».

Но, не боясь угроз и поношенья,
Он твердо к людям шел, чтоб им помочь,
Чтоб истиной рассеять заблужденья
У них — упорных, темных, словно ночь;

Когда ж до края гибельного ямы
Шагнул и факел свой простер вперед,
Неблагодарная толпа упрямой,
Слепой рукой разбила факел тот.

Когда же грянул грозный час печали,
Когда никто уже спастись не мог,
Одумавшись, одно они шептали:
«Он правду говорил. То был пророк».

1 мая 1890

15. ЗЛОУМЫШЛЕННИК

Вы, падшие сыны отцов великих,
Тупых страстей бездушные рабы,
Погрязшие в разврате оргий диких,
Как будто нет достойнее судьбы!

Вы пали, но не в упоеньи боя.
Вы умерли, но смертью не своей.
Предательски могилу братьям роя,
Слепцами вы считаете людей.

Вы можете швырнуть банкиру в ноги
Невинного бесчестной клеветой;
Грабителям вы лижете пороги,
Довольствуясь прислужнической мздой.

Вы обмануть хотите мир бесстыдно,
Встав пред судом смиреннее овец.
Не думайте, что никому не видно
Лжи ваших слез и черноты сердец!

Вы рады всем застлать глаза туманом
Пустых речей, не веря сами в них,
Тюремщики, отдавшие тиранам
И дом, и кровь, и жизнь своих родных.

Вы на слезах вдовицы сокрушенной
Хлеб месите для своего стола
И, возгордясь расправой совершённой,
Кричите: «Где защита против зла?»

Где бог? . . .» Но бог возмездьем справедливым
Накажет вас, искоренив ваш род;
И нет тех сил, которые б могли вам
Помочь найти спасительный исход.

20 мая 1890

16

Молю, пощадите лишь память о той,
Чье горе не знало предела,
Когда она, ложью опутана злой,
Любви моей верить не смела.

К чему утешенья? Слова их мертвы,
А мне не вернуть уже счастья,
Пока от любви не страдаете вы,
В вас сердце не знает участия.

Зачем вспоминать, как людская молва
Сердца разделила враждою,
И если один я, не нужны слова,
Я счастлив и долей такою.

Но я не хочу, чтоб, тоскою больна,
Томилась душа бесконечно.
Пусть горе уносит забвенья волна,
Чтоб мог я смеяться беспечно.

25 июня 1890

17. ЕЙ

Я хочу, чтоб тебя не посмел полюбить
Так, как я, ни один человек на земле,
Но чтоб стали вокруг восхищенно твердить:
Это ангел предстал нам в лазоревой мгле!

Я хочу, чтобы чистое сердце твое
Для меня только билось в сияньи своем,
Чтобы в нем растворилось дыханье мое,
Пламенела любовь моя вечным огнем.

Чтоб в глаза дорогие я день ото дня
С удивлением новым смотрел и смотрел,
Чтобы глубь твоих глаз затянула меня
И обратно я выход найти не сумел.

И коль смерть в те мгновенья ко мне подойдет,
Припаду я к груди животворной твоей,
И любовь твоя снова меня обоймет, —
Станет грудь дорогая могилой моей.

5 октября 1890

18

С горных высей стремится ручей;
Ниспадая, о камни он бьется,
И журчит, и ворчит, и смеется,
И звенит под сияньем лучей.

Сочетанию радостных звуков
Лес кругом слабый отзвук дает, —
Так старик еле внятно поет,
Слыша звонкое пение внуков.

Но безмолвствует вечный утес;
Наклонившись громадой угрюмой,
Он охвачен загадочной думой,
Он исполнен неведомых грез. . .

2 декабря 1890

19. ПЕВЦУ

Певец, к тебе взываю. Спой
Мне песню, что на вопль похожа,
Чтоб скорбь ее с моей тоской
Сливалась, душу мне тревожа.

Разбей запруды чувств немых
Той песни жгучими словами,
Чтоб отозвался я на них
Своими горькими слезами.

Я долго прятал в сердце боль, —
Виновна черствость в том людская.
Сейчас хочу перед тобой
Раскрыться, душу облегчая.

Скорей же пой, певец! Согрей
Мне сердце, выплакаться дай мне.
Быть может, слез пролив ручей,
Избавлюсь я от муки давней.

Декабрь 1890

20

Щемит мое сердце. Я болью одной
С прекрасной землей моей болен.
Когда же, земля, разлучится с тобой
Суровая, горькая доля? ..

Устала ты, родина, горе носить
И бремя пустынных развалин. . .
Я слышу, как вдовья печаль голосит
И камни к отмщенью позвали.

Запела ли мать, шевеля колыбель,
Крестьянин ли с песнею вышел,
Звенит ли в долине пастушья свирель —
Я стоны отчаянья слышу.

Земля моя больше не верит в людей,
Не верит и в благости неба —
Готова отдать бремя были своей
За легкую вечную небыль.

Ужель всё живое в огромной душе
Навеки расстреляно метко?
Ужели и в песнях нельзя хорошеть
Прославленной гордости предков? ..

Доколе народ молчаливо готов
Сносить униженье, обиды,
И долго ли свора натравленных псов
Нам будет грозить панихидой?!

Когда перед властью безумства и лжи
Из пепла воздвигнем преграду?
Пора, и кощунству предел положив,
Не видеть в подачках — награду...

И тянется дума — одна за другой,
Ведет, как зловещая нитка.
И где бы я ни был — повсюду со мной
Души беспредельная пытка.

А мысли, со всех наступая сторон,
Теснят, навалились и душат...
Но снова доносится родины стон,
Чтоб гнев исцелил мою душу.

1890

**21. ПЕРЕД КАРТИНОЙ ХУДОЖНИКА
Г. БАШИНДЖАГЯНА «ДЗОРАГЕТ НОЧЬЮ»**

Ущелье это в грозной красоте
Изобразил ты живо на холсте.
Поистине, душою исполнил
Ты, охвативший мощь родных вершин,
Задумчиво застывших под луной,
И блеск реки, вскипающей волной,
И звездное сияние небес,
И сонный сумрак, скрывший всё окрест.
Гляжу — немой покоем ночь полна...
В моей душе такая ж тишина.

Но что это? В ущелье, одиноко,
В глубокой мгле мерцает огонек, —
Там хижина стоит среди камней.
Ты знаешь ли, кто обитает в ней?
О нет, не знаешь ты! Когда б, на миг
Ты в душу заглянув к нему, постиг,
Какая буря затаилась там, —
Тогда б покоя не дал ты сердцам!

1890

Порою жжет мне грудь кипение страстей,
 Но я, как памятник, недвижим остаюсь...
 К далеким звездам я лечу мечтой своей,
 Я во вселенную, в ее глубины рвусь.

Мысль! В силах охватить огромный мир она,
 Припав к ногам того, кто побеждает зло,
 Согрев девичью грудь, что жажды ласк полна,
 Целуя труженика грустное чело.

Упорна и легка, свободна от оков,
 Вдруг воскресит напев, который сердцу мил,
 Иль в прошлое уйдет, в объятия веков,
 И ощутит печаль безвременных могил.

Стремителен ее безудержный полет,
 Для поисков пред ней открыты все пути.
 Сквозь мрак грядущего, блуждая, мысль пройдет,
 Чтоб счастья полноту когда-нибудь найти.

Летает мысль моя,
 И тает мысль моя.
 И сам я не пойму:
 К чему я рвусь, к чему?

1890

23. ПЕРЕД ПЕРВОЙ НОЧНОЙ ЗВЕЗДОЙ

День улетел. Объята тьмою
 И небосвод и ширь земли.
 Скажи, звезда, мне, что с собою
 Твои лучи нам принесли?

Ты возвестила час свиданья
 Для тех, что юны, влюблены
 И нетерпеньем ожиданья
 Томяще-сладостным полны.

Ты показалась в небе темном,
Но тот, кто тоже ждал тебя,
С существованием никчемным
Расстался, жизнь в волнах сгубя.

Перед молитвой кто-то ловит
Луч, посылаемый тобой. . .
Другой оружие готовит,
Идя в потемках на разбой.

Не догадается всевластный
Богач, устав от кутежа,
Что у дворца его несчастный
Всю ночь бедняк стоит, дрожа.

Как взгляд любимой, ночью каждой
Ты светишь, звездочка, в тиши,
Всё новой мукою и жаждой
Тревожа глубь моей души.

1890

24

Ночей бесконечных печальная тишь.
Во мраке отчизна моя утопает,
И мысль моя там, как летучая мышь,
Кружит и кружит и покоя не знает.

Беззлобно, безмолвно кружит, словно тень,
Над холодом плит на замшелых кладбищах,
В пустынях разрушенных деревень
Ни света, ни звука живого не сыщет,

Еще покружит и вернется она
Ко мне, безнадежной печали полна,
И спрячется в сердце, в немые глубины,
Где только разбитой надежды руины. . .

1890

25. МЕСТЬ ПЕВЦА

Бесчувственные, мрачные сыны
Времен насилья — черного, тупого,
Я тщился вас любить, но вы страшны
И доброго достойны разве слова?

Я стану петь, и скорбный мой напев
Сожжет вам сердце болью и тоскою.
Обрушится на вас поэта гнев —
Чтоб вам не знать и в будущем покоя.

Печали и отчаянья мотив
Пусть разольется горечью над вами,
И, головы на пиршествах склонив,
Вы горькими заплачете слезами.

Пускай возмездье гневного певца
Карает вас всю жизнь без сожаленья —
Испепелит и души, и сердца
И обречет на вечные мученья.

22 февраля 1891

26. НАКАЗ

Из Ванских тюрем услышав стенанье,
Увидев, что кого-то грабят рядом
И красоту ведут на поруганье, —
Скажите только: «Всё идет как надо».

Пускай весь год крестьянин надрывался,
Вгоняют в гроб его нужда и голод.
Узнав, что он с родной землей расстался,
Скажите просто, что зимой был холод.

Когда в огне живьем сгорают дети,
Когда земля армянская пылает,
Уверьте всех, что мир царит на свете
И что народ султана прославляет.

Учите всех, что время не настало
Для новой жизни и высокой цели.
Твердите: разве вам подачек мало?
Ведь вы еще темны и не созрели.

Язык армян Месроп унес с собою,
Религия — в чужих руках от века,
И вам осталось только жить в покое
Под нашей сердобольною опекой.

7 марта 1891

27. ПОДАРОК АН. АБ < ОВЯН > У

В краю далеком новая весна
Скитальца-армянина повстречала,
И, словно песня скорбная, она
В его душе смущенной зазвучала.

Ты помнишь, странник, родины твоей
Тенистые зеленые дубравы,
Громады гор, и тихий шум полей,
И водопадов грохот величавый?

Ты помнишь песни птиц в родном краю?
Подобных песен не услышишь ныне.
Ведь даже птицы иначе поют,
Когда душа томится на чужбине.

В тебе воспоминанием живет
Среди твоих томлений и скитаний
Твоей страны багряный небосвод
В закатный час и в час рассветный ранний.

И всё, что звал ты родиной своей,
И всё, что взять с собой не смог в дорогу...
Не плачь, скиталец, горьких слез не лей, —
Ведь на чужбине слезы не помогут.

Они исчезнут, как в песке вода,
И не смягчат они чужие души,
Лишь самого тебя твоя беда
Скорей слезами этими иссушит.

24 марта 1891

28. К. Н. Н.

Когда на жизненных дорогах
Столкнулись мы, то в этот день
В душе оставила тревога
Свою пророческую тень.

Предчувствий еле слышный ропот
Не обманул меня — сейчас
Глухою ненавистью пропасть
Непроходимо делит нас.

Сам для себя я зло посеял,
Назвав тебя когда-то «друг»,
Теперь с улыбкой фарисея
Не простирай ко мне ты рук.

И поднимать за дружбу чашу
Со льстивым тостом не спеши, —
Ничем во мне не перепашешь
Неверья каменной души.

Но пусть твой облик ненавистный
В душе живет, не побледнев,
Чтоб помнить мне — каким же чистым
И справедливым был мой гнев!

А может быть, под этим небом
Увидишь нищим ты меня —
Без друга, крова и без хлеба, —
И если ты дождешься дня,

Когда нечаянно я выдам
Печальным вздохом иль слезой
Всю боль, все беды и обиды, —
Не помышляй, что пред тобой

Я сердце вновь раскрыть намерен
И незабвенное забыть;
Не смей, догадки не проверяя,
Меня участием оскорбить.

И слова даже ты промолвить
Мне в утешение не смей, —
Не пробивайся сквозь безмолвье
Оглохшей гордости моей.

Хотел бы я по всем дорогам
Пройти, о радости трубя, —
Как я нашел безмерно много,
Из сердца выбросив тебя! . .

И я увидел — благ молитвой
Никто не выпросил еще,
Что в послушании и в битвах
До срока каждый истощен,

Когда так явно беспросветно
Осталось всё без перемен,
Когда для узников несметных
Нерасторжимы грусть и плен, —

И даже слово в эти годы
Забыло к сердцу давний путь,
Чтоб без надежды на свободу
Главу склоняли мы на грудь . .

О, если б гнев мой встал над миром
И поразил сердца, умы
Людей, застигнутых за пиром
Во время бедствий и чумы! . .

И пусть с отцами век постылый
Умрет, и ветер новых дней
С землей сровняет их могилы
Для лучшей жизни сыновей.

10 апреля 1891

29. ПРОЩАНИЕ

Прощай, любимая! С тобою
Нам здесь расстаться суждено. . .
Душа охвачена тоскою,
И сердце горечью полно.

Мы тут должны с тобой проститься. . .
Тревоги мне не побороть.
Твой путь — куда он устремится?
Пускай хранит тебя господь!

Ах, знаю, дни мои в разлуке
Длиннее станут, чем года. . .
Всегда твои я помню руки,
Моя душа — с тобой всегда.

Прощай, прощай. . . Воспоминанья
Всегда сжимать мне будут грудь. . .
За час любви, за час свиданья
Молиться ты не забудь.

27 мая 1891

30

Когда я слушал твой рассказ,
Дыханьем нежным опьяненный,
Не отводил я взор влюбленный
От этих губ, от этих глаз. . .
Объятый страстью без границ,
Следил я каждое движенье. . .
Твои глаза в тени ресниц
Хранили моря отраженье:

То озарялись, как в огне,
То обаянем тихим грели,
И был я словно бы во сне,
Казалось: это звук свирели. . .
Я рад был слушать до зари —
О, дольше, дольше говори. . .

10 октября 1891

31. ПРИЗНАНИЕ

О, поверь! Когда глаза твои горят,
В них души моей огонь неугасимый,
А в улыбке, что уста твои дарят,
Сердца моего восторг неистоимый.

Если смерть придет уста твои сомкнуть,
Взор твой погасить безжалостной рукою,
То и я, твой раб, ступлю на тот же путь —
В этот горький час пойду я за тобою.

9 ноября 1891

32. В ГОРАХ

Густой туман, сырая мгла
На Кошакарских кручах. . .
Вершины тьма заволокла,
И небо в черных тучах
Так монотонно слезы льет. . .
Порою молния блеснет —
Она ущелье озарит
И свет в долину бросит,
Где речка мутная бежит
И камушки уносит. . .
Один, без сна, стоит пастух,
Он стережет отару —
Напряжены и взор, и слух,
А гром грохочет яро. . .
Сверкают вспышки. Ночь глуха.
Вот в красном озареньи

Невдалеке от пастуха
Две промелькнули тени. . .
Грохочет гром еще сильней,
И дождь шумит во мраке. . .
«Эй, эй! — кричит пастух, — эй, эй!»
Залаяли собаки. . .
И гулко выстрелы гремят,
И страх отару гонит. . .
Тревога! Все уже не спят.
В потемках горы тонут. . .

1891

33. ПРИЗРАК

Скажи, красавица моя,
Тебя ль ночами вижу я?
Как призрак мой, не ты ль одна
Меня лишаешь сна?

Не ты ль, объятия раскрыв,
Как нам велит любви порыв,
Подходишь, голову склоня,
Чтоб горячо обнять меня,
Во тьме легко скользишь вокруг,
Но исчезаешь вдруг?

Не ты ли напеваешь мне?
Не ты ли смехом в тишине
Меня порой бросаешь в дрожь?
Не ты ль из комнаты плывешь,
Лишь подразнив мою мечту,
В ночную темноту?

Ответь же, милая моя,
Тебя ль ночами вижу я?
Как призрак мой, не ты ль одна
Меня лишаешь сна?

1891

34. НА СМЕРТЬ АРТИСТА АДАМЯНА

Умереть — уснуть.

«Гамлет»

Вдохновенного больше нет. . .
С жизнью всё отлетело:
Муки страсти, и гнев, и бред —
Гамлет, Лир и Отелло.

Умер — будто уснул: покой
Лег на бледные веки.
Отступил он во мрак глухой,
В нем исчезнув навеки.

Смолкнул голос, где мысли жар
Пламенел неустанно.
Обессмертился дивный дар,
Тлеет труп бездыханный.

Спит артист непробудным сном
Под гранитом замшелым,
Но расскажет камень о нем,
Буревестнике смелом!

И прохожий, склонясь в тиши
Над плитой незабвенной,
Гордо, скорбно, проникновенно
Скажет: «Миром вечным дыши,
Наш артист несравненный!»

1891

35

Любуюсь бледных роз игрою,
Что на щеках твоих зажглась,
И меланхолией покоя
Двух черных и глубоких глаз.

Глубинам сердца лишь известно
О тайне той — любви моей,
И никогда в стихе и песне
Я миру не скажу о ней.

Но и хранить ее не властен,
В себе носить ее нет сил, —
Как не сказать об этом счастье,
Не рассказать, как я любил!

18 марта 1892

36. НЕ ПРОСИ МЕНЯ

Не проси меня, не воспую
Я печаль безмерную свою, —
Отшатнется прочь твоя душа,
Увидав до дна всю боль мою. . .
Милый друг, ты не проси меня, —
Не спою тебе про это я!

Раз в горах пропел я те слова —
И завяли розы и трава!
Голая пустыня там легла,
Вздохами иссушена, мертва. . .
И в горах, где серый пепел лег,
Уж теперь не расцветет цветок!

Ветерки и аромат земли,
Зори золотистые вдали
Мне нужны, — ведь песню для тебя
Я сплету из них, а ты внемли. . .
Только не поется! В сердце — ночь,
Пламень скорби гонит радость прочь.

Март 1892

37

Не пой этой песни, мой друг, не буди
Огня, что под пеплом таится в груди:
Тревожишь ты прах незаросших могил,
Ты образ ушедший в душе воскресил,
Ты песней волнуешь застывшую кровь —
И голос любимый мне слышится вновь.

Когда-то — давно ли? — всё было другим:
И я был желанен, и я был любим.
Товарищ, напомнил ты песней своей
Дела и события исчезнувших дней,
Былые надежды, былые мечты,
Далеких друзей и знакомых черты.
И снова родная возникла страна,
Где чашу восторга испил я до дна.
Лишен я всего дорогого теперь,
Согнулась спина от тяжелых потерь,
Застыл я, забылся в немой тишине, —
Былого не надо тревожить во мне.
От умысла злого ты, вижу, далек;
Что делаешь больно, тебе невдомек.
Не стану тебя упрекать, дорогой,
Но только при мне этой песни не пой.

14 августа 1892

38. ВОЖДЕЛЕНИЕ

Положен ли предел желаниям моим?
Мой взор всегда несёт, мой дух неутолим.
Хочу я видеть океан безбрежный,
И не в покоя час, а в час мятежный.
Хочу я, чтоб крепчал и злился ураган,
Чтоб бешено кипел холодный океан,
Чтоб волны, в страхе воя и рыдая,
То поднимаясь, то опять спадая,
В смятении бредовом всё ускоряли ход
И падали стремглав в глухой водоворот.
А после, рокоча, вздымались снова
В далеких сумерках стеной свинцовой,
Чтоб беспорядочной и яростной толпой
Низринуться опять в непримиримый бой. . .
А я б глядел, взобравшись на вершину
Скалы высокой, в черную пучину.

Сентябрь 1892

39. ЗАБЫТАЯ ЛЮБОВЬ

Ты когда-то была мне мила,
И сейчас в моем сердце живешь,
Но бывшая любовь отошла —
Отошедшей любви не вернешь.

Прежде голос твой сердцу звучал,
Как молитва чистейшей души,
Будоражил, тревожил, смущал
Безмятежность сердечной тиши.

Нынче шепчет душа о тебе,
Как о друге, умершем давно,
И ношу я твой образ в себе,
Словно песню, забытую мной.

И когда вспоминаю тебя,
Больше «милою» не назову
И не рвусь, как бывало, любя,
В снах встречать тебя и наяву.

Образ, в прошлом такой дорогой,
Безразличен теперь мне, не мил...
Я не знаю, что случилось со мной,
Почему я тебя разлюбил?

Декабрь 1892

40. ПОДАРОК

Горькое горе. Изнемогая,
Ты плачешь — тебе невозвратного жаль.
И в глазах горящих горит, сверкая,
Светлая грусть. И лучится печаль.

Красота величавая тaitся
В сиянии этих плачущих глаз —
Так в туманах ночи сверкнет зарница
И в темных водах горит, как алмаз.

1892

41. ПЛОХИЕ ДНИ

Небо, друг мой, со злобною силой
Свои черные крылья раскрыло,
Гулким громом во мраке гремит,

Хмурясь, туча за тучей бежит,
Словно ищут приюта на свете
Толпы дум — одинокие дети.

В этой грозной насупленной мгле
Тяжко, друг дорогой, на земле
Грезам добрым, лучистым стремленьям, —

Так же бродят в тоске и смятеньи,
И пристанища им не найти,
Словно тучам в далеком пути.

1892

42. АРМЯНСКОМУ СКИТАЛЬЦУ

Счастливым путь, скиталец наш!
Блажен ты, о скиталец наш!
Идешь с любовью, грустно-рад,
Вдали сияет Арарат.

Благоуханьем ветерка —
Добрей, чем отчая рука, —
Гегамы шлют тебе привет
И Арагац, травой одет.

А там, как одинокий глаз,
Блеснет Севан, в горах таясь,
Резвясь, играя с тенью скал,
Шумя, вздымая синий вал.

Мерцает, блещет и горит,
Волной сверкает и гремит,
А то печален и угрюм,
Чернее тучи, полон дум.

И та гора, гигант-шатер,
Гора из гор и царь всех гор,
Седой поникнув головой
К небесной груди голубой,
Встает, торжественно скорбя,
Вдали — и в сердце у тебя.

1892

43. ХРИСТОС В ПУСТЫНЕ

Он в мертвой пустыне, в безмолвьи ночном,
На камне, над колкой травой
Сидел, размышляя о мире земном
С поникшей на грудь головою.

Суровее этой пустыни глухой
Чело его хмурое было.
Мечтал над пустынею жизни людской
Любви он воздвигнуть светило.

Пред ним одичалых народов полки
Текли — и за тьмою могильной
Рыдали убогие и старики,
Сироты стонали бессильно.

И он одиноко в безмолвьи ночном
Сидел, размышляя о мире земном. . .

1892

44. В АЛЬБОМ О. Г.

Что должен я оставить в дар
И о себе в напоминанье?
Любви клокочущий пожар,
Отраду или боль страданья?
Ты просишь выбрать лишь одно,
А сердце сразу всем полно!

1892

В небе темно. И никто не заметил
 В сумраке ночи природы красу. . .
 День наступает — внезапен и светел,
 Нам открывает цветы и росу.

Молча проходит поэт одинокий. . .
 Люди не знают о нем ничего.
 Могут открыть лишь стихов его строки
 Чуткое сердце и слезы его.

1892

46. У СКЛЕПА Н. БАРАТАШВИЛИ

Утешься, Грузия! В заветный этот миг
 Что омрачило так твой мужественный лик?
 То, что безмолвный прах увидела ты вновь
 Певца, снискавшего в душе твоей любовь?
 Иль тьма глубокая могилы дорогой
 Смутила тяжко дух осиротелый твой?

Да, своего певца вновь похоронишь ты,
 Но им зажженные все чувства и мечты
 Гореть останутся — для них кончины нет,
 Покуда над землей сияет солнца свет.
 И, верь мне, некогда в их пламени сгорит
 Всё бремя мук твоих и горестных обид.

Тебе же, родины-страдалицы певец,
 Обретший вечную могилу наконец,
 За всё, что вынес ты мятежною душой,
 Пусть небо ниспошлет заслуженный покой.

25 апреля 1893

47. РОДНИК

Под утесом, у горного склона,
 Бил родник серебристой волной
 И терялся на взгорьях зеленых,
 Растекаясь жемчужной струей.

Но глубокую ямину тут же
Вырыл юноша пастушок,
И исчезли болотные лужи —
В синий пруд обратился поток.

И олень подошел и напился,
Весь в поту, истомленный жарой,
И, напившись, довольный, он скрылся
С обращенною ввысь головой.

Путник жаждущий, ищущий тени,
Проходил мимо струй родника,
Их испил, опустясь на колени,
Сразу стала дорога легка, —

Дал сердечное благословенье:
Пусть создатель пруда — человек,
Как воды этой светлой теченье,
На земле благоденствует век.

1893

48. ПЕРЕД КАРТИНОЙ АЙВАЗОВСКОГО

(Экспромт)

Восстав, в океане неистовость вод
Тяжелыми всплесками бьет до высот,
Под яростный рев строит призраки гор,
И буря безбрежный, безгранный простор
Одевает, как в дым,
Дуновеньем своим.

«Ни с места!» — воскликнул — палитра
в руках —

Старик чародей, и взмутившийся прах
Покорен, заслышавши гения зов;
И в бурю безмолвно громады валов
Вот стоят, как во сне,
На его полотне.

1893

49. В ХИЖИНЕ

Детский плач терзает душу,
И конца нет их слезам:
«Мама, мама, дай покушать,
Мама, встань, дай хлеба нам! . . .»

Мать больна, и ей ответить
Хриплый кашель не дает.
«Хлеба нет покуда, дети,
Скоро папа принесет».

— «Ты же, мама, нам сказала,
Что едва лишь золотой
Солнца луч падет на скалы,
Как отец придет домой.

Но ушло и солнце с неба,
Голод стал как будто злей.
Мама, встань и дай нам хлеба,
Накорми нас поскорей! . . .»

— «Папа ищет хлеб. . . не может
Он вернуться без куска. . .
Ждать учиться. . . Скоро тоже
Я уйду туда. . . искать. . .

Есть еще отец. . . небесный,
Хлеба много он запас
Для людей. . . хоть сам не ест он,
Но теперь. . . накормит вас.

Я приду к нему с рассказом
О слезах моих детей. . .
А он любит вас и сразу
Хлеба даст на много дней. . .»

Мать ребят с улыбкой бледной
Обняла, не досказав. . .
Взгляд невидящий, последний
Остывал в ее глазах.

И легко ей, верно, стало —
Отлегла печаль-тоска,
Мать ушла, как обещала,
В беспредельность. . . хлеб искать.

Детский плач терзает душу,
И конца нет их слезам:
«Мама, мама, дай покушать,
Мама, встань, дай хлеба нам! . . .»

1893

50. ПОЭТУ

Чаровать не довольно ли нас
Песней страсти, живой и беспечной,
И картиной туманить наш глаз
Фантастической и быстротечной?

Услаждающих душу стихов
В эти скорбные дни нам не нужно!
Слышишь братьев отчаянный зов —
Не пора ль к ним на помощь нам дружно?

К нашим тяжким страданиям глух,
Забывая про наши несчастья,
Ты исполненный бодрости дух
Опьяняешь вином сладострастья.

Мы ведь в трауре! Хоть бы просвет
Отдаленный порадовал взор нам!
Приглядишься к нашей жизни, поэт,
Распростись с равнодушьем позорным!

Безоружную руку в бою
Протяни против зла рокового,
И постыдную песню твою
Мы с тобой позабудем сурово!

1893

Христос воскрес. . . О, в пропасти над нами,
 В густой кромешной тьме пошли мне бог,
 Чтобы в душе воскресло жизни пламя,
 Чтоб вновь я петь и веселиться мог.

И дай мне бог, чтоб нынче, как бывало,
 Воскресла в сердце страсть былой любви,
 Чтоб высь моя мне снова засияла
 И думы крылья обрели свои.

Не поддавайся, малодушный, плачу,
 О ранней старости не говори,
 Ведь на пути твоём ещё маячит
 Широкий пламень утренней зари.

Из мрака, что принес тебе оковы,
 Из тьмы, где погибаешь сердцем ты,
 Распятые — должны воскреснуть снова
 Твои былые яркие мечты.

1893

Я сказал: «Ты цветешь, как весна,
 И вся жизнь твоя в ярком цветенье,
 Ты чарующей неги полна,
 Рассыпаешь кругом вдохновенье.

Только жаль, что в душе твоей нет
 Огонька, что и светит и греет».
 И вздохнула она мне в ответ:
 «Сердце видеть не каждый умеет».

5 ноября 1894

Если время придет и ты
 Этот холм посетишь, мой друг,
 Хорошенько всмотришь в цветы,
 Распустившиеся вокруг.

Не ветрами и не дождем
 Семена их занесены,
 И не щедрой рукой весны
 Разукрашен мой новый дом.

То — неспетые песни, друг,
 Что я в сердце с собой унес,
 Славословья любви, что вслух,
 Умирая, не произнес.

Поцелуй мои, что я
 Шлю из горнего мира той,
 Для которой в мои края
 Путь закрыт гробовой плитой.

1894

54. ДВЕ ЧЕРНЫЕ ТУЧИ

С зеленого трона спокойной вершины
 Поднявшись тревожно в темнеющий свод,
 Гонимые бурей, по краю стремнины
 Две тучки печальные мчались вперед.

Но даже и буря, в порыве жестоком,
 Одну от другой оторвать не могла,
 Хоть злобой дышала и в небе широком
 Их, с места на место бросая, гнала.

И вместе, всё дальше, по темной лазури,
 Прижавшись друг к другу, в безбрежную высь,
 Гонимые злобным дыханием бури,
 Две тучки, две грустные тучки неслись.

1894

55. НОЧЬ

Ночь избавление дарит
От слез, мучений и тоски.
И горы изменили вид
И стали призрачно-легки.

Всё охватил глубокий сон,
Спят люди, звери. Тишина.
И, освещая небосклон,
Плывет торжественно луна.

И над Сипаном диск повис,
Мерцая светлым серебром,
И он глядит безмолвно вниз
На грустный мир, объятый сном.

Сереброкудрю струей
Лучи прохладные текут
И, расплываясь над землей,
Дремоту сладкую несут.

Но край несчастный мой лишен
Отдохновения и сна,
И полон ужасами он:
Скрывает муки тишина.

Кто будит сумрак гробовой,
Не устает рыдать, стонать?
Чей вопль мешается с мольбой?
Увы, всего не рассказать!

Там путник занемог в пути,
Прихода смерти в муках ждет;
Отцу покоя не найти —
Он дочь умершую зовет.

И старца стон в тюрьме сырой,
И стон страдальцы во мгле.
И гибнет юноша-герой,
Отдавший жизнь родной земле.

Ночь над Арменией темна,
Вокруг необорима тень.
Когда ж рассеется она
И засияет новый день?

1895

56

Блаженны все те, кто, вкушая покой,
Уйти в свою тихую пристань смогли,
Для них пусть неяркой, но теплой мечтой
Грядущее светит в туманной дали.

.. Давно я проснулся, давно утомлен
Желаньями тщетными, жгучей тоской.
Погибли мечты, и развеялся сон,
И всё беспросветно в дали ледяной...

1895 или 1896

57. СТРАННИКИ

Моя прошлая жизнь, с нею прошлый мой год —
Два седых старика, ослабевших, недужных, —
К дальней вечности путь свой держали вперед,
В задушевном раздумье, в беседах содружных.

«Я взрастил благовонный, сияющий сад, —
Первый вымолвил так, обращаясь к второму, —
Животворный струили цветы аромат, —
Все цветы расточил я по миру людскому».

И ответил второй: «Много чувств, много сил,
Много было во мне вдохновенья святого.
Как и ты, я всё отдал и всё расточил
В песнопеньи любви, в светлой щедрости слова».

Первый снова сказал: «Но в долине людской
Я оставил и холод и сумрак, как прежде».
— «Я оттуда ушел, — так ответил другой, —
И тоскуя душой, и не веря надежде».

Первый громко сказал: «Вновь настанет расцвет,
И покроется снова долина цветами!»
Но другой ничего не промолвил в ответ,
И к дороге своей он поникнул глазами.

Так вся прошлая жизнь, так и прошлый мой год —
Два седых старика, ослабевших, недужных, —
К близкой вечности путь свой держали вперед,
В задушевном раздумье, в беседах содружных.

1897

58

Страдаю без сна я в постели ночной,
Душа безнадежно больна.
Тяжелые думы повсюду со мной,
А ночь так темна, так длинна...

Земля не казалась мне раньше такой —
Была колыбелью она...
И сердце мое не терзалось тоской,
И ночь не была так длинна...

Любовь и надежды — да где же они?
Исчерпаны силы до дна.
Явились заботы и черные дни,
А ночь бесконечно длинна.

Усталый, больной от бесчисленных бед,
Страдаю в постели без сна.
Гляжу и гляжу я — рассвета всё нет...
Ах, ночь, до чего ты длинна!...

1897

59. ГРУСТНАЯ БЕСЕДА

В печальном сумраке ночном
Бессонны я и скорь моя.
Хотим припомнить мы вдвоем,
Как с нею повстречался я.

«Скажи мне, скорбь, моя родня,
Товарищ неразлучный мой,
Из-за чего, с какого дня
И как связалась ты со мной? . . .»
И, вспоминая в тишине,
Она рассказывает мне:

«Давным-давно, коль хочешь знать,
Смотря на колыбель твою
И тихо плача, пела мать
Уныло «баюшки-баю».
И в сердце детское твое
Вошла я с песенкой ее.

Ты был когда-то очень мал —
Не больше сына своего —
И с хилым сверстником играл.
Он сиротою был. Его
Все колотили, не любя.
С тех пор узнала я тебя.

Однажды, дверь загородив,
Хозяин должнику грозил.
Бедняк, отчаявшись, чуть жив,
У неба помощи просил:
«Спаси, о боже! Нет житья!»
С тех пор я спутница твоя.

Пришел раз человек с сумой,
Держа ребенка под тряпьем:
«Нас гонят прочь с земли родной,
Так пожалей, молю Христом!
Дай нам погреться у огня».
С тех пор и знаешь ты меня.

Теперь уже не вспомню я,
Кто это был: твой верный друг,
Возлюбленная ли твоя,
Которой ты любим, — но вдруг
Надежда навсегда ушла.
С тех пор тебя я обрела.

Увянув от забот и дел,
Угасла милая, бледна...
Сквозь слезы долго ты глядел
На гроб любимой, но она
Навеки скрылась под землей.
С тех пор сдружилась я с тобой».

В печальном сумраке ночном
Бессонны я и скорбь моя.
Хотим припомнить мы вдвоем,
Как с нею повстречался я.
И долго речь ее течет,
И бедствиям потерян счет.

1898

60—61. ИЗ ПСАЛМОВ ПЕЧАЛИ

1

Доколе, господи, в твое глухое небо
Взирать нам суждено, испив моря скорбей?
От наших стонов мир гудит темно и немо,
И не видать конца страданиям людей.

За что ж ты, господи, ждешь благодарность сирот
Средь окровавленных долин в моих горах?
За что ж изгнанники должны поведать миру
О милосердии твоем в чужих краях?

Ужель, о господи, тебе еще угодны
Стенанья, боль, резня, руины, горе, кровь?
Ужель, о господи, не воспарят свободно
Молитвы, ликование, жизнь, любовь?..

2

Прошла, о боже, дымом жизнь моя!
Иссохли кости — хворост в полдень жгучий,
Иссякло сердце. Пал, подкошен, я,
Свой путь забыл от скорби неминучей.

Мой хлеб — укор людей чужих,
Мой отдых — на путях изгнаний,
День полон злых вестей и криков злых,
Ночь до утра полна глухих рыданий.

Томился я, как филин средь руин,
Как воробей на крыше, — одиноко.
О боже! Я бессилен, я один...
Ужели час спасения далеко?

1898

62. ПЕРЧУ ПРОШЯНУ — НАРОДНОМУ ПИСАТЕЛЮ

К сорокалетию его литературной деятельности

Земля армян — наш край родной —
Землею бедствий был века.
Сравнил бы их с Масис-горой,
Горой, ушедшей в облака.

Писал в мучительной тоске
О ранах родины поэт, —
И сорок лет с пером в руке
Всегда ты шел ему вослед.

К крестьянам ты входил как друг,
Ты знал их горестный удел,
О бедах хижин и лацуг
Поведать людям ты сумел.

Заслужен твой венец! И вот
Посланцы родины идут —
Тебя благодарит народ
За твой большой, священный труд.

Певец, твое бессмертье в нем.
Твой дар — могучий дар творца,
Который трепетным огнем
Воспламеняет нам сердца.

Май 1899

63. ПОЧЕМУ?

«Ты почему меня забыл?» —
Я слышу девушки укор.
«Ты почему про нас забыл?» —
Пожаловались кручи гор.

Ах, вы не сетуйте, друзья,
Что я вас больше не пою,
Душою истомился я,
Боль истерзала грудь мою.

«Мы исцеление найдем», —
Сказала девушка, любя.
Сказали горы: «Мы возьмем
Твои страданья на себя».

Нет, девушка, любовь твоя
Не сможет сердце исцелить.
Тебе, родимых гор семья,
Моих страданий не избыть.

Ах, боль таю, но как мне быть,
Чтоб эту боль другой постиг?
Глубоко сердце — не открыть.
Я боль таю — и нем язык.

1900

64. РОНОТ

Дни тянутся мои грустны, бесплодны,
И с рокотом мятежных чувств моих
Иду среди рядов могил холодных
Друзей любимых и надежд былых.

Я их похоронил. О, путь жестокий!
Я стал чужим в родной стране моей.
Иду, томясь, как путник одинокий,
Без крова, теплой ласки и друзей.

Те, кто вокруг, меня не понимают;
Им чужд язык мой, скорбь моя тяжка,
О лучшем дне они и не мечтают,
Им по нему неведома тоска.

Ничтожная толпа, тупое стадо,
Трусливые лжецы и торгаши,
От вашего всё увядает взгляда:
Улыбка, вера и полет души.

Так перед кем же сердце я открою,
Кому спою о горечи моей?
И для кого пожертвую собою?
Возможно ль жить на свете без друзей?

Дни тянутся мои грустны́, бесплодны,
И с рокотом мятежных чувств моих
Иду среди рядов могил холодных
Друзей любимых и надежд былых.

16 августа 1902

65

У тебя же, сестра, есть дорога своя.
Пусть тебе на ней будет легко и светло.
Так не радуйся мне, не люби ты меня,
Нас, неравных, ничто бы связать не могло.

Мне иные дороги даны, и по ним
Я скитаюсь в тоске, надрывается грудь.
Я тревожно и жадно ищу себе путь,
Беспокойной, безумной душою томим.

И на свете таких не отыщется рук,
Чтоб ее удержать у заветной черты.
И она покидает изведанный круг,
Увлеченная властным полетом мечты.

Кто поведает мне, сколько мирных сердец
Растревожит и ранит она по пути,

Кто поведает мне, где она наконец
Среди мрака сумеет покой обрести.

У тебя же, сестра, есть дорога своя.
Друг для друга мы скоро исчезнем вдали.
И тогда помолись, чтобы ты, чтобы я
Никогда повстречаться опять не могли.

1902

66

О, как чудесно на этой горе
Дни пролетают — блаженство, блаженство...
Сном легкокрылым плывут на заре
Белые тучки — блаженство, блаженство...

Утро прохладное радует взор,
В зелени яркой разбросаны росы.
Райским дыханьем наполнив простор,
Между камнями так трепетны розы!

О, как чудесно на этой горе
Время проходит — блаженство, блаженство.
Слышу в долине пастушью свирель.
Дева и счастье — блаженство, блаженство...

1902

67. ВИДЕНИЕ

В заботах дневного труда,
В тревожной дреме ночной
Виденье гроба всегда
Витает передо мной.

Не спрашивай ничего!
Не спрашивай, кто в гробу,
И почему я его
В забвеньи не погребу?..

Нет, нет! Не смогу никогда
Поверить... Страшная весть...

Что он ушел навсегда,
Что нет его с нами здесь.

Он всюду передо мной,
Везде — куда ни пойду.
И в шумной толпе людской
Его я душою жду.

Я жду всё время — вот, вот —
Я жду, нетерпеньем объят:
Проснется он и вздохнет,
Открыв удивленный взгляд.

1902

68

Я странник, сестра, простой пилигрим,
В неведомый край ищу я дорог,
Оторван от жизни, судьбою гоним,
Бреду, одинок.

Преследуют душу прошедшие дни,
Не знаю покоя, хоть всеми забыт,
Изранены ноги, устали они,
И сердце болит.

Но дальше бреду я, усталый, в пыли,
Всё дальше от счастья бегу что ни день,
От отчего дома, родимой земли,
Как дикий олень...

Тебя повстречал я, и я не солгу,
Ты мне говоришь, что рассеялся мрак,
Что счастье мне дашь, что напрасно бегу
И жалуясь так...

Наивная! Небо свидетелем мне:
Ужель я так низок, бесчестен, жесток,
Чтоб в этой тюрьме, в этой мрачной стране,
Счастливым быть мог!

1902

69. МОЕМУ ДРУГУ

Сердечный брат и друг моих прекрасных снов,
Моих высоких грез, моей святой печали,
Уставший, как и я, от троп и от оков,
И ты возносишь мысль в сияющие дали.

Там родина души, ее священный дом,
Свет безмятежных дней, не знающих ненастья.
Там царствует любовь и расцветает счастье,
И радостен напев, струящийся кругом.

Как долог путь туда! И прежде чем мы станем
На дальних берегов заветный полукруг,
Как много горьких слез и тяжких испытаний
Узнать нам предстоит, сердечный брат и друг.

1902

70. ПРЕДКАМ

Поистине, предки, блаженны вы были,
Вы песни слагали на утре времен,
Вы в сердце мечту золотую хранили,
Вы верили: будет народ наш спасен.

Вы родину в песнях своих прославляли,
Величье и славу пророчили ей.
И лиры торжественной струны звучали
Лучистою радостью будущих дней.

Но вживе растерзана родина наша,
И боль ее смертная — в наших сердцах.
Мечты золотые виденьем миража
Бесследно исчезли в пустынных песках.

На жизненном утре, в преддверии мира,
Бледны, без надежд, мы минуем порог.
И падают руки, и падает лира,
И рушатся в сердце и песня и бог.

1902

71. ЛАМПАДА ПРОСВЕТИТЕЛЯ

Лампада в полночь, меж светил,
Висит, блистая, в небесах,
Что Просветитель утвердил
В армянских темных небесах.

Хоть без веревки взнесена
Над Арагацом высоко,
С престола вышнего она
Мир озаряет далеко.

И теплится столетий ряд,
Неугасима в смене дней:
Святого слезы в ней горят —
Благоухающий елей.

Руке людей не досягнуть
До той бессмертной высоты,
Ее и ветру не задуть,
Бродяге — вихрю темноты.

Когда наш дивный край лежит
Под черным мраком без конца,
Когда унылый страх томит
Людские слабые сердца;

Тот, кто невинен, в ком любовь,
Кто твердой верой осиян,
Кто бодро ждет, что вспыхнет вновь
День лучезарный для армян,

Взглянув на небо, видит тот,
Что вечный светоч там повис,
Как око господа, с высот
Глядящее на землю вниз!

1902

72. В АРМЯНСКИХ ГОРАХ

Нелегко был путь, полночный наш путь...
Но выжили мы
Средь горя и тьмы:
Веками идем, чтоб в выси взглянуть,
В армянских горах,
В суровых горах.

Сокровище дум издревле несем, —
Что море, оно
Душой рождено,
Народной душой в пути вековом,
В армянских горах,
В высоких горах.

Из светлых пустынь кидались на нас
Орда за ордой;
Разили бедой,
Весь наш караван терзая не раз
В армянских горах,
В кровавых горах.

Ограблен, разбит был наш караван...
Разрознен средь скал,
Дорогу искал,
Считая рубцы бесчисленных ран,
В армянских горах,
В печальных горах.

И наши глаза взирают с тоской
На сумрак земли,
На звезды вдали:
Ну, скоро ли утро вспыхнет зарей
В армянских горах,
В зеленых горах?!

1902

73. ПЕСНЯ АРМЯН

Идем, идем с далекого Востока,
От синих гор, где дальний небосклон,
Давно, давно идем мы издалека,
Из тьмы веков, из сумрака времен...

Лилася кровь, как волны океана,
Текла рекой из наших тяжких ран,
Страдали мы от зноя, от тумана,
Дышал в лицо угрюмый ураган...

Погибла ты, отчизна дорогая,
И знамя всё истерзано в куски, —
Покоя нет, и нет родного края,
И бродим мы средь мрака и тоски...

Но мы идем, надеждою согреты,
Идем вперед, гонимы роком злым,
Святой огонь священного завета
В своей груди упорно мы храним...

Идем, идем... Нам путь лежит далеко,
Нас не страшат удары злой судьбы,
Идем, идем с далекого Востока
Мы, не боясь ни бури, ни борьбы.

1902

74. АРМЯНСКОЕ ГОРЕ

Армянское горе — безбрежное море,
Пучина огромная вод;
На этом огромном и черном просторе
Душа моя скорбно плывет.

Встает на дыбы иногда разъяренно
И ищет, где брег голубой;
Спускается вглубь иногда утомленно,
В бездонный глубокий покой.

Но дна не достигнет она в этом море
И берега вовек не найдет.
В армянских страданиях — на черном просторе
Душа моя скорбью живет.

1903

75. НАША КЛЯТВА

Мы поклялись стремиться к свету,
И нас с дороги не свернуть.
Туманом сумрачным одетый,
Безвестен наш далекий путь.

Мы шли, изранив грудь и ноги,
Сквозь ветры, пламя и клинки,
Но не свернули мы с дороги,
Мечам и бурям вопреки.

И пусть разорваны знамена,
И мы скитаемся в пыли,
И нет нам права и закона,
И горек хлеб чужой земли, —

Но мы бороться не устали,
И не забыли мы завет,
И ловит взор в небесной дали
Священной клятвы горний свет.

1903

76. ИЗБРАННИК

Опаленный за тучей священным огнем
Духа, освобождающего от цепей,
Со скрижалями бога, с лучистым челом,
В дол спускался с вершины горы Моисей.

Быстро шел он, великих исполненный дум.
Он величье народа вдали прозревал
И душой ликовал. . . Вдруг смятенье и шум,
Пенье, крик у подножья горы услышал.

И увидел с утеса избранник творца,
Что средь белых шатров, у предгорья, народ,
Словно бога, воздвиг золотого тельца,
И танцует вокруг, и кричит, и поет:

«Для чего нас в пустыню увел Моисей
Из Египта дорогою горя и мук? ..
Там довольны мы были похлебкой своей! ..
Были там и чеснок в изобилии и лук! ..»

Так кощунствовал дерзко народ и роптал,
Предаваясь пьянству, греха не тая.
А пророк к облакам свои взгляды подъял:
«Боже мой! Неужель это паства моя? ..»

Слышу я на вершинах твой голос, как гром.
По морям, по пустыням, народ возлюбя,
Ты повсюду нам огненным светишь столпом...
Но трусливо они отреклись от тебя! ..

За пустыней скитаний, в туманной дали,
Вижу берег я обетованной земли.
А они — малодушные эти слепцы —
Ропщут, что на свободу из рабства ушли.

И когда я беседовал в тучах с тобой,
И когда ты мне тайное тайных открыл,
Там народ мой кумир сотворил золотой,
И ему поклонился, и бога забыл.

Для чего же столпа нам и радуги свет?
Для чего эта горечь раздумий и слез? ..»
И святые скрижали — предвечный завет, —
Полон гнева, избранник разбил об утес.

.. А наутро, когда утомленных людей
Ранний петел от сна еще не разбудил,
Опираясь на посох, опять Моисей
На седые вершины один восходил.

1907

77. ЯВЛЕНИЕ

Вот в сиянии славы приходит она
Из моих потаенных душевных глубин,
Белоснежным венцом своим осенена,
Как богиня сияющих горных вершин.

Пламенеют ланиты ее, как заря.
Потупляет она огневующий взгляд.
Но глаза ее, радостью яркой дая,
Из-под век, как небесные звезды, горят.

И взлетают навстречу ей песни мои,
И вокруг нее грезы ведут хоровод.
И в прозрении, в сладком живом забытьи
Сам готов я, как птица, помчаться в полет.

1908

78. ПЕРЕВАЛ

С младенчества тропею вверх прямой
Я неуклонно
Иду на лоно
Святынь, — хоть их не знает разум мой.

С младенчества обрывистой тропой
По круче горной
Иду, упорный, —
И вот нашел на высотáх покой.

Покинул я внизу, в глубокой мгле,
Почет, богатство,
Зависть, злорадство —
Всё, что гнетет свободный дух к земле.

И вижу я (прозрачна даль в горах)
С моей вершины —
На дне долины
Как просто всё и пусто! Душный прах!

Легка сума: в пути я не устал.
Песней и смехом
Играю с эхом —
И весело схожу за перевал.

7 февраля 1909

79. В РУИНАХ

Одинокий блуждаю
Я в руинах родных.
Озираясь вокруг, вспоминаю
Вереницы столетий былых.

В этих древних палатах когда-то
Жизнь блестела, цвела.
И, как наша, быть может, богата
И счастлива была.

Это было всё, было,
Блеск, цветенье...
А ныне — кругом
Ямы, словно могилы,
И руины, обросшие мхом.

Рухнул купол дворцовый,
Спят орлы на подножьях колонн,
Монастырский суровый
Над округой не слышится звон.

Синий падает вечер
В позабытом пустынном краю.
От руин недалече
Я в печальном раздумье стою.

И в дремотном воображенье
Оживает он — вот:
Шумный город, улиц движенье
И дворцовый сияющий вход.

Под коронами башен
Даже в полночь ясно, как днем.
Зал большой озарен, разукрашен
Серебром, хрусталем.

Будто здесь неведомы беды,
Будто радость в отчем краю,
Будто празднуют праздник победы,
Победив оружием в бою.

Эти женщины так красивы,
Так торжественна поступь их.
И пирующие счастливы,
И любовь во взглядах живых.

И под бубна гром неутомный
Вьется вихрь плясунов.
Раздаются в зале огромной
Звуки флейт, голоса певцов.

«Горе! .. О, горе! ..» То не сова ли
Стонет?

...С поникшею головой
Я стою над жилищем печали,
Как развалин обломок живой... .

1909

80

С пеньем пришел,
Тенью ушел Саят-Нова.
Любя пришел,
Скорбя ушел Саят-Нова.
С лучом пришел,
С мечом ушел Саят-Нова.
И всё ж нашел
Любви слова Саят-Нова.

1913

108

На странствия нас судьба обрекла,
 Лишила навек родного угла.
 По миру скитальцами мы брели,
 Прошли все моря, все страны земли.

И всё же, свидетель тому весь свет,
 Не сломлен наш дух годами бед,
 Живет он везде, куда б ни проник
 И где б ни звучал армянский язык.

И наше потомство из рода в род
 С горячей надеждой идет вперед.
 И наши напевы еще гремят,
 Развалины наши еще дымят. . .

И снова встает из праха руин
 Могучий народ, народ-исполин.
 Печалью страданий мечены лбы,
 Во взглядах — тайна большой судьбы.

О древний Масис, родной Алагез,
 Двуглавый гигант, двугорбый колосс,
 И вы, чьих мыслей орлиный взлет
 Царит над вечным снегом высот, —

Месроп и Саак, а с вами все те,
 Что не дали нам блуждать в темноте,
 Открыли родник умов и сердец,
 Ваш лоб венчает алмазный венец!

Пока существуют подобные вам,
 Внимая призыва горячим словам,
 Всё вверх, всё вперед неуклонно пойдем,
 Как ни был бы крут и тяжел подъем.

И праздник настанет, награда близка.
 И мир узнает, что сквозь века
 В писаньях и в песнях из рода в род
 Свой светоч пронес армянский народ.

1913

82. ЭКСПРОМТ

Итак, признаюсь вам, друзья,
С моею музой в ссоре я,
Теперь по собственной вине
Писать экспромты трудно мне.

Да, да, почтенные друзья.
Давно в разлуке с музой я.
Теперь я выезжаю в свет,
Тут заседание, там обед,
Уж я политик, тамада,
А муза скрылась без следа...
Мне говорили, что она
Теперь в горах живет одна,
Что часто плачет в тишине,
Что не забыла обо мне...

Но кровью залиты пути,
И трудно ей назад прийти.
Когда б не груды мертвецов, —
Благоухание цветов
Живило б мирные поля!..
Когда вздохнет моя земля,
Когда, отчизны вольный сын,
Запросит песен армянин,
Она придет — и тут, друзья,
С экспромтом не замедлю я!

Март 1915

83

Сваливается гнет
С сердца матери милой.
Полная новой силой,
Страна из развалин встает.

Взгляните! Восторгом невольно
Проникнется ваша душа,
Встает отчизна, веками
Лежавшая не дыша!

И пусть заплаканы вежды —
Глаза надежды полны.
Добром и правдой надежды
Отчизны озарены.

Не в рубище, полном пыли,
А в пурпуре царском она, —
Огнем благородных усилий,
Как молнией, озарена.

И каждый шаг ее — к жизни,
К высотам, где реет весна,
Где в общей цветут отчизне
Народы и племена.

14 июня 1915

84. С ОТЧИЗНОЙ

Я с юности направил взор в неведомый простор,
Мой ум и сердце всё парят над бездной с давних пор;
Но каждый раз, родимый край, тоска мне душит грудь,
Когда я оглянусь на твой многострадальный путь,
На молчаливые ряды изгнанников-сынов,
На горе разоренных сел, сожженных городов,

О, милый мой край,
Унылый мой край!

Я вижу: топчет лютый враг тебя, моя земля,
Твое прекрасное лицо, цветущие поля;
Я слышу стоны городов и разоренных сел
И крики тех, кто нам принес кровавый произвол,
Кто превратил в долину слез родимые края,
И в песнях жалобных твоих осталась боль твоя.

О, горный мой край,
О, скробный мой край!

Ты вся изранена, земля, и всё же ты жива,
Стоишь, готовая сказать заветные слова.
И веришь ты, что на твоём таинственном пути
Тебе сама судьба, сам бог поможет их найти.
Мы ждем великих слов твоих, мы напрягаем слух,

Ты станешь той страной, куда стремится вольный дух,
Священный мой край,
Бесценный мой край!
И верим мы — взойдет заря, настанет тьме конец,
И воссияет яркий свет ликующих сердец,
Блеснут вершины гор твоих, и, выглянув из туч,
Впервые старый Арарат улыбкой встретит луч!
И воспоеет твою судьбу словами новых лет
Не осквернивший уст своих проклятьями поэт,
Грядущий мой край,
Встающий мой край!

1915

85

Валерию Брюсову

Ты явился к нам из страны снегов
Вестником любви, правды, красоты.
В жаждущих сердцах пробудились вновь
О счастливых днях светлые мечты.

Пусть же зов летит из страны в страну
Тех, кто будит ум и сердца людей,
И свои мечты пусть сольют в одно
Люди разных стран в эти дни скорбей.

Пусть сердца любовь верная скрепит,
Пусть союз их ввек будет нерушим,
И дыханье их пусть одно живит,
И сердца горят пламенем святым.

Об одном пусть спор будет у людей
И одно всегда им волнует грудь:
В чьей душе любовь крепче и светлей,
Кто к добру верней пролагает путь.

Пусть, поэт, мечты оживут твои,
Если правда то, а не звук пустой,
Что на свете есть место для любви,
Что мы можем жить все одной семьей.

1916

112

86. ГРУЗИИ

Когда мне люди говорят,
Что злобой Грузия кипит, —
Я, изумлением объят,
Испытываю боль и стыд.

Неправда! Даже враг и тот
Признает, что на белый свет
Тепло глядит ее народ,
Что хлебосольней края нет.

Она покрыта сотней ран
И претерпела сотни мук,
Но ни убийство, ни обман
Ее не оскверняли рук.

Не в преступлений мглу и муть,
А к блеску зорь грядущих дней
Она указывает путь
Рукой приветливой своей.

Кому не ясно, что ведет
Ее всё выше твердый шаг?
Кто может утверждать, что вот —
Ее окутал смертный мрак?

Недаром перед ней стеной
Казбек возносится в лазурь,
Чтоб охранять ее от злой
Напасти полуночных бурь.

Недаром Понт к ее садам
Свое дыхание струит,
Чтоб каждый куст был вечно там
Цветами свежими покрыт.

И кто же не слышал из нас,
Как всюду в Грузии народ,
Над бедами судьбы смеясь,
Беспечно, весело поет?

Когда мне злобно говорят:
«Над бездной Грузия стоит», —
Я, изумлением объят,
Испытываю боль и стыд.

1916

87

Как ребенок, я в этот мир пришел.
Я наивным был, преданным, простым.
Что в руках имел, в сердце что нашел —
Людям подарил, черствым и сухим.

Как ребенок, я зло обманут был.
Верить и мечтать, как дитя, привык.
Радости мои взгляд косою тушил,
Омрачали мне каждый светлый миг.

Как ребенок, я был истерзан, смят
Другом и родным, братом и женой
И покинул всех, горечью объят,
Как ребенок, я, раненный душой.

И теперь, познав горе и беду,
От своей тоски, от людской молвы,
Покидая всех, только к вам иду.
Но увы, как я, тоже дети вы.

8 января 1917

88

Резвился в Кошакаре я,
С косулей бегая, Ануш,
На изумрудный склон взойдя,
Увидел дивный сон, Ануш.

Ту гору ветер тучей скрыл,
Свет солнца моего затмил,
И к богу я воззвал, но был
К моим словам он глух, Ануш.

Моя мечта была светла:
Чтоб жизнь вокруг, как рай, цвела,
Чтоб вечно длиться песнь могла
И светел был весь мир, Ануш.

Но быстро рвется жизни нить,
Кто умер — тех не возвратить,
Уйду и я, — недолго жить,
Как быстротечна жизнь, Ануш!

20 ноября 1917

89

Долго, долго я был в пути,
Отдал мысль я и сердце отчизне,
Два, два слова лишь мог я найти
В этой горькой и трудной жизни.

Те слова, те слова так стары,
Но зажег их огнем я и силой,
Снова, снова мне небо дары
Красоты и Добра раскрыло.

Милая, милая дочка, мой свет,
Кто тебя, нежной, прелестней,
Радость, радость моих скорбных лет,
Муза печальной песни.

Чистой, чистой душою внемли,
Обними, светлым взглядом лаская,
Всё богатство, богатство земли,
Красоту и Добро без края.

Наша жизнь, наша жизнь так прекрасна,
Столько в ней красоты и чудес,
Сердце ж, сердце слепое напрасно
Счастья ждет от небес.

20 декабря 1917

90. МОЯ ПЕСНЯ

Владею я бездонным кладом
И морем радостей и чар,
И, точно высшую награду,
Я получил прекрасный дар.

Сокровищ бесконечных бездна
В просторе сердца моего,
Их раздаю я безвозмездно,
Но нескончаемо добро.

Я не боюсь, не опасуюсь
Злодеев низких и воров,
Иду по свету, рассыпая,
Как солнце, блеск своих даров.

Богат я, счастлив с дня рожденья,
Вновь не вернусь я в этот мир,
И отдаю без сожаленья
Всё, чем меня он наградил.

5 января 1918

91. НАДПИСЬ НА КНИГЕ

С дальних северных сторон,
Где бушует вьюги стон,
Вы примчались, нимфы, к нам,
В наш беспечный, светлый рай,
В наш могучий, тихий край,
К нашим солнечным лучам.

Но других стихий разгул
Здесь вас встретил. Обманул
Вас приветливый наш юг:
В час недобрый, грозовой
Тучи черные толпой
Собираются вокруг.

И у нас теперь — увь! —
Не найдете солнца вы,
Ни весны, ни тишины,
Ни такого уголка,
Где б вам жизнь была легка,
Дни уютны и ясны.

Есть один лишь уголок,
Где нет бури и тревог, —
В наших он сердцах. И там
Вы могли бы отдохнуть:
Ведь извилистый к ним путь
Хорошо известен вам.

Сердце — лучший наш дворец.
Наших солнечных сердец
Гостьей будьте вы сейчас!
Ведь на всем земном пути
Вам приюта не найти,
Где бы так любили вас!

29 января 1918

92. ПОЭТАМ ГРУЗИИ

Шота! Огонь твоих стихов
Поныне не потух!
Неукротимый гнет веков
Не сокрушил тот дух.

Та лира славная гремит
Под новою рукой,
И новых песен звон разлит
По Грузии родной.

О мужественные друзья,
Вам всем поклон и честь!
Несу от Арарата я
Вам братской песни весть!

Над рубежом былых годин —
Заря грядущих дней!
Споем же вместе, как один,
Гимн ликованья ей!

Да будет песня та светла,
Пускай гремит вдали —
Да заглушает голос зла
Во всех углах земли.

И пусть, Кавказ, твои сыны
На голос наших лир
Справлять сойдутся с вышины
Многоязычный пир!

Эй, брат и друг, сестра и мать
И с нами кяманча,
Сзывайте всех — и стар и млад —
Тот новый день встречать!

Да, много, много слез текло, —
Будь каждая урок,
Что на земле отныне зло
Уж не найдет дорог!

Что ноешь, умник, заносясь?
Мечте не в небе цвествь!
Мы люди, мы живем, для нас
Жизнь — это то, что есть.

Под лиру славного Шота
Мы песнь свою споем,
И всем понятна песня та —
Достойным воздаем.

Гремит напевами страна,
Предела песням нет;
Тех песен тысяча одна —
И в них его завет!

Привет вам, новые друзья,
Былым поклон и честь.
Несу от Арарата я
Вам братской песни весть!

16 апреля 1919

93. ПОСТИЖЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ

Ты раскрыл мне взор, он стремится ввысь,
К солнцу в горний рай я мечтой лечу,
Ты мне разум дал, рвется в небо мысль,
Твой безмерный мир я смерить хочу.

Ты меня привлек к своей вышине
И моей душе ты дал торжество,
Озарил лицо ты улыбкой мне,
Блеском солнца ты нарядил его.

Всё дело твое, весь мир мне знаком.
Я взором души и зорких очей
Взираю на них и солнечным днем,
И сквозь жуткий мрак роскошных ночей.

И весел мой дух, он высю влеком,
Нет ему преград, границ и дорог,
Вселенная вся — мой родимый дом,
Где свободный я, равнодушный бог.

1919

94. ПРОЩАНИЕ СИРИУСА

О, скажи, из какого пришел далека
К нам ты, Сириус жгучий,
Путник неба могучий?
И куда же, взирая на нас свысока,
С быстротой несказанной
Ты летишь неустанно
Бесконечным путем — за веками века?

Бриллиантом ночей
Ты на сумрачном своде сверкаешь!

Ты горишь, ты играешь
Переливами пылких, несметных лучей!

Свод небесный,
Скрытый тьмой слепой,
Еженощно украшен тобой,
Путник неба чудесный!

Сколько нас устремляет сейчас
На тебя издалёка
Восхищенное око!
Сколько ныне погаснувших глаз
Блеск твой видело в небе!
Скольким выпадет жребий
Любоваться тобою в полуночный час!

Кто впервые тебе от просторов земных
И от рода людского
Слал приветное слово?
Перед кем в небесах ледяных
На прощанье твой бледный
Луч блеснет и бесследно
Пропадет средь потемок ночных?

В добрый путь, нам любезный давно
Гость из сумрачной тверди,
И спроси ты у смерти,
Коль ее и тебе будет встретить дано:
Сколько, сколько людских поколений
Промелькнут, словно тени,
За прощание звездное только одно?

1922

95—119. ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

Дни прошли...
Промелькнув вдали, дни прошли;
Вздохи, стоны, слезы мои
Сердце мне сожгли, — дни прошли.

1890

2

Запели песнь, любимые
Певцы мои незримые,
И кто теперь вас слушает,
Сверчки мои родимые?

Июнь 1916

3

Где вы?
Все те, кто сердцу мил, где вы?
Я к вам взывал, и плакал, и искал...
Быть может, скрыл вас мрак могил, — где вы?

Июнь 1916

4

Меж двумя веками я,
Меж двумя камнями я.
Всё мечусь меж новым днем
И былыми днями я.

15 января 1917

5

Море скорби моей глубоко и безбрежно,
И несметных полно драгоценных камней.
Гнев мой полон любви, безмятежной и нежной,
Ночь во мне. Но какие созвездия в ней!

9 февраля 1917

6

Ко мне!
Вы с вешней водою вернитесь ко мне!
Минувшие дни, веселье, любовь,
Вернитесь, вернитесь ко мне!

11 ноября 1917

7

Что напрасно мне бежать!
Сотен уз не разорвать.
Ведь со всеми я живу,
И со всеми мне страдать.

12 ноября 1917

8

Сколько боли видел я,
Сколько козней видел я!
Я терпел, прощал, любил,
Зло как благо видел я.

24 декабря 1917

9

Я от многого сгорал,
Я сгорал, огнем я стал,
Стал огнем и свет давал,
Свет давая, угасал.

24 декабря 1917

10

Мне во сне одной овцой
Задан был вопрос такой:
«Бог храни твое дитя!
Был ли вкусен агнец мой?»

24 декабря 1917

11

Куда ты стремишься безумно, душа?
За тысячью дел ты стремишься, душа!
Но как же поспею я в тысячу мест
С твоею поспешностью легкой, душа?

25 января 1918

Я птицу в небе ранил раз
 И потерял ее из глаз;
 Крылом кровавым в снах моих
 Она всё машет и сейчас.

2 февраля 1918

Две могилы, как соседи молчаливые, легли,
 Онемевшие навеки, две печальницы земли.
 И в холодной, горькой скорби тихо думают о том,
 Что с собой они из жизни этой брэнной унесли.

4 февраля 1918

Там на эдемские сады прозрачный падает закат.
 Я знаю, ждут моей души там между сказочных палат.
 Что ж в этом смраде медлю я, чего в нестройном шуме
 жду?
 Ах, если бы туда — домой — дорогу отыскал мой взгляд!

21 ноября 1919

Кичливый, жадный человек, твой долог ум, жизнь
 коротка.
 Тебе подобных было — тьма, они текли века, века.
 Что унести им жизнь дала? С собой возьмешь ли
 что-нибудь?
 Ты мирно, радостно пройди двухдневный быстролетный
 путь.

Ноябрь 1919

Свободен день, вольна любовь, и всем добром владеет он.
 Но мучает и страждет он, и сам несчастьем поражен.
 Так сделай, злобный человек, чтоб все живые жить могли,
 И сам живи, вкушая мир обильной, благостной земли.

Ноябрь 1919

Хотел быть с тобою и с жизнью связанным вместе.
 Хотел бы я в поле быть и с высью нетленною вместе.
 Кто даст мне блаженство утратить себя без возврата
 И слиться навеки со всею вселенною вместе?

12 мая 1920

Лунный луч — твоя улыбка — на лице моем скользит
 В час, когда я, насмерть ранен, вижу смерти лик вблизи.
 Так под солнца животворным, благодетельным лучом
 Дуб стоит, грозой сраженный, высыхая с каждым днем.

1920

Дыхание бога вдыхаю: он дышит во всем.
 Призыв его слышу и голос: он слышен во всем.
 И я возвышаюсь, внимая, и ловит мой дух
 Мелодию мира и шепот, — он слышен во всем.

14 февраля 1921

Глянь! С Запада рабы машин и золота бегут кровавой,
 Ревущей в ужасе толпой, истерзанной, тысячеглавой,
 Из мертвых ледяных пустынь своей безвыходной тоски
 Сюда, на мой родной Восток, божественный и величавый.

1 мая 1921

Плывут века, жизнь коротка, что будет позже — всё
равно!
Я был, и есть, и буду я, но это тоже — всё равно!
Перемену я сотни форм, всё преходяще на земле,
Я со вселенной слит душой, пусть я прохожий — всё
равно!

3 мая 1921

В стране армян, как великан, стоит Масис могучий;
С владыкой сил мой дух вступил в беседу там,
на круче.
С тех дней, когда меж «нет» и «да» была темна
граница,
Из века в век, чей вечен бег, беседа эта длится.

21 мая 1921

Родник течет и протечет,
Помедлит жаждащий, пройдет.
Блаженных, неземных ключей
Поэт возжаждет — и пройдет.

9 июня 1922

Немало развалин былого в сердце моем,
Мрачнеет прошедшее благо в сердце моем,
Не в силах я вспомнить в печальный, сумрачный
час,
Гостило ль отрадное время в сердце моем. . .

12 июля 1922

Да, это всё... что ж, друг, подыдем чару!
Уйдет и это вдруг, подыдем чару!
Жизнь, как струя, звеня, прольется в мире.
Спеши, нам недосуг, подыдем чару!

24 августа 1922

120. НА РАССВЕТЕ

(Народное)

«Кукареку!» —
Петух проснулся на шесте.
«Чик-чик, чирик!» —
Запела птичка в темноте.

«Кукареку!» —
С рассветом вновь поет петух.
«Но-но, но-но!» —
Погнал овец в луга пастух.

«Кукареку!» —
При солнце в третий раз поет.
«Ох-ох, ох-ох!» —
С постели бабушка встает.

1907

121. ПЕРВЫЙ СНЕГ

«Погляди-ка, мама,
В окно поутру —
Кружат, кружат бабочки
По всему двору,
Белые бабочки —
Вон их сколько там!

Почему так много их
Прилетело к нам?»
— «Нет, сынок, не бабочек
Там увидел ты:
Улетели бабочки,
И ушли цветы,
Белые снежинки
Белою зимой
Крылышками белыми
Машут над землей!»

1907

122. БРАТ ЗЕЛЕНЫЙ МОЙ!

Брат зеленый мой!
Брат зеленый мой!
Принеси с собой
Полдень голубой,
Подари нам ты
Травы и цветы,
Накидай в ручей
Солнечных лучей,
Принеси в леса
Птичьи голоса,
А в село под вечер
Блеянье овец,
Приходи с весной,
С песенкой, с игрой,
Брат зеленый мой,
Брат зеленый мой!

1907

123. СОБАКА

«Гав-гав, гав-гав!» —
Я лаю и лаю.
«Гав-гав, гав-гав», —
Я дом охраняю.

Шаги возле дома —
Это знакомый!
Виляю хвостом:
«Пожалуйте в дом!»
Но если чужой,
Сердитый и злой,
Захочет тайком
Забраться в наш дом, —
«Гав-гав, гав-гав», —
Я громко залаю.
«Гав-гав, гав-гав», —
Я дом охраняю!

1907

124. СЛЕНОЙ АШУГ

Сел во дворе ашуг слепой,
Звенит печальной струной.
Поет ашуг, поет струна,
И эта песнь тоской полна:
«Эй, господин, эй, господин,
Не знаешь сам, как счастлив ты,
Что видишь небо, солнца свет
И матери своей черты!»

Поет ашуг, поет струна,
И песнь такой тоской полна!

1907

125. КОЛЫБЕЛЬ ПТЕНЦА

Высоко на ветке колыбель птенца
(вей, ветерок, вей).
Колыбель качается, листья шелестят:
«Усни, наш птенчик, усни...»

Птенчику приснится светлый, светлый сон
(вей, ветерок, вей).
Колыбель качается, листья шелестят:
«Усни, наш птенчик, усни...»

Тише, листья, тише, — птенчик наш заснул
(вей, ветерок, вей).
Медленно качается в листьях колыбель.
Бай-бай, мой птенчик, бай-бай...

1908

126. РУЧЕЙ

«Куда бежишь
Скорей, скорей?
Проворен ты,
Красив, ручей.
Побудь со мной
В тени ветвей!»

— «Нет, милый мой, —
Зовут дела.
Вон мельница
Вблизи села:
Моя вода
Ей жизнь дала.

А вниз взгляни,
В долину ты —
Там ждут меня
Трава, цветы,
Там жаждут пить
Стада, гурты.

Прощай пока,
Мой дорогой;
Ты видишь, путь
В заботах мой,
Лишь в море я
Найду покой».

1908

127. КОНЕЦ ОСЕНИ

На склоне гор
Туман лежит,
Во мгле струится,
Ропщет, бурлит
Тонкий ручей,
Грустный ручей:
«Ваш-виш, ваш-виш!
Где же вы, где —
В росах трава,
Розы, листва,
Шатер в горах,
Свирель в устах?
Пусто везде,
Грустно везде...
Ваш-виш, ваш-виш!
Где же вы, где?»

1908

128. ЖАЛОБА КОТЕНКА

Плачет котенок,
В угол забился.
Сидит, горемыка,
Лапкой прикрылся.

Другой котенок
Спросил его:
«Что, братец, плачешь ты,
Отчего?»

«Как мне не плакать?
Амо тайком
Сметанку скушал —
А потом

Пошел он к бабушке
И сказал,
Что всю сметану
Котик слизал.

Сбежались братья
И вся родня,
Схватили палки,
Ищут меня.

«Где кот-воришка? —
Они кричат, —
Дадим сметанки —
Не будет рад!»

Вот что подстроил
Мальчишка злой.
Как мне не плакать,
Ох, братец мой!»

Плачет котенок,
В угол забился,
Сидит, горемыка,
Лапкой прикрылся.

1908

129. ТУЧА И УТЕС

Туча к утесу примчалась из мглы,
Села на краешек острой скалы:
«Дедушка, дедушка, слышишь меня?
Вот ты и дожил до черного дня!
Близко беда:
Идут холода», —
Туча ему сказала
И умчалась, а он
Погрузился в сон
Под белое одеяло...

1908

ЛЕГЕНДЫ
И
СКАЗКИ

130. ПЕС И КОТ

1

Скорняжным
Теплым
Ремеслом
Занялся кот
Когда-то.
Мурлыча песню,
За стеклом
Сидел
Скорняк усатый.
Как вдруг
К нему
Явился пес
И шкурку
Мягкую
Принес.

2

«Здорово, кот! —
Промолвил пес,
Протягивая лапку. —
Трещит
На улице мороз,
Скорее
Шей мне шапку!

Я за ценой
Не постою.
Ну что ж,
Сошьешь?»
— «Изволь, сошью!»

8

«А долго ль ждать?»
— «В денек-другой
Окончу я работу.
Ты приходи,
Мой дорогой,
За шапкою в субботу!
Папаху шить —
Не шубу шить.
Для друга
Можно
Поспешить!»

4

Такую шапку
Смастерим,
Что будет всем
Завидно.
А о цене
Поговорим.
Нам торговаться
Стыдно.
Папаху шить —
Не шубу шить.
С деньгами можно
Не спешить».

5

В субботу утром
Старый пес,
Потягиваясь зябко,
Просунул в дверь
Замерзший нос:

«Ну что,
Готова шапка?»
— «Нет», — говорят
Ему в ответ.
«А где хозяин?»
— «Дома нет!»

6

Продрогший пес
Присел и ждет
Перед крыльцом
На тряпке.
Вот по дорожке
Кот идет
В богатой
Новой шапке.
Увидев пса,
Сказал он так:
«Зачем торопишься,
Чудак?
С таким шитьем
Нельзя спешить.
Нешуточное дело!
Папаху шить —
Не шубу шить,
Но надо шить умело.
Побрызгал шкурку
Я с утра,
Теперь кроить ее пора!»

7

«Мне очень жаль, —
Ответил пес, —
Что шапка не готова.
Но не сердись
На мой вопрос:
Когда явиться
Снова?»

Не в гости
Я хожу
В твой дом,
А за своим
Хожу
Добром!»

8

«Ну, так и быть, —
Бормочет кот, —
Приди к обеду
В среду!»
Среда настала.
Пес идет
За шапкою
К соседу.
«Как поживаешь?»
— «Жив-здоров!»
— «Готов заказ?»
— «Нет, не готов!»
Тут вышел крупный разговор,
Потом и потасовка.
«Ты, братец, плут!»
— «Ты, братец, вор,
Жена твоя воровка!»
— «Щенок!»
— «Урод!»
— «Молокосос!»
— «Паршивый кот!»
— «Плешивый пес!»

9

Доходит дело
До суда.
Узнав
Про эту драку,
Судья сказал:
«Позвать сюда
И кошку и собаку!»

Лукавый кот
И бедный пес
Вдвоем явились
На допрос.

10

Кто их судил,
Когда и как —
Отдельно
Или вместе, —
Я не скажу.
Но кот-скорняк
С тех пор пропал
Без вести.
Бежал он,
Хвост подняв трубой,
И все меха
Унес с собой!

11

А так как
Этот кот-скорняк
Всем нашим кошкам
Прадед, —
Семейства кошек
И собак
Между собой
Не ладят.
Кота увидев,
Честный пес
Рычит
И громко лает,
Как будто
Каверзный вопрос
Задать ему желает:
«Готова шапка
Или нет?»
А кот
Шипит ему в ответ.

При этом кот
Плюется так
В смущеньи
Или в страхе,
Как это делал
Кот-скорняк,
Когда кроил папахи.

1886

131. ЗЛОСЧАСТНЫЕ КУПЦЫ

Однажды Чайка, что кружилась
Над самым берегом морским,
С Летучей Мышью подружилась.
И как-то захотелось им
Купецким ремеслом заняться.
Всё рассчитали не спеша,
Пора бы и за дело взяться —
Да только денег — ни гроша!
Что делать? Думали-гадали,
И наконец к Шипу пошли.
Дать в долг им денег умоляли,
Процент хороший обещали,
И даже вексель подписали!
(Ну что еще они могли?)
Всё было хорошо сначала:
В срок деньги обещав вернуть,
Осталась дома Мышь, а Чайка,
Наняв корабль, пустилась в путь.
Минуя берега крутые
Арабских и фарсидских стран,
Поплыл корабль в края чужие —
В Чинумачин и в Индостан.
Ах, сколько Чайка накупила
Одежд и тканей дорогих!
Брильянтов и камней цветных,
Всего, что только глазу мило,
И изумруды, и агат —

Всего и перечесть нет силы —
Всё, чем индийский край богат,
На свой корабль она грузила.
В обратный путь из дальних стран
Поплыл корабль веселой Чайки,
Вдруг налетел необычайный,
Ужасный, грозный ураган!
Разбит корабль! Он тонет, тонет!
Товары все идут ко дну,
И Чайка над волнами стонет —
Шторм пощадил ее одну!
Спаслась — и то уж слава богу!
Но стонет Чайка: «Боже мой!
Как я вернусь теперь домой?
Как подойду теперь к порогу?
Что скажет Мышь? Что скажет Шип?
Корабль погиб, товар погиб!»

А Мышь сидит, считая дни,
Сидит, бедняга, на пороге
И, в доме погасив огни,
В тревоге смотрит на дороги.
Но день расплаты настает —
Шип с векселем в руках идет:
«О чем вы думаете? Что вы —
Никак забыли о долгах?
Вот вексель ваш! Платить готовы?
Я помню о своих деньгах!
Уж если сделали должок —
Умейте рассчитаться в срок!
Уж пожалейте вы меня!
Не грабьте среди бела дня!
Да кто, когда и где видал:
Я деньги вам честь честью дал,
А вы — бессовестно, ей-ей!
Вот после этого жалей
Вас, нищих! . . .» Шип орет, бранится,
Соседи собрались во двор,
И каждый осудить стремится,
И все кричат: «Позор! Позор!
Ой, ой! ведь это просто срам!
Вот и поверь таким купцам!»

Мышь сокрушалась, Мышь сердилась,
Ругалась, злилась: «Ой-ой-ой!
Ах, Чайка, чтоб ты провалилась!
Ну что ты сделала со мной!»
И каждый раз просила Мышь:
«Еще денек ты погодишь?»
Шип, друг наш, потерпи немного,
Вчера пришла от Чайки весть, —
Длинна из Индии дорога,
Но ведь у нас товары есть!
Ты дольше ждал! Корабль придет,
И Чайка долг с лихвой вернет!»
— «Нет, Мышь, мне лишнего не надо,
Что взяли — то отдайте в срок,
И все проценты. . . Вот награда
За доброту мне! Видит бог!»
— «Поверь мне, сударь, всё как есть,
Всё отдадим! . . . Ведь это честь. . .
Всё отдадим, клянусь душой. . .
Проценты, деньги. . . боже мой!
Да. . . мы должны. . . мы ж тоже люди. . .
Надеюсь. . . Пусть ослепнет тот,
Кто доброту твою забудет. . .»

Мышь обещает, плачет, лжет,
И ждет: вот-вот корабль прибудет,
А корабля всё нет и нет,
И Мыши опротивел свет:
«Что за напасти? Для чего я
Связалась с Чайкой? Вот те на!
Не будет мне теперь покоя!
Подумать, сколько я должна!
Ну что еще Шипу сказать?
Чего мне ждать? И как узнать,
Где Чайка? Ах, беда, беда. . .»
Кидалась Мышь туда-сюда —
Нет выхода! Всё, что имела,
Собрала и с себя сняла,
Шипу в счет долга отдала,
Но расплатиться не сумела.
Что оставалось делать ей?
Бежать подальше от людей.

На крыльях темных скрывшись в горы,
Она с тех самых давних дней
Стыдится своего позора.
И, чтоб не встретиться с Шипом,
Не смеет показаться днем,
Чтоб не слышать молвы людской,
От всех свой горький стыд скрывая. . .
И только в темноте ночной
Летает, света избегая.

А Чайка над морской волной
Кружит, кричит, полна кручиной,
То вдруг кидается в прибой,
То повисает над пучиной,
И всё надеется она
Добро достать с морского дна.
А Шип, утративши надежду,
Прохожих ловит за одежду:
«Кто видел наглых должников?
А вам они не попадались? . . .»

И вот уж несколько веков
Шип, Мышь и Чайка не встречались!

1886

Иллюстрация М. Сарьяна к стихотворению «Старинное благословение»

132. АХТАМАР

Каждой ночью к водам Вана
Кто-то с берега идет
И без лодки, среди тумана,
Смело к острову плывет.

Он могучими плечами
Рассекает лоно вод,
Привлекаемый лучами,
Что маяк далекий шлет.

Вкруг поток, шипя, крутится,
За пловцом бежит вослед,
Но бесстрашный не боится
Ни опасностей, ни бед.

Что ему угрозы ночи,
Пена, воды, ветер, мрак?
Точно любящие очи,
Перед ним горит маяк!

Каждой ночью искры света
Манят лаской тайных чар:
Каждой ночью, тьмой одета,
Ждет его к себе Тамар.

И могучими плечами
Бороздит он лоно вод,
Привлекаемый лучами,
Что маяк далекий шлет.

Он плывет навстречу счастью,
Смело борется с волной.
А Тамар, объята страстью,
Ждет его во тьме ночной.

Не напрасны ожидания. . .
Ближе, ближе. . . вот и он!
Миг блаженства! Миг свиданья!
Сладких таинств райский сон!

Тихо. Только воды плещут,
Только, полны чистых чар,
Звезды ропщут и трепещут
За бесстыдную Тамар.

И опять к пучинам Вана
Кто-то с берега идет
И без лодки, средь тумана,
Вдаль от острова плывет.

И со страхом остается
Над водой Тамар одна,
Смотрит, слушает, как бьется
Разъяренная волна.

Завтра — снова ожидания,
Так же искрится маяк,
Тот же чудный миг свиданья,
Те же ласки, тот же мрак.

Но разведал враг жестокий
Тайну любящих сердец:
Был погашен свет далекий,
Тьмой застигнут был пловец.

Растоптали люди злые
Ярко блещущий костер,
Небеса молчат ночные,
Тщетно света ищет взор.

Не заискрится, как прежде,
Маяка привет родной,
И в обманчивой надежде
Бьется, бьется он с волной.

Ветер шепчет непонятно,
Над водой клубится пар,
И вздыхает еле внятно
Слабый возглас: «Ах, Тамар!»

Звуки плача, звуки смеха. . .
Волны ластятся к скале,
И, как гаснущее эхо,
«Ах, Тамар!» звучит во мгле.

На рассвете встали волны
И примчали бледный труп,
И застыл упрек безмолвный:
«Ах, Тамар!» — среди мертвых губ.

С той поры минули годы,
Остров полон прежних чар,
Мрачно смотрит он на воды
И зовется «Ахтамар».

1891

133. НЕБО И ЗЕМЛЯ

Загляделось в лицо как-то небо земле
И ее красотой упилось,
Увидало поля в голубеющей мгле,
Горы, чащи, моря — и влюбилось.
И в земле, что досель холодела, дремля,
Пробудилась весенняя сила,
И ответным огнем запылала земля,
И дыханье цветов заструила.
Так, далекие, разделены искони
Пустотою высот отдаленных,
Горячо привязались друг к другу они, —
Нет запрета для нежно влюбленных!
Только ночь опускает свой темный покров,
Как, лучистым сияньем одето,
Загораясь миллионами жадных зрачков,
На любимую вплоть до рассвета
Смотрит небо — и не оторвется никак. . .
Пламень глаз отражаем водами,
И, запенясь, вздымаются воды во мрак,
Чтоб любимое тронуть устами.
С каждым мигом влюбленное небо пышней
Полыхает, во тьме раскрывая
Клад несметный своих драгоценных огней,
Разгорается страсть в нем живая,
Но — возлюбленной не досягнуть. И на миг
Умеряется пламя хмельное,
И жемчужные росы из взоров немых
Тихо каплют в пространство ночное.

Это — слезы, что небо льет, счастья моля,
Между тем как во мраке, по кручам,
Миллионами уст посылает земля
Поцелуи нахмуренным тучам.
Миллионом сердец из пучины седой
К небу милому рвется безумно,
И вздымаются волны гряда за грядой,
Убеленные пеною шумной.
Но небес не достать им, хоть пыл их велик,
И вздыхают и стонут надрывно.
Это видит луна, наклоня свой лик,
С трона туч глядя вниз неотрывно.
И поэту она повествует тайком,
Как во мраке бессонное море
Грудь вздымает, как ходит в раздолье морском
Вал, другому гудением вторя.
Небо шлет из очей голубые лучи,
И земля шлет любви поцелуи,
И поют они песни друг другу в ночи,
Словно люди, ласкаясь, тоскуя. . .
И мучительной зависти полон поэт,
И печалится невыразимо,
Что прекрасной такой не бывало и нет
У него беззаветно любимой. . .

134. ПРОКЛЯТАЯ НЕВЕСТКА

Невестки доля тяжела.
А эта уж такой была —
Она не только не всплакнет,
Но даже глазом не моргнет,
Пусть обижают вновь и вновь
Ее и свекор и свекровь.
Но раз, беспечно весела,
Свободно косы расплела
И, в комнате своей одна,
Запела песенку она:

«Мой дом — тюрьма,
Печаль и тьма,
И я навек в плену;
Каким нарядом ни мани,
Что светлой молодости дни,
Когда я жизнь клянусь?
Ах, птичкой стать,
Порхать, летать
С любимым среди ветвей!
Дыша весной,
В тиши лесной
Как петь отрадно ей.
Рожденья день —
Проклятый день, —
Печален он для нас.
Мой грустен сон,
И в сердце — стон,
И смех навек угас».

И вдруг старуха в дверь вошла,
Певунья в страхе замерла
И, ни жива и ни мертва,
Свекрови слушает слова:

«Удодом стань,
Невестка-дрянь!
Закрой поганный рот!
Ишь весела!
Платок сняла,
Бесстыдная, орет!
Пусть немота
Скует уста,
Засохни, облысей! . . .»
Сказала, — что ж,
Стал облик схож:
Невестка перед ней
Стоит, страшна, — лицо черно,
На плечи — гребешок,
И вдруг, взлетев, она в окно
Умчалась на восток.

Вот всё. Спустилась ночи мгла.
Домой бедняжка не пришла —
Удодом стала. Взад-вперед,
С торчащим гребешком,
В полях блуждает, не поет,
Не просит ни о чем.
Вся в пестрых перышках она,
Нема, растерянна, грустна,
Но если вдруг припомнит дом,
Где некогда жила,
Час, как запела пред окном
И косы расплела,
И тот, ее сгубивший миг,
Когда вошла свекровь, —
Она взлетает, стынет кровь,
И раздаётся крик. . .
Она дрожит, ее трясет,
Она кричит: «Уд-од. . . Уд-од! . . .»

135. ОРЕЛ И ДУБ

Однажды в лесу дремучем, глухом
Поспорил царь-дуб с могучим орлом,
Кто дольше из них сумеет прожить,
Чья крепче к земле привязана нить.
Орел молвил: «я», и дуб молвил: «я»,
У каждого спесь и гордость своя.
Расхваставшись так, затеяли спор,
И вот, наконец, каков уговор:
Пусть минет пятьсот — не меньше — годов,
И если царь птиц и дуб из дубов
В назначенный срок еще не умрут,
Друг с другом они пусть встретятся тут.
Крыльями взмахнул орел широко,
Оставил он лес, взлетел высоко.
И жил он, могуч,
На кручах, средь туч.
А дуб расстелил извивы корней,
И так он стоял всех выше, сильней,
Так много веков недвижим он был. . .
Промчались века. И срок наступил.
И старый орел, понурый, больной,
Едва ковылял по чаще лесной,
С одышкой в груди и хрипло крича,
И крылья свои едва волоча.
Добрался орел. . . Вокруг он глядит
И видит, что дуб упал и лежит,
И зелень еще свежа на ветвях. . .
Он страшной грозой повержен во прах.

«Эге, погляди, заносчивый дуб!
Сравни-ка теперь, кто времени люб.
До срока еще остался нам час,
А ты, великан, лежишь, развалясь!»
— «Полтысячи лет я стоя провел,
И лежа пятьсот мой выживет ствол.
Срок в тысячу лет судьбою мне дан», —
Орлу отвечал упавший титан.

1898

136. ПОГОС — ПЕТРОС

Прежде был ближе к земле небосвод,
И доносились молитвы сирот
Легче до бога. В тот век золотой
Жили два брата при мачехе злой.
«Что ненасытный разинули рот,
Два дармоеда? Еда не уйдет.
Живо за дело! Пяти лет Погос,
Парень не малый; шести лет Петрос.
Прутья возьмите, пасите телят!» —
Из дому гонит хозяйка ребят.
Мечется стадо, мычит от жары;
Вроссыпь телята пустились с горы.
Дети вдогонку, — а как их настичь?
Слышится звонкий в лесу переклич:
«Погос, поймал?» — «Нет!»
— «Петрос, загнал?» — «Нет»!
— «Ау, сюда!»
— «Ау, куда?»
— «Горе, беда!»

Скрылись телята, и след их простыл.
Выбились братья-подпаски из сил,
С плачем вернулись: «Нет, мамка, телят!»
— «Что вас, проклятых, самих не съедят
Лешне, звери? Медведь бы задрал
Иль задавил бы в ущелье обвал, —
Сгнули б оба, не видела б вас!
Пропада нет вам, шипы моих глаз!

Вон! И покуда скотины шальной
Мне не найдете в трущобе лесной,
Глаз не кажите! Иль в эту же ночь
Вас я пристукну, постылые. . . Прочь!»
Голод забыли Погос и Петрос:
Рыщут, с утеса бегут на утес;
Их не пугает чащоба и дичь.
В дебрях глубоких звенит переклич:
 «Погос, поймал?» — «Нет!»
 — «Петрос, загнал?» — «Нет!»
 — «Ау, сюда!»
 — «Ау, куда?»
 — «Горе, беда!»

Нет окаянных телят! А уж ночь
Скоро настанет, и бегать невмочь.
 Сумрачны сени
 Лиственной сети,
 Став на колени,
 Молятся дети,
 Господа просят:
 «Боженька милый!
 Что тебе стоит?
 Пусть твоей силой
 Крылья нас несут,
 Небо покоит,
 Пташек укроет —
 Чтоб не постиг нас злой матери гнев
Ночью, покуда пустует наш хлев!»
Только невинный их зов прозвучал,
Ласковый голос с небес отвечал:
«Птичками будьте! Доколе на двор
Скот не вернется, вам в небе простор.
На ночь дубрава, тиха и глуха,
Ложь постелет из мягкого мха.
Замкнут от сырых родительский дом —
Будут им яства на пире моем».
Молвил всевышний — и в пташек лесных
Вдруг обернулись два братца родных.
 Подняли крылья
 Ввысь без усилья
 Малых сирот, —

В синей пустыне
Волен их лет.
Так и донные
Птичками вьются
Горного луга,
Плачут, смеются,
Скачут, щебечут,
Кличут друг друга:
«Погос, поймал?» — «Нет!»
— «Петрос, загнал?» — «Нет!»
— «Ау, сюда!»
— «Ау, куда?»
— «Горе, беда!»

1898

137. ПАРВАНА

1

Горный трон Абул, весь в крутых хребтах,
Гребень Мтинских гор, что встают стеной,
Выше, чем Джавахк, на своих плечах
Средь летучих туч держат мир другой.

Говорят, что там, где ветрам простор,
Как орел своей голубой страны,
Восседал и сам властелин тех гор
За оградой стен в замке Парваны.

Дочь-красавица у него была.
Ни один еще Мтинских гор стрелок
На уступах скал, где клубится мгла,
Лани, равной ей, повстречать не мог.

И была она в дни своей весны
Украшеньем гор, счастьем старика.
Так и жил седой властелин страны,
Красотой гордясь своего цветка.

Ей любовь еще не плела венец,
Но дни радости наконец пришли,
И уже гонцов властелин-отец
Разослал во все уголки земли.

«Где же тот храбрец, если есть такой,
Что достоин взять в жены дочь мою?
Оседлав коня, пусть летит стрелой
Счастье дней своих заслужить в бою!»

2

Надев кольчугу, шлем,
Коней взяв под уздцы,
Сошлись со всех сторон
Кавказа удальцы.

У белого дворца
Могучего царя
Все состязанья ждут,
Отвагою горя.

Дыханье затаив
В волнении ждет народ,
Кого себе в мужья
Царевна изберет.

А трубы уж поют,
И встал весь двор кругом,
И вот она сама
Идет с седым отцом.

Царь тучею глядит,
Она ж — что свет ночной.
И дочь прошла с отцом,
Как облако с луной.

Притихнул весь народ,
Умолкли удальцы,
В мечты погружены,
Глядят на их венцы.

«Взгляни, царевна-дочь,
На молодых лихих.
Сейчас начнется спор,
Увидим удаль их.

Кто силой победит,
Кто ловкостью своей,
Кто скачкой на коне,
Кто пробежав быстрей.

Когда закончат спор,
Узнаем, кто из них
Мог победить в борьбе
Соперников своих.

Кинь яблоко тому,
Кто лучше кончил бой,
Чтоб мир был изумлен
Такой твоей судьбой».

Царь знак дал начинать —
Руки короткий взмах.
Но вышла тут вперед
Дочь с яблоком в руках.

«Что, если победит
Достойного наглец?
Его женой вовек
Не стану я, отец!»

«Эй, дева Парваны,
Чем заслужить любовь?» —
Смутились храбрецы
И молят вновь и вновь:

«Иль злата хочешь ты,
Каменьев дорогих?
Иль с неба ярких звезд?
Тебе добудем их!»

— «Что злато, серебро!
Не нужно ничего,
Ни жемчуга, ни звезд
От друга моего.

Я от него хочу
Лишь вечного огня.
И станет только он
Супругом для меня».

Услышав те слова,
Умолкли молодцы
И, на коней вскочив,
Летят во все концы.

Летят добыть огня
Неугасимый свет. . .
Идет за годом год,
А их всё нет и нет.

в

«Отец, когда ж они придут,
Жажду любви храня?
Ужель забыли обо мне,
Не принесут огня?»

— «Нет, дочь моя, они придут
Раньше, чем минет год.
Через кровавые бои
Путь храбрецов ведет.

Мир темноты и черных вод.
Быть может, на их путях.
Огонь тот дэвы стерегут,
И все о семи главах».

Проходит год, с дороги вновь
Не сводит дева взор:
«Отец, зачем его всё нет,
Всадника с дальних гор?»

Во сне я вижу, как ко мне
Желанный скачет друг,
Объятый пламенем любви.
Проснись — лишь тьма вокруг!»

— «Придет он, доченька, придет.
Подумай лишь о том,
Что прикоснувшийся к огню
Порой сгорает в нем».

Еще проходит год, и вновь
Печален у девы взор,
Но не видать еще нигде
Всадника с дальних гор.

«Отец, иль в целом мире нет,
Нет вечного огня?
Увяло сердце, стала жизнь
Лишь мукой для меня. . .»

Безмолвен седовласый царь,
Он мрачен и угрюм,
И скорбным сердцем погружен
В пучину горьких дум.

4

Так миновало немало лет. . .
И опечаленно дочь царя
Глядела на горы, на дальний путь,
Где угасала средь туч заря.

Утрата надежду, плача, дочь
Не знала слезам своим конца.
Из слез ее озеро разлилось,
Покрыв и город, и дом отца.

Всё затопило. И девы нет.
На месте, где плакала она,
Прозрачное, чистое, как слеза,
Плещется озеро Парвана.

А под лазурным зеркалом вод
Видны и ныне из глубины
Стены белеющего дворца
Былого властителя Парваны.

И говорят, что мотыльки,
Что собираются в мраке ночном
Возле оград, возле лампад
Перед зажженным огнем

И в танце носятся круговом,
Пламенем ярким увлечены, —
Это в любовном порыве своем
Смелые юноши из Парваны.
Крылья они себе обрели
И, превратившись в мотыльков,
Пламя завидя, летят на него
Из полуночных садов.
Каждому хочется завладеть
Огнем для лучшей из дев страны,
Но гибнут, гибнут без конца
Смелые юноши Парваны.

1902

138. ВЕЛИКАН

(Из кавказских легенд)

В какой стране — не помню, в каких годах — забыл,
Ишхан, владыка грозный, на белом свете жил.
Могучий и суровый, гроза соседних стран,
И до того великим был доблестный ишхан,
Что своему величью дивился сам порой!
А всех людей на свете считал он мошкаррой.
Чего б ни пожелал он, что б ни задумал он,
Его любое слово — для всей страны закон!
Кто смел ему перечить? Попробуйте — и вы
В ту самую минуту лишитесь головы!

Имел ишхан могучий огромные стада,
И, словно звезды в небе, никто и никогда
Не счел богатств ишхана!
Овец, коней, коров. . .
Грозна была охрана
У стад и табунов.
И где бы ни паслись стада,
От гор и до морей,
Все пастбища ишхан велел
Считать землей своей!
Кто смел ему перечить? Попробуйте — и вы
В ту самую минуту лишитесь головы!

Вот как-то раз в покоях сидит владыка наш.
Вдруг во дворец вбегает объятый страхом страж:

«Великому ишхану нижайший мой поклон,
И долгой, долгой жизни! Да соизволит он
Послушать, что за чудо случилось нынче днем:
Стада коров пасли мы
На берегу морском,
Вдруг видим: из-за моря, из неизвестных стран
Шагает к нам огромный, ужасный великан!
Поверь, ишхан-владыка, был великан такой,
Что перед ним казались мы — жалкой мошкаррой!
Как расскажу о нем я?
Бессильны все слова!
И море по колени,
И в тучах голова!
И стал он перед нами и загремел, как гром:
«Эй, кто посмел козявок пасти в краю моем?!
А ну-ка, вы, людишки, немедленно — долой,
Пока я в волны моря вас не смахнул рукою!»

И встал я и ответил:
«Ты, великан, могуч,
Но зря орешь так громко
Из этих грозных туч, —
Откуда б ни пришел ты, но знай, о великан,
Что этих стад владелец —
Великий наш ишхан!
Кто б смел ему перечить? Попробуйте — и вы
В ту самую минуту лишитесь головы!»
Но слов моих не слушал невежа великан:
Нагнулся он из тучи,
С волос потек туман,
Пошарил он рукою, и поднялась волна,
И рыбину большую
Достал с морского дна!
А после поднял руку и спину разогнул,
И рыбу, чтоб зажарить, он к солнцу протянул!»

Умолк слуга ишхана.
Издав последний стон,
Свалился бездыханно
Перед владыкой он.
Тогда ишхан великий
От гнева покраснел:

Он храпом заглушает и шум и рев трубы,
Не слышно ни команды, ни пушечной пальбы,
И как землетрясением колышутся бока...
Тогда пошли на приступ отважные войска!
И, вовсе расхрабрившись, стреляя и крича,
Один отряд добрался до самого плеча!
Карабкаются смело:
Кто за ухо залез,
Кто на нос,
Кто на брови,
Кто в бороду, как в лес...
А всадники по брюху летят во весь спор,
И копыта их сверкают, как солнце среди гор!
Стреляют, рубят, колют,
Сердясь, плюясь, крича,
И хором великана ругают сгоряча!

Вдруг людям показалось,
Что горный кряж взлетел:
На локте приподнявшись, гигант ужасный сел!
Не спрашивай, что было, —
Картины нет страшней!
Посыпались и люди,
И тысячи коней,
Кто с головы свалился,
Кто съехал по усам...
И что случилось с ними — подумай лучше сам!

А великан ужасный сказал: «Ах, боже мой!
В чем дело?
Почему я
Усыпан мошкаррой?
Зачем они напали?
Такая мелюзга!..»
И оглянулся великан, и разглядел врага:
Тот, кто в живых остался,
Поспешно удирает!
Кто, шпоря лошадь, мчался,
А кто — пешком бежал...
И протянул ручищу за войском великан,
Ладонью сгреб бегущих и ссыпал их в карман!

Поднялся
И вразвалку направился домой,
Колени омывая соленою волной.

А дома мать-старуха ждала его с утра.
Была она разумна, спокойна и добра.
Пришел и рассказал ей суровый великан
Про всё, что с ним случилось,
Потом полез в карман,
Достал солдат помятых и всадников извлек.
А мать сказала:
«Горе мне с тобою, мой сынок!
На что тебе людишки? Скажи, чему ты рад?
Да разве ты не видишь, как все они дрожат?
И если ты огромен, — ему сказала мать, —
Зачем таких малюток напрасно обижать?
Раз ты большой и сильный — не трогай никого:
Ведь хочет жить любое живое существо!
Ведь мир один!
И всем, кто
Под солнцем родились,
Знакомы боль и радость,
Знакомы смерть и жизнь!
Не забывай об этом
И никогда не смей
Могуществом кичиться и силою своей!
Ведь возомнить всемогущим себя — великий грех!
Всегда сильнее сильных есть,
А смерть — сильнее всех!
Пусти-ка их, сынок,
Пускай себе идут,
Пускай где пожелают
И как хотят живут!»

И великан, послушав седую мать свою,
Опустошил карманы, набитые «в бою»;
Пошли себе на волю ишхановы войска,
Испуганные насмерть,
Помятые слегка. . .
И в ужасе помчались через десятки стран:
«Идем к тебе, великий, идем к тебе, ишхан!»

Бредут войска по свету голодные, без сна,
Но вот уж показалась родная сторона!

«Послушай, о мудрейший,
Ужасные дела! . . .»
Но своевольный властелин
И слушать не желал,
Изрек он: «Я — всесилен!
Со мною спорить — грех!
На свете много сильных,
Но я — сильнее всех!»
Опять войска собрал он и снарядил в поход.
Со знаменем и с песней он сам полки ведет!
Ревут и воют трубы, грохочет барабан:
«Дрожи, дрожи от страха, ужасный великан!»
И великан увидел:
Один, другой отряд. . .
Все те, кого он отпустил, опять ему грозят!
Стреляют, машут саблями,
Трубя, шумя, крича,
И хором великана ругают сгоряча!

Он страшно рассердился и в ярости слепой
Сорвал с подножья гору
И поднял над собой!
Теперь одним ударом
Прикончить их пора!
И вдруг
В руках гиганта
Рассыпалась гора!

Погиб он под обломками!
Мать плакала о нем.
Вот так и подтвердились ее слова о том,
Что возомнить всесильным себя — великий грех:
Всегда сильнее сильных есть,
А смерть — сильнее всех!
Запомни кто б ты ни был —
Перед людьми не смей
Могуществом кичиться
И силою своей!

139. НИЧТО НЕ ВЕЧНО НА ЗЕМЛЕ

(Старинное предание)

Преданье это или быль?
Наш мир уносится, как пыль;
Одно незыблемо во мгле:
«Ничто не вечно на земле».
И всё ж гласит сказанье так,
Что жил-был некогда бедняк.
Был сын крестьянина умен,
И сына в слуги отдал он.

Идут года, за годом год.
Сын службу ревностно несет,
И дорожит хозяин им,
Как сыном собственным своим.
И повидаться наконец
К нему идет бедняк отец.
«Ну, как нашел ты новый дом?
Не гол, не бос ты, как в былом?»
— «Живу я лучше, чем в селе.
Но... что же вечно на земле?»

Отец ушел. Года бегут,
Успехи юноши растут:
Он стал, судьбу благодаря,
Слугой великого царя.
И, сына вспомнив, наконец
Отец приходит во дворец.
«Чего тебе недостает?»

Теперь не знаешь ты забот».
— «Есть всё, что нужно, на столе,
Но... что же вечно на земле?»

Спешат года. Приходит слух,
Что сын отличен между слуг,
Что царь, решив его судьбу,
Велел назиром быть рабу.
Истосковался вновь отец
И вновь приходит во дворец.
«Все повинуются тебе.
Будь благодарен ты судьбе!»
— «Да, я на прочном корабле,
Но... что же вечно на земле?»

Года бегут, бегут, как встарь,
И умирает дряхлый царь,
И прекратился древний род:
Край без властителя живет.
Из городов, с далеких гор
Спешат вельможи на собор
И выбирают с торжеством
Назира мудрого царем.
Доходит слух до старика:
Сын стал царем из бедняка.
Приходит он: «Ну что ж, мой сын?
Судьбой доволен, властелин?»
— «О да, корона на челе,
Но... что же вечно на земле?»

И вновь года бегут, бегут,
И новый царь творит свой суд,
Вершит дела, ведет войну,
К рукам прибравши всю страну.
Но подчини хотя б всю твердь —
Всё отберет обратно смерть!
И как-то раз, в печальный час,
Властитель царственный угас,
И старцу горшая из бед,
Что сына царственного нет.
Что говорить! Спешит отец,
Скорбя и плача, во дворец.

Царя хоронит вся страна,
И почестъ праху отдана,
И, вновь, толкуя меж собой,
Народ расходится домой.
Проходит вновь за годом год,
Отец на кладбище идет,
И надпись видит он во мгле:
«Ничто не вечно на земле!»

Спешат года, летят года,
И нам не счесть их никогда.
Твердит одно сказанье мне:
«Ничто не вечно на земле!»

Теперь владеем мы землей,
Но пропадет во тьме ночной
Наш мир, как царский мавзолей:
«Ничто не вечно на земле».

1908

140. КОНЕЦ ЗЛА

Стоит гора,
На горе — сосна,
В сосне — дупло,
В дупле — гнездо,
В том гнезде сидят
Трое кукушат
И с ними Мать-Кукушка.
«Ку-ку, мои птенчики, поскорей растите,
Крылышки окрепнут — и вы полетите
Радостно, высоко,
Весело, далеко. . .» —
Так пела Мать-Кукушка.
И вдруг, откуда ни возьмись,
Приходит Лис:
«Гора — моя,
Сосна — моя,
Дупло — мое,
Гнездо — мое,
Кто живет в дупле
На моей земле?
Ах ты, глупая Кукушка! Говори:
Сколько птенчиков в гнезде?»
— «Только три!
Только три птенца, сударь Лис, правду говорю я вам!»
— «Три птенца? Ах ты бесстыдница, вот я тебе задам!
Если хочешь на горе моей жить —
Одного из них отправь ко мне служить!
Поскорее одного брось мне вниз,

А не то возьму топор
И сосне — конец!»
— «Ради бога, не руби, сударь Лис!
Пусть идет к тебе служить мой птенец!
Ради бога, не руби, не руби,
Дом наш бедный не губи, не губи!»
*Так плакала Мать-Кукушка, умоляла злого Лиса и
бросила ему одного птенца. Лис хватъ его — и след про-*
стыл.

«Ой, ой, ой, ой-ой-ой,
Кукушонок бедный мой!
За какой горой,
За каким леском
Смерть взяла тебя,
Под каким кустом?
Ой-ой-ой, ой-ой-ой,
Кукушонок бедный мой!»
*Плакала, плакала Мать-Кукушка, и вдруг снова
явился Лис:*

«Гора — моя,
Сосна — моя,
Дупло — мое,
Гнездо — мое,
Кто живет в дупле
На моей земле?
Ах ты, серая Кукушка, глупая ты голова!
Сколько птенчиков в гнезде?»
— «Только два!
Только два птенца, сударь Лис, честно говорю я вам!»
— «Два птенца? Ах ты, бесстыдница! Вот я тебе задам!
Покажу тебе, злодейка, двух растить!
Или хочешь ты кукушками
Весь лес мой заселить?
Поскорее одного брось мне вниз,
А не то возьму топор
И сосне конец!»
— «Ради бога, не руби, сударь Лис!
Вот тебе и второй мой птенец!
Что ж, возьми, да только дай нам покой:
Хоть последний пусть останется со мной!»
*Так Мать-Кукушка умоляла злого Лиса, и бросила
ему второго птенца. Лис хватъ его — и след простыл!*

«Ой, беда, ой, беда!
Для чего
Прилетела я сюда?
Для чего
Я гнездо в дупле свила
И малюток берегла,
Чтобы Лис моих птенцов утащил,
Чтоб злодей мое гнездо разорил!»

*Так плакала Мать-Кукушка. И вдруг: «Карр!
Карр!» — летела мимо Ворона и услышала кукушкин
плач.*

«Ты о чем кручинишься, сестрица Кукушка,
Ты о чем кручинишься, милая подружка?»
— «Как не плакать мне, сестрица, если злой
разбойник Лис
Двух птенцов моих любимых приказал мне
сбросить вниз!

Ой, совсем меня злодей
Одолел.
Он унес моих малюток
И съел!»
— «Ах ты, глупая Кукушка!
Чтоб ослепнуть мне, ей-ей!
Обманул тебя бесстыдник,
Обманул тебя злодей!
Вот наглец — чего тебе наговорил:
Кто ему, скажите, гору подарил?
Да ведь всем принадлежит гора!
Кто ж ему позволил гору захватить?
Кто позволил под угрозой топора
Двух детей твоих, бедняжка, проглотить?
Одного унес сегодня,
Одного унес вчера!
Пусть подойдет он, негодник!
И — не бойся топора:
Кто ему топор, скажите, подарил?
Ты не верь ему, что б он ни говорил!
Если снова он придет в эту ночь —
Ты не бойся, прогони его прочь!»

*Так сказала Ворона и улетела. Снова пришел Лис:
«Гора моя,
Сосна моя...»*

Но не успел он сказать эти слова, как высунула Кукушка голову из дупла и закричала:

«Всё ты врешь, ненасытный злодей!
Никогда и не была гора твоей,
Сколько лживых ты мне слов наговорил!
Кто тебе, скажи-ка, гору подарил?
Да ведь всем принадлежит гора!
Никогда она твоей и не была.
Ах я глупая, боялась топора
И птенцов своих сама отдала!
Убирайся прочь, злодей,
Не поверю лжи твоей,
Не твоя сосна,
Не твоя гора,
Да и не было от веку
У тебя
Топора!»
— «Это кто тебе сказал?» — «Ворона!»
— «Ах, Ворона! Так и знал, что Ворона!..
Хо-ро-шо!!!»

Поджал хвост Лис и ушел, сердитый-пресердитый. Лег в поле да прикинулся мертвым. А Ворона решила, что он и вправду сдох, и села, чтоб глаза ему выклевать. Тут Лис хватъ — и поймал ее!

«Кра-кра-кра, сударь Лис, кра-кра-кра!»
— «Ах ты, дрянь, негодяйка, болтушка!
От тебя услышала, Кукушка,
Будто нет у меня топора?
Как ты смела!.. Ну что ж... погоди...»
— «Кра-кра-кра, сударь Лис! Пощади!
Каюсь, каюсь, я сказала, сударь мой,
Ты уж сделай что хочешь со мной,
Режь меня,
Ешь меня,
Как желаешь теперь накажи,
Только дай мне последнее слово сказать!»
— «Ну, скажи!»
— «Вон за той горой у меня кладовая,
Потайная!
В ней я всё, что добуду получше, —
Всё прячу-скрываю!»

Ни в лесу, ни в курятнике ты
Не увидишь такого добра!
А на что мне оно, если мне не дожить до утра?
Всё равно всё сгниет под землей,
Лучше ты откопал бы и съел,
Ну а если совру — пообедаешь мной!..»

— «Что ж, пойдём, — сказал он Вороне, — найдём — хорошо, не найдём — тебя съём!» А Ворона ещё раньше, летая, заметила, что под кустом лежит Собака крестьянина. И привела она Лиса прямехонько к этому кусту: «Вот моя кладовая!» — сказала Ворона. Лис с жадностью бросился под куст, а Собака вскочила да и схватила его за горло! Хрипит Лис, задыхается!

«Ах, я... ах, я...
Где же хитрость моя!
Так всегда был осторожен,
А теперь попался я!
Ах ты, черная Ворона, птица злая!
Умираю, тебя проклинаю!»
— «Какова бы осторожность ни была,
Сударь Лис, но для всякого зла
Час расплаты придет, придет пора...
Кра-кра, кра-кра, кра-кра!»

Так сказала Ворона и улетела.

Иллюстрация Роттера к сказке «Капля меда»

Иллюстрация А. Григорьяна к легенде «Шах и разносчик»

141. КАПЛЯ МЕДА

В ущелье гор, среди села
Лавчонка тесная была.
Туда забрел в базарный день
Пастух одной из деревень.
Он на плече дубину нес.
За ним бежал мохнатый пес.

«Есть мед, купец?»
— «Есть, молодец!
Давай горшок или корец.

Ай, что за мед, душистый мед!
Похвалит всякий, кто возьмет».

Купец по капле мед цедил,
Но слов медовых не щадил.
Его и медом не корми,
А дай поговорить с людьми!
И за беседой невзначай
Он пролил каплю через край.

Сверкнула капля, как топаз.
О ней и будет наш рассказ.
Почуяв мед издалека,
Слетела муха с потолка.
Жужжит и жадно тянет мед,
А к ней ползет хозяйский кот.
Припал к земле и в тот же миг
На муху — прыг!

Но пес, пришедший с пастухом,
Такую прыть почел грехом.
Вскочил он с пеною у рта
И ну терзать, трясти кота,
Трепать, катать,
Валять, мотать!
Чуть отпустил —
И снова хватать!
Потом, как тряпку, отшвырнул.

Кричит хозяин: «Караул!
Мой славный кот! Моя краса!
Держите бешеного пса!
Ах, он такой! Ах, он сякой! . . .»

И всё, что было под рукой —
Горшок, жаровню с кочергой,
Полено, ось от колеса —
Обрушил на голову пса.
Пес завертелся, завизжал
И на пол лег, где кот лежал.

«Мой бедный лев! — вскричал пастух. —
С тобою свет очей потух!
Кто будет мне стеречь овец?
Тебя прикончил злой купец.
Пусть он провалится со всей
Дрянной лавчонкою своей!
Ему припомнится мой пес. . .»

Тут над купцом силач занес
Свою дубину — и купец
Нашел безвременный конец.

«Грабеж! Разбой средь бела дня!» —
Кричит, орет его родня.
Со всех дворов, из всех ворот,
Из всех дверей валит народ.

Бегут на шум
Сосед и кум,
И теткин сват,
И тещин брат.

Свекровь, и деверь, и сноха
Колотят, валят пастуха.

«Ах ты, медведь косматый с гор!
Головорез, разбойник, вор!

Не покупать
Пришел, злодей,
А убивать
Честных людей!»

С врагами в бой вступил пастух,
Сбил одного, отбросил двух
И пал на землю вниз лицом
Между собакой и купцом. . .

И вот до горного села,
Как дым пожара, весть дошла.
Всех взбудоражил этот слух:
«Убит в долине наш пастух!
Нельзя нам смерть его простить.
Убийцам надо отомстить! . . .»
Ребята летнею порой
Вспугнут в гнезде осиный рой
И убегут. А тучи ос
Прохожих жалят в глаз и в нос.

Так муха бурю подняла. . .
Бегут со всех концов села
И старики, и молодежь,
Хватают вилы, серп и нож,
Лопату, вертел и топор
И вниз спешат с высоких гор.

Ведут коней на поводу
И рассуждают на ходу:
«Худой народ внизу живет.
Таким он исстари слывет.
За каплей меда вниз пойдешь —
Да и погибнешь ни за грош.
Черна их совесть от греха.
Идем же мстить за пастуха!

Мы их сождем!
Мы их убьем!
Мы их — ножом!
Мы их — дубьем!»

Так верхнее село пошло
Войной на нижнее село,
На брата — брат.
Галдят, кричат.
Кто бьет кого — не разберешь.
И вот уж в ход пустили нож.

Сверкнул отточенный кинжал.
Огонь по крышам побежал.
При виде крови и огня
Еще сильнее пошла резня.
Младенцы плачут, и ревет
В хлевах, в клетях забытый скот...

Огонь село спалил дотла.
А были эти два села,
Где жили сотни две крестьян,
В пределах двух различных стран.
Рубеж меж ними проходил,
Закон различный их судил,
И подати несли они
Царям различным в эти дни.

Вот одному царю гонец
Донес, явившись во дворец,
Что жители чужой земли
В его стране село сожгли.
Властитель скипетром потряс
И начертал такой указ:

«Мы, божьей милостью и проч.,
Сим возвещаем: нынче в ночь
Король соседний, словно вор,
Презрев священный договор,
Границы наши перешел,
Вступив в одно из наших сел.
У поселян он отнял кров.

Стенанья жен и слезы вдов
Текут к престолу моему.
 А посему,
 А потому
Приказ мы отдали войскам,
Лихим наездникам, стрелкам,
Начав немедленно войну,
Занять соседнюю страну.
Согнем врага в бараний рог!
За нами — пушки. С нами — бог!»
Под сим — число календаря
И подпись грозного царя.

Но и во вражеской стране
На каждой городской стене,
На каждом тыне и плетне,
На всем, что только видит глаз,
Монарший вывешен указ:
«Мы, сын небес и царь царей,
Сим объявляем, что злодей
Соседний царь идет войной,
Чтоб нашей завладеть страной.
В наш край он вторгся, точно вор,
Презрев священный договор
И для сего найдя предлог.
Но с нами меч и с нами бог!»
Под сим — число календаря
И подпись одного царя.

И запылал огонь войны,
И две страны разорены,
И поле некому косить,
И мертвых некому носить.
И только смерть, звеня косою,
Бредет пустынной полосой. . .

Склоняясь у могильных плит,
Живой живому говорит:
«Откуда и за что, сосед,
На нас свалилось столько бед?»

142. ГОЛУБИНЫЙ СКИТ

Ленк-Тимур пришел — изувер, палач;
С ним — огонь и меч, с ним — тугá и плач;
Не узлом сдавил нас удав-дракон —
Наше племя враг полонил в полон.
На побережье, где дышит мглой Севан,
У озерных струй он разбил свой стан —
Там, где, к богу сил воскрылась душой,
Сторожит наш край монастырь святой.
В те поры в скиту — опекун армян —
Преподобный жил схимонах Ован,
День и ночь молясь за родной народ,
За крещеный люд, за неверный род.
Как прознал Ован из затворных стен
Злых татар набег, христианский плен,
Осерчал зело, затужил вельми,
Что владеет так сатана людьми.
Не скончал молитв седовласый мних,
Хвать за жезл — и вон из ворот святых.
Бормоча, идет, куда путь ведет.
В забытьи — на гладь бирюзовых вод:
Заплескал Севан, но седой росой
Доплеснуть не смел до ступни босой.
Как увидел то басурманский князь,
Хилым былием задрожал, склонясь,
Завопил, завыл с высоты крутой:
«Не гневись, вернись, человек святой!
С миром в дом вернись!» — Так взмолился хан;
Повернул стопы в монастырь Ован.

Чуть на брег сухой оперся железом,
Бьет угоднику супостат челом:
«Ты бери с меня, что велишь, старик.
Золоту казну аль на власть ярлык!»
— «Не купить меня ярлыком, казной,
Отпусти, отдай мне народ родной!
Пусть, куда хотят, без помех идут,
Песню вольную жития поют!
Аль в поднебесье уж простора нет
Птицам Божиим? Али тесен свет?»
Лиходей в ответ: «Столько душ отдам,
Сколько душ войдет в монастырский храм.
Ну, ступай, старик, да не помни зла!»
И велел тотчас с одного крыла
Заходить толпе полоненной в скит:
Столько вольным быть, скольких храм вместит.
Стража грозная от застав ушла;
Потянулся люд, что река текла,
За святым вослед чрез одно крыло:
За сто тысяч их в малый скит вошло, —
Не наполнился и один притвор.
Удивляется басурманский вор
Диву дивному, сторожам кричит,
Новых пленников отпускать велит.
Тучей люд валит, в церковь вваливает, —
За тьму темь число переваливает:
Всё не полон скит, всё гостей зовет;
А людской поток плывет да плывет.
Уж и в третий раз Ленк-Тимур кричит,
Остальной полон распускать велит.
Идут задние, и — за рядом ряд —
Все прошли во храм. Одичалый взгляд
Водит лютый враг до окружных гор:
Пленных нет как нет. И всё пуст собор.
Ужаснулся хан: «Это явь иль бред?
Обыскать весь скит! Разыскать их след!»
Входят бирючи во святой притон:
Там Ован один; на коленях он, —
Очи ввысь вперил — словно в землю врос;
Борода влажна от обильных слез.
Сколько в малый скит ни вошло армян,
Обернул их всех в голубей Ован, —

Умолил на то благодать с небес, —
И в родимый дол, и в родимый лес
Выпускал он птиц на живой простор:
Все в приют ушли неприступных гор.
Упорхнули все — и сполох утих,
И стоит, один, на молитве мних.

1912

143. СЕРДЦЕ ДЕВЫ

(Восточное предание)

Некогда в царстве восточном цвела
Юная дева, резва, весела,
Краше всех сверстниц красую лица,
Радость и гордость вельможи-отца.
Только, зная, сердцу не писан закон:
В дочь властелина безродный влюблен,
Дева любовью ответной горит;
«Он — мой избранник, — отцу говорит, —
Он, не другой —
Суженый мой!»

Крикнул вельможа: «Тому не бывать!
Легче мне в землю тебя закопать!
Нищего зятем назвать не хочу;
В крепкую башню тебя заточу».
Камень, скала он. . . Что страсти скала?
Юноше дева тем боле мила.
Нежностью пылкой невеста горит;
«Он — мой желанный, — отцу говорит, —
Он, не другой —
Суженый мой!»

Деспот угрюмей, чем хмурая ночь;
В тесную башню сажает он дочь:
«С милым в разлуке, вдали от людей,
Блажь с нее схлынет. Остынет он к ней. . .»
Нет для любви ни стен, ни замка;

Лишь распаляет желанье тоска.
Страстию дева в затворе горит;
«Он — мой любимый, — отцу говорит, —
Он, не другой —
Суженый мой!»

Дух самовластный осенила тьма;
Сводит гордыня владыку с ума:
Башню, где клад свой ревниво берег,
Мстящей рукою безумец поджег. . .
Что для любви, что жарче тюрьма?
Ярым пожаром пылает сама!
Узница в душной темнице горит,
Клятвы обета, сгорая, творит:
«Он, не другой —
Суженый мой!»

Грозная башня сгорела дотла;
В пепел истлела, что прежде цвела.
Только — о, чуда безвестного дар! —
Сердца живого не тронул пожар. . .
Стелется горький с пожарища дым;
Юноша плачет над пеплом седым.
Плакал он долго; застыла печаль;
В путь поманила далекая даль. . .
Бродит он сир,
Пуст ему мир.

Нежная тайна! Под хладной золой
Что содрогнется — не сердце ль — порой?
Жаркое сердце в огне спасено,
Только под пеплом сокрыто оно.
Сердца живого из дремлющих сил —
Словно из корня, что ключ оросил
Слез избыльных, — в таинственный срок
Вырос прекрасный и легкий цветок:
Огненный мак;
Глубь его — мрак. . .

По чужедальним блуждает краям
Юноша, цели не ведая сам,
Вкруг озираясь — любимая где?

Милой не видит нигде и нигде!
В грезах о нежной склоняет главу;
Но безнадежность одна наяву.
Верной любви и смерть не конец;
Чувства не гасит небесный венец.
В оный предел
Вздых долетел...

Стон долетел к ней и тронул ее.
Тень покидает жилище свое,
К милому сходит, тоскуя, во сне,
Благоуханной подобна весне.
Молвит: «Внемли, мой печальник, завет!
Вырос над пеплом моим алоцвет.
Девы сожженной он сердце таит.
Жизнью моею тебя упойт.
В соке огня
Выпей меня!

Неги медвяной, разымчивых чар
Хмель чудотворный, целительный дар
Выжми и выпей пчелой из цветка:
Черная душу покинет тоска.
Так ты спасешься, избудешь печаль.
Смоет земное волшебная даль;
Не увядают ее красоты,
Мир и блаженство изведаеть ты —
В тонкой дали
Лучшей земли!..»

Нежная тайна, ты сердцу мила!
Стала скитальца душа весела.
Соком заветным навек опьянен,
Волен, беспечен и мужествен он.
В смене вседневной воскреснет тоска, —
Радость за нею, как рай, глубока.
Прежнее бремя его не долит,
Прежнее пламя его не палит, —
В тонкой дали
Лучшей земли...

144. ШАХ И РАЗНОСЧИК

«Эй, кто не брал?
Бисер, коралл!
Кольцо, браслет,
Любой предмет!
Курят неси,
Меняй, проси!
Всё для девиц,
Для молодежи!
За грош товар,
Хорош товар!» —

Разносчик кричит, подзывает народ, —
Таких постоянно встречаешь у нас.
Но этот? .. — змеей по базару ползет
Торговцем одетый властитель Аббас.

«Иголки, нитки! Эй, кому?
Сюда! Недорого возьму!»
— «Браток разносчик! а браток!
Иголки есть? Продай пучок».
И подошел, ускорив шаг,
К армянке-выселенке шах:
«Острее жал. Каков закал!
Пучок — за хлеб».
— «Ой, обобрал! ..»
— «Не спорь, сестрица, о грошах,
Коли тебе твой дорог шах!»
— «Да будь он проклят во все дни!
Господь от шаха нас храни!

Живи, разносчик, много лет,
Но шаха поминать не след. . .»
— «И зла же у людей в сердцах!
Что вам дурного сделал шах?
Отвел он турка меч лихой,
Вас вывел из Джульфы сухой,
В богатый край переселил,
Заботой всякой окружил. . .»
— «Закрой, разносчик, грешный рот.
О шахе толки прекрати!
Нагрязнул он, угнал народ, —
Хоть ногу бы сломал в пути!
По нашим нивам и садам
Прошел, как паводок весной.
Не внял Христу, не внял и нам:
Всех снял, всех вывел в край чужой.
Замкнули мы дома, дворы,
Ключи забросили в Араз.
Вот обернулись с полгоры
На край родной в последний раз,
Молились: «Богоматерь-свет,
Ты наши кровы соблюди
И, где б наш ни терялся след,
Назад из плена приведи!» —
Так мы молились, а потом,
Вновь оглянувшись, побрели
И под мечом да под кнутом
Толпой к Аразу подошли.
Что море, пенится Араз,
Волну выплескивает вон.
«Вброд!» — раздается вдруг приказ.
Самим Аббасом отдан он.
Там, сзади, меч, тут — бездна вод.
Рыданья, вопли. . . Страшный час. . .
Стар, млад — все мечутся. . . И вот,
Обнявшись, кинулись в Араз.
Такую страсть переживать
Не пожелаешь и врагам. . .
Да не доносятся, видать,
Проклятья наши к небесам. . .»
И вот изгнанниками вмиг
Аббас смущенный окружен.

Мятежный нарастает крик:
«Будь проклят шах и шахов трон!»
Аббас косится, страшен взгляд,
Угроза прячется в глазах,
Колени у него дрожат —
И мрачно спрашивает шах:
«Вы так ли речь вели о нем?
У всех, бывало, на устах:
Мы в счастье, мол, теперь живем,
Благословен Иран и шах!»
— «Мы лгали, братец! Ты ведь свой,
Чего нам от тебя таить?
А шах — он хищник, зверь лесной, —
Как сердце перед ним раскрыть?
Доколе шах и пленник есть,
Хозяин и наемник есть,
Не могут на земле процвеств
Ни счастье, ни любовь, ни честь».
Взвыл страшно разносчик, отбросил покров, —
Встал шах перед пленными грозно-суров,
Сверкнул ятаган у владыки в руках,
И старец изгнанник простерся во прах.

Доколе шах и пленник есть,
Хозяин и наемник есть,
Не могут на земле процвеств
Ни счастье, ни любовь, ни честь.

ПОЭМЫ

145. МАРО

Там, высоко, над скалой,
В глуби гор, покрытых мглой,
Скала украсило чело
Наше старое село.
И утес, как великан,
Призадумался угрюмо:
Только ведает туман,
Что таит утеса дума...
Не постигнуть, что за мысли
Над селением нависли...

Там молящийся народ
Свято все посты блюдет.
И ходили в церковь чинно, —
Всё же горе беспричинно
И неожиданная беда
Постигали нас всегда...
Вот... сейчас... одно преданье,
Быль одну вам расскажу...
Утешенья, оправданья
Я ему не нахожу...
И живет в душе моей
Память, скорбь далеких дней...

1

Близ села до этих пор
 Ива грустная растет...
 Пощадил ее топор,
 Близок леса темный свод...
 Жгли, бывало, зноем скалы,
 И не раз батрак усталый
 В трудовой и жаркий день
 Находил под ивой тень...
 Тут же вился с гор поток,
 Сладкогласый ручеек,
 Неустанный и звенящий,
 Он журчал в зеленой чаще,
 И гурьбою детской, голой,
 Шли долиной мы веселой
 В жаркий полдень искупаться,
 Порезвиться, посмеяться...
 Так беспечной детворой
 Жили летней мы порой,
 Над цветным спеша песком
 За лучистым мотыльком...

И когда мы уставали,
 Мы, утихнув, отдыхали,
 Вдруг задумавшись глубоко,
 Там, под ивой одинокой,
 Зло забыв, забыв добро,
 Над могилою Маро...
 О, Маро, дитя, подруга,
 Радость детского досуга,
 Как беспечны все мы были,
 Как резвились и любили!

2

Был в Маро лучистый свет...
 Девять минуло ей лет...
 В это время золотое
 В дом к отцу явились двое...
 Мать Маро в хозяйской роли
 Понесла им хлеба-соли,
 А они благодарили,

Добрый дом благословили...
«Будьте вы хранимы небом...
За землей мы, не за хлебом!
Слова вашего мы ждем:
Отчий дом — невестин дом!..»
И отец, бокал наполнив,
По завету всё исполнив,
Отвечал покорно, строго:
«Да свершится воля бога!»
И сосватали Маро
Пастуху из гор, Каро...

3

А Каро, с высоких гор,
Устрашал прохожих взор...
Был огромного он роста,
Всё в нем было кротко, просто,
Но дрожали, как перо,
Видя страшного Каро...
Теща зятя полюбила
И приветом одарила,
Даже милая Маро
Говорила, что Каро —
Добр и ласков и несет
Сласти в каждый к ней приход.

4

Вот пришел он за женою
С барабаном и зурною, —
И Маро принарядили
И фатой ее накрыли,
Положили хну на руки,
Не спросив про сердца муки,
И ребенка на венчанье
Повели, как на закланье...
Поп с крестом спросил Каро...
Тот сказал «беру», довольный,
И молчала подневольно
Неподвижная Маро...
Вот отец благословенье

Зятю дал: «Пусть умноженье
Благ твоих цветет полнее,
Стань на свете всех сильнее,
Пусть тебя, без тяжких зол,
Ждет у мельницы помол!»
К мужу горною тропую
Увели Маро толпою...
Мужем маленькой Маро
Стал большой пастух Каро.

5

Не пойму, пошло с чего бы...
Ворожкой иль черной злобой
Над малюткой начудили,
Сердце страхом отравили...
Может, злобная вещунья,
Чародейка и колдунья
Отравила тайно платье,
Нашептала ей проклятье...
Сколь над горем толковали
И в беде причин искали...

Не нашла приюта-места
В новой хижине невеста,
Убежала вновь к отцу...
Слезы лились по лицу...
«Пожалейте, пощадите!
Я люблю вас... не гоните!...
Страшно... сжальтесь надо мной!
Не могу я быть женой!»

А отец стал злобы полон,
И в побоях гнев отвел он...
«Вон из дома, прочь, срамница!
Здесь тебе уж не укрыться...
Позабудь жите свое!
Имя ты чернишь мое!»
И, стыдась и горько плача,
От соседей горе пряча,
Отчий бросила порог
Безутешная Маро...

Так, отца и мать покинув,
 Отчий дом из сердца вынув,
 Под прикрытьем гор и неба,
 Чуть жива, без корки хлеба,
 От страданий цепenea,
 В дом чужой войти не смея,
 Там, в горах, где взрослым жутко,
 Там брела Маро-малютка,
 Мукой темною объята,
 Одинока... виновата...

Дни и месяцы текли...
 Весть однажды принесли;
 Наш соседний, с гор, пастух
 Нам принес зловещий слух,
 Весть о случае ужасном,
 О ребенке в платье красном...
 «Девочка — вон в тот провал —
 Сбросилась сейчас со скал!»

Тут все в страхе прибежали,
 В жутком горе и печали
 Все, понурившись, смотрели
 На безмолвное ущелье,
 И отец, забыв свой гнев,
 Весь от горя побелев,
 Плакал, мукою терзаясь...
 Мать рыдала, убиваясь...
 Много плакал и Каро...
 Умерла — ушла Маро...

Близ села до этих пор
 Ива грустная растет.
 Пощадил ее топор,
 Близок леса темный свод...
 Там под ивой одинокой

Яму вырыли глубоко,
Без молитв Маро зарыли...
И землей ее закрыли...
Не по божеским обрядам
И не с дедушкой рядом...
Обтесали камень черный
И вблизи дороги горной
Под склонившимся стволом
Спит Маро глубоким сном.

9

У села, там, под горою,
Часто тихою порою
В черном женщина приходит
И с могилы глаз не сводит,
Над могилой слезы льет
И Маро к себе зовет...
«Дорогая Маро! Маро-джан!
Пожалей и скажи... слышит горный туман...
Кто обидел тебя, Маро-джан?
Возвратись же, любя, Маро-джан!
Все мы плакать должны, Маро-джан...
Я не вижу вины, Маро-джан!
О, вернись же домой, Маро-джан!
Но ты спишь под землей, Маро-джан!»
Так, склонясь над камнем скорбным,
Молчаливым, спящим, черным,
Кос печальных серебро
Сыплет, плача, мать Маро...
Тщетно слышатся моления,
И возносятся куренья...
В полумгле ночи глубокой
Пламя свечки одинокой
Там, над камнем, чуть заметно,
Отвечает безответно
О далеких, грустных днях
И... теряется в горах...

146. САКО ЛОРИЙСКИЙ

1

Вот Лорийское ущелье — громоздятся с двух сторон
Скалы древние, и взор их мрачен и насторожен.
Скалы смотрят друг на друга, молчаливые стоят.
Под нависшими бровями неподвижный тусклый

взгляд.

А внизу, у ног беснуясь, извивается Дэв-Бед,
Он выплевывает пену, дикой гонкой разогрет.
Бьет о берег каменистый, будто он крушит врагов.
Ищет он былых, цветущих, озаренных берегов
И ревет, не умолкая, ненавидя сон и тишь:
«Ваш-виш! Ваш-виш!»

Из пещер глубоких, темных там на множество ладов
Слышен отклик беспокойных и дразнящих голосов.
Это дэвы застонали и вопят, рассвирепев,
Откликаются, и слышно, как бушует гневный дэв.
Завывают злые души, и повсюду слышно лишь:
«Ваш-виш! Ваш-виш!»

По ночам, когда ущелье оживает от луны
И пугливыми лучами берега озарены,
Волны резвые играют с чистым лунным серебром.
Это, к жизни приобщаясь, скрыто в сумраке густом,
Пробуждается ущелье — дышит ужас под луной,
И ущелье обретает древний свой язык живой.
Монастырь на плоскогорье молится, как на тахте.
На краю утеса крепость, точно сторож, в темноте.

С темной башни на вершине, вознесенной к облакам,
Раздается безутешный крик совы по временам.
И, подобен человеку, молчалив и одинок,
Древний крест в ущелье смотрит, где Дэв-Бед рычит
у ног.

2

Есть в ущелье этом домик над рекою высоко.
Грустно в домике сегодня одинокому Сако.
Он пастух, и постоянно с ним живет пастух другой.
Но, как демон, этой ночью тот исчез — ушел домой.
Мало ль что бывает нужно чабану, когда свой скот
От села вдали в ущельях месяцами он пасет.
Может, вышел корм собакам: нет муки, мешки пусты,
Или соли не хватило для овечьей баранты?
То ль яичницу у тещи съесть решил в той стороне?
То ли очень истомился, стосковался по жене, —
Бросил стадо он и скрылся. Стало быть, ушел в село?
А Сако, его товарищ, вывел, только рассвело,
Баранту его на склоны, на луга окрестных гор.
Возвратясь, Сако снял лапти и ступни себе растер.
Поразвесил для просушки он носки,
Лег у печки и раскис от тоски.

3

Ты — один, но кто с тобою равен силой, богатырь!
Великан!.. Вот он разлегся! Как могуч! Какая ширь!
Точно дуб! Когда же встанет он с дубинкою своей,
С набалдашником, который словно слиток из гвоздей.
И свирепых псов покличет, — грозен, дик и страшен он.
Зверь и вор обходят робко этот домик и загон.
Каждый божий вечер, только загорается звезда,
Пастухи к нему приходят, наполняется ода.
В печку — хворост, и свирелей начинается игра.
Песни, шутки-прибаутки, пляска шумная быстра.

У Сако сегодня скучно. Темнота и тишина.
 В доме глухо-одинокое без второго чабана.
 Вытянулся поудобней он в тепле у камелька,
 И пришло к нему различных много дум издадека
 Сквозь ущелье, через эту вековую глушь и тьму.
 Тут-то бабушкины сказки сразу вспомнились ему.
 Сразу вспомнились, и, темной этой древности под стать,
 Он о духах злых неволью начал думать-размышлять:
 Как они толпой веселой на своих ногах кривых,
 Превращаясь каждой ночью в женщин, в гурий
 К людям грустным, одиноким, не просясь, приходят
 И еще он вспомнил дэвов — есть что делать им кругом:
 Лишь увидят из пещеры человека на скале
 Или путника, устало проходящего во мгле, —
 Разным, издавна знакомым подражая голосам,
 Зазывают на пирушку, поднимают шум и гам.
 Бьют наотмашь в барабаны и играют на зурне...
 Сказки бабушки покойной зазвучали в тишине,
 Будто в детство золотое возвратился снова он,
 Сказок древние напевы — точно призраки, точно сон...

Они зовут:

«Сако, приди,
 Сыграем свадьбу мы на диво!
 Мы буйно пляшем, погляди!
 Невесты-девушки красивы.

Возьми лепешку у меня!
 Смотри, яичница какая!
 Я — твоя тетя, я — родня,
 Я — твоя нани дорогая.

С тобой я буду так нежна!
 Тебе любовь платочком машет.
 Красавица поет и пляшет:
 Тара-ни-на! Тара-ни-на!»

И нелепые картины безобразной чередой
 Взор смущают и тревожат, наплывая в час ночной,

И к Сако идут навстречу грузной поступью своей,
И сменяет их мгновенно пляска медленных теней.
Удаляются неспешно, разлетаются они.
Тени злобные уходят в их пещеры-западни.

5

Может быть, то лань метнулась? Или это серый волк
Мимо домика промчался? Иль качнулся древний ствол?
Или подошла козуля к пропасти на самый край
И свалила ножкой камень сверху в бездну незначай?
Или ветер кружит листья и бросает на скалу?
Или мечется мышонок, заблудившийся в углу?
Или бляенье ночное пробудившихся овец?
Он прислушивался долго, и решил он наконец:
Кто-то влез в его загон.
Кто?

Прислушивался он...

6

Кто в трубу бросает сверху то золу, то горсть песка?
Кто в ертык сию минуту посмотрел исподтишка?
Кто легко прошел по крыше, тихо-тихо, точно мышь?
«Кто ты там, эгей! Откликнись! Притаился и молчишь?»
Нет ответа. Только слышен Дзорагета хриплый стон.
«Ах, я знаю, кто там бродит! То — Геве. Никто, как он».
Кто отважится? Все знают пса свирепого... «Геве!»
Не боюсь...

«Геве!..» —

В ответ он не услышал ничего.
И еще страшней молчанье да ревуший Дзорагет.
Дзорагет о берег бьется. Ни людей, ни ветра нет.
Мир уснул. Спит ветер. Только духи темные не спят
И шныряют по ущелью взад-вперед, вперед-назад,
Свой бесовский пир справляют на скалистой высоте
И танцуют, словно тени, веселятся в темноте.

«Сако, на свадьбу к нам приди!
Повеселимся мы на диво!
Мы буйно пляшем, погляди!
И много нас, невест красивых.

Возьми лепешку у меня!
Смотри, яичница какая!
Я — твоя тетя, я — родня,
Я — твоя нани дорогая.

С тобой я буду так нежна!
Моя любовь платочком машет.
Красавица поет и пляшет:
Тара-ни-на! Тара-ни-на!»

А Дэв-Бед летит, грохочет и ревет, бурлив и зол:
«Убежал Сако, держите! Он с ума сошел».

147. СТЕНАНИЯ

Отрывок

Стемнело. Старик, муки сердца скрывая,
Подбросил охапку поленьев в огонь,
И, древний обычай страны соблюдая,
Он юного гостя приветствовал вновь.

И друг против друга мы чинно уселись,
Костер разгорался горячим огнем.
Вдали перед нами шумело ущелье,
Дыханье свое расстилая кругом.

Бессонные птицы шумят и кудахчут,
И каркают жалобно в темной ночи,
Кричит сирота одинокая птаха,
Сова ужасающе жутко кричит.

И ночь вся охвачена жутью глубокой,
И ночь вся охвачена страшной тоской. . .
Вот где-то раздался из чащи далекой
Голодного волка протяжный вой.

И, длинный чубук свой наполнивши куревом,
Кряхтя тяжело, растянулся старик,
И брови, подобные туче, нахмутив,
Раскатисто-глухо он стал говорить:

«Рассказывай, что у вас в городе нового,
Расскажешь — и люди узнают кругом
О мертвых, живых, дорогом и дешевом,
О новой газете, о прочем таком. . .

Болтают у нас, будто три государства —
Однако не верится что-то мне —
Решили, чтоб тот, кто войною ударит,
Престола лишился в своей стране.

Кто слышал, чтоб чудо случилось такое?
В природе ли царской, в природе ль князей,
Чтоб в страны чужие не шел он войною,
Не грабил бы земли, не резал людей?»

— «Эй, брось, старина, о царях, ради бога!
Давно надоела мне в городе жизнь.
Ты лучше о вашей жизни убогой,
О болях и горестях мне Расскажи».

— «Ну, что потерял ты? Чего ты тут ищешь? —
Старик начал речь свою, горько смеясь. —
Не умерли, видишь, живем, дружище,
Завидую всем умирающим я.

Что жизнь наша? Хлеба кусок зачерствелый.
Зависит от неба у каждого жизнь.
А если зависит, известное дело,
Какою должна его жизнь быть, скажи?

Вот я, например. В этих мрачных ущельях,
Четырежды двадцать — мои вот года,
Я радости в жизни не видел доселе,
Достатка не видел еще никогда.

Всё лето не знаю горячей пищи,
Кручусь здесь, работаю в поте лица,
Невзгод, огорчений — целые тыщи,
И нет моим бедам тяжелым конца.

От лоз не имею такого дохода,
Который равнялся б налогу на них.
Вот если бы денег иметь хоть немного,
Тогда у нас не было б жалоб таких.

А я вот за колья, за хворостинки,
Без пользы лежащие, деньги несусь.
Шалаш этот — видишь? Две-три лишь жердинки,
А тоже раз шесть волокли меня в суд:

«Ты лес молодой порубил», — что ты скажешь?
И слушать не хочет, свое говорит,
Пока писарей, старшины не подмажешь...
А нынче у них ведь большой аппетит...

И воры, и волки ограбить стремятся,
Ты чуть отвернулся — и нет добра.
Воруют из дому, несут со двора,
И даже не знаешь, куда бы податься.

Подать старшине, что ли, жалобу? Что ты!
Врага наживу в нем — и только всего:
След вора приводит к его ведь воротам...
Попробуй-ка правду найти у него!..

Сажает тебя он за стол, угощает,
Горячего чаю иль водки дает:
«Ступай себе, дедушка! Спи спокойно!
Уж вор от меня никуда не уйдет...»

Весь мир превратился в «хватай что можешь»,
Любовь — это меч, кровь людская — вода.
Ни страха, ни совести нет у сильных,
А слабых совсем одолела беда.

Вчера на столбе том — был вечер — висели
Три чьих-то винтовки, — я сам проследил.
Бездомные люди, а может, и беглые,
Пришли, а наутро вновь след их простыл.

А кто виноват? Вот и думаю думу
И, кто тут повинен, никак не пойму.
Везде темноты и невежества уйма,
И все мы во власти бесчисленных мук.

Вот видишь, чем жизнь наша, братец, богата.
У нас — языка нет. Кто сильный — тот бог.
Мы старого нынче лишились адата,
А новых еще мы не знаем дорог.

Живут с нами здесь, по соседству, тавады —
Хозяева наши. У них все права.
С расстегнутым поясом, водкой брюхаты,
На крышах стоят, засучив рукава.

Один у нас пядью землицы владеет:
Как плюнешь с конца, до другого дойдет,
Другим не дает, сам не пашет, не сеет,
Зажал в кулаке весь крестьянский народ.

Чужую скотину, гляди, забирает,
Загонит тихонько на поле свое,
А после, ругаясь, ее выгоняет
И штраф за потраву с владельца берет.

Порою на свадьбах танцует зимою,
Вокруг богатеев юлит, блюдолиз,
Добудет монеты, добро наживное,
И едет проесть и пропить их в Тифлис.

Напраслину как-то он взвел на чабана:
Мол, тот в его поле скотину загнал.
Чабан же не дался такому обману:
«Пусть явится, скажет, что это видал. . .»

Уж так мне его образумить хотелось:
«Чаты, — я молил его, — брось это дело.
А ну его к черту! Уйди от греха. . .»
Да грубого разве проймешь пастуха?

Так нет! Заупрямился он. Как скала,
Он стал неподвижно на сельском майдане:
«Вот суд, вот тавад, вот, смотрите, и я.
Пусть выйдет! А ну-ка? Посмотрим, что станет!»

Столкнулись. И начали слово за словом.
Чаты ляпнул несколько грубых слов, —
Уж если дерутся, порядок таков:
Друг друга, вестимо, не потчуют пловом.

А наш старшина благословенный —
Под стать ему случай этот отменный.
С тавадом всегда заодно он. И вот
Он с длинной плетью на площадь идет.

Чабана на людях к столбу прикрутили,
Избил он чабана что было силы.
«Далеко тебя упеку, — говорит, —
Отныне не взвидишь ты солнца Лори. . .»

И вот стариков мы почтенных избрали,
Послали к таваду, чтоб пали с мольбой,
Просили его мы и деньги давали,
Чтоб миром закончили спор меж собой:

«Ну чем провинились вы друг перед другом?
Повздорили. Кровь ведь не пролил никто?
Ну, высечь заставил. . . Возьми и штрафные, —
Кончай это дело. Довольно. Идем».

На лавку тавад положил свою ногу:
«Несите вот столько — тогда и простим. . .»
— «Вот всё, что имеем. Клянемся богом!
Откуда еще нам тебе принести? . . .»

Но, как мы ни бились, он был непреклонен.
Отправил он жалобу выше еще:
Что он — сын тавада, что он — оскорбленный
И что оскорбитель — пастух простой.

На следствие прибыл чиновник большой,
С кокардой на шапке, с густой бородой.
Приехал, отправился в дом к старшине:
«А где тут Чаты? Приведите ко мне. . .»

Приходит Чаты — несуразный, нескладный,
Как дерево, стал посредине — громадный.
Не знает закона, глядит в упор,
Как зверь бессловесный, живущий средь гор.

И начали следствие. Парня схватили.
«Как смел ты, несчастный, тавада ругать?»
И толстую книгу закона открыли,
Решили чабана в Сибирь сослать.

И вот стариков мы почтенных избрали,
Послали к таваду, чтоб пали с мольбой,
Просили его мы и деньги давали,
Чтоб миром закончили спор меж собой:

«Ну чем провинились вы друг перед другом?
Повздорили. Кровь ведь не пролил никто?
Ну, высечь заставил. . . Возьми и штрафные, —
Кончай это дело. Довольно. Идем».

«И я, — отвечал он, — имею ведь совесть.
Не нужно мне вовсе чабановой крови. . .
Пусть только жена его мне помочь
Постель постелить придет в эту ночь».

Имеющий совесть — и так заявляет.
Ну, ясно. О чем же еще говорить?
Мужчина, который про честь понимает,
Сам знает, как надо ему поступить. . .

Вчера на столбе том — был вечер — висели
Три чьих-то винтовки, — я сам проследил. . .
Как много народу из дому исчезли,
Как много убийцами стали из них. . .

А кто виноват? Вот я думаю думу,
А кто виноват, не пойму я никак.
Хоть ум мой короток, однако я вижу,
Что жить невозможно становится так.

Один по своей поступает воле.
Другой — даже слова сказать не волен.
Ведь ты образованный. Вот и скажи,
Какой это бог так устроил нам жизнь?

Единоверцы, армяне ведь оба,
А вот ведь — мужик, а другой — богатей.
Иль кровь богача нашей крови красней?
Иль нас он искусней, умней и способней?

И вот ты, тавад, будешь делать что хочешь,
И я даже слова не смею сказать? . .
Эх, друг! Не спрашивай. Больше нет мочи.
Не то мне придется разбойником стать. . .»

Старик замолчал. Прилегли мы на землю.
Костер разгорался горячим огнем.
Вдали перед нами шумело ущелье,
Дыханье свое расстилая кругом.

1890

148. СТАРАЯ ВОЙНА

ДОМА

Пролог

Ты думал: высоту родной земли
Небесных молний копыя стерегут
И что бесчисленные корабли
В дни бедствий к нам на помощь прибегут? . .
О, тяжело надежду потерять! . .
И в ужасе беспомощно взирать,
Как безнаказанно твой край родной
Терзает враг преступною рукой!
Правители беспечны; что им в том,
Хоть весь народ армянский истребят. . .
Они наш край исконный, отчий дом,
Нас не спросясь, врагу отдать хотят.
И тот, кто божьим именем пришел
Со словом утешения, с крестом,
Сказал: «Терпите!» Взгляд горé возвел.
А если в муках гибнем мы, что в том? . .
И льются, льются реки жгучих слез
Несчастливого народа. Льется кровь
Среди мучений, казней и угроз.
И ужасы творятся вновь и вновь.
И обступила гибель нас кругом.
Измученные телом и душой,
Взывали мы: «За что же это? В чем
Мы, боже, провинились пред тобой? . .»

Странанья народа низвергли меня
 С нагорий Гугарка, цветущих весной,
 И скорбную лиру порою ночной
 Вручали мне, душу стенаньем тесня.
 Рыдай, моя песня, как вьюга в ночи,
 Над осиротелой, безлюдной землей!
 В ворота тоски бессонной стучи:
 Где он — твой изгнанник, где мученик твой!
 Стенай, моя песня, лети далеко
 Над тьмою, где слез неизбывен поток!
 Как странник бездомный, вздыхай глубоко
 У чуждых ворот, на распутьях дорог...

И словно изгнанника-странника тень,
 Душа моя бродит, блуждает с тех пор,
 В печали встречая неведомый день,
 В ночах не смыкая измученный взор.
 Потеряно всё, чем владела она,
 Что ищет, того на земле не найдет.
 Не ведая сна, как потока волна,
 В иные края безотрадно течет.
 И вдруг, возвращаясь с чужой стороны,
 Глядит с перевала, с седой крутизны,
 И видит: во тьме, в долине — на дне
 Цветет огонек в знакомом окне...
 И мирною лампой опять озарен,
 Он в кресле, рукою висок подперев,
 Сидит. И пред ним проходят, как сон,
 Былые страданья, и муки, и гнев.
 Здесь отчего крова старинная сень,
 И книги, мерцаая, глядят в полутьму...
 И в черной одежде, как добрая тень,
 Любимая мать его входит к нему.

«О чем ты задумался, мой дорогой?
 Скажи Ваган-джан, не таишь предо мной!..
 Ты блекнешь, как лист, тоскуешь, молчишь...»

— «Так, мама. . . Немного болит голова.
А ты-то сама? Почему ты не спишь?»
— «Сыночек, меня не обманут слова.
Не спишь ты — и я, как видишь, не сплю.
Скажи, Ваган-джан, кто отнял твой сон?
В какую красавицу сын мой влюблен?»
— «Да, ты угадала, нани, я люблю. . .»
— «Ну то-то! Со мною не думай хитрить!
Вот я о беде и узнала твоей. . .
Сынок, от меня тебе тайны не скрыть,
Ты знаешь, как зорки глаза матерей.
Ну кто же она? Ты скажи; я пойду
И в дом наш невесту твою приведу».

«Не сможешь ты, мама. Нельзя к ней пойти.
Из плена не сможешь ее увести,
Увы, ты не знаешь, не знаешь ее! . .
Прости мне. . . В ней жизнь и мученье мое. . .
Но нам не дойти до нее, не спасти».
И мать так печально, понуро, стара,
К себе удаляется тихо опять
И просит у бога без сна до утра —
И сына, и мир весь, и всех отстоять. . .

8

Но вот появился какой-то чужой.
И юноша некий еще с ним пришел.
Читают, толкуют всю ночь меж собой.
И спор подозрительно шумный пошел.
«Скажи, Ваган-джан, — кто такие они?
Не ровня тебе — чужаки, бедняки! . .
Всю правду скажи своей старой нани —
О чем до утра их трещат языки?»

— «Ах, мама! Друзья они лучшие мне,
Изгнанники. . . Негде главу преклонить. . .
Гостил я у них — в далекой стране,
А друга ведь надо в беде подбодрить».
— «Дитя мое бедное, милый мой сын,
Друзья твои голь и бродяги, видать!

Невеста в плену, далеко... Ты один!..» —
Вздыхает, бормочет несчастная мать
И тихо в свой угол печально идет.
Сидит в своей комнате, темной, пустой,
И старого мужа беспечного ждет,
Который еще не вернулся домой.
А что старику? Он домой не спешит,
С друзьями весь вечер в духане сидит.

В ДУХАНЕ

Всё стихло на улочке темной, пустой.
Ночь на землю пала.

И, за день устав,
Склонясь на прилавок, вином залитой,
Духанщик забылся, видать, задремав.
Чуть лампа горит с непротертым стеклом,
А в темном углу за бутылкой вина
Сидят еще трое друзей за столом,
Сидят по привычке они допоздна.

«Ведь вот наказание!

Мой-то сынок
Ни слова не слышит!.. Ни слова — в ответ...
Всё думает! Ах ты — побей тебя бог!
Начнет говорить: не пойму, что за бред!..
Не нравится наш ему старый закон.
Народ, мол, в ярме — под гнетом у нас!..
Да и не понять и не вспомнить, что он
По-книжному, трудно, толкует подчас;
Мол, это — вот этак, а то, мол, — вот так...
Одно, мол, из двух —

иль они, или я!..

«Молчи! — говорю. —

Ты — безмозглый чудак!»
А он мне: „Поймешь ли? Где честь ты моя!..“»

Ха-ха-ха! Вот чушь, друже, ты понес!
Вот так новый сын, братец Мартирос!

Ну-ка, друг, нальем,
Чашу изопьем!
Понимаешь ты, что сказал сейчас?

Пусть сын твой живет,
Дом твой бережет,
Чтоб огонь у вас в очаге не гас!»
Так круг стариков смеется и пьет.
Но здесь начинается только рассказ.

«...Боюсь я... Чего б не случилось у нас.
Эх, скоро ли будет мученью конец?

Смотрю, как бы лучше... Да как бы... Да вот...
Ведь нет у него ни дел, ни забот...
А я сокрушаюсь... Я ведь отец...

Он знает лишь горе мирское одно...
Не знает, видать, куда себя деть?
И друг ли, чужак ли — ему всё равно.
Он рад и бродяге дверь отпереть...
«Ваган, что нам делать?

Ваган, как нам быть?

Ваган, что ты скажешь?

Когда же мы в путь?..»

Смекаете вы — откуда их прить?

Друзья, понимаете вы что-нибудь?»

— «Туда?» — «...Ох, туда!.. Ну, ну —
и вопрос!..»

Давай, наливай еще, Мартирос.

И за молодых мы выпьем до дна.

— «Эх, друг! Из-за них не знаю я сна!»

— «...Я сам ведь не раз собирался бежать...»

И кто не болеет... душой не скорбит?..

О, господи... Мирно не можем мы спать...»

Пусть горе исчезнет, добро победит!»

И налил в стаканы друзьям старичок.

Рассказа конец еще, видно, далек.

«Спасибо вам... Будьте здоровы, друзья!
У нас же...

Такого не видывал я:
У нас — что ни ночь —
и спят и живут.

Десятеро — прочь,
а двадцать — придут.
Дашь пить им и есть,
что в доме ни есть...

А спорят! Шумят всю ночь напролет!
И всё им равно — где ни лечь, где ни сесть.
Иной — на полу и на голом уснет.
Один — на столе,
другой — под столом.

Им мусор, и грязь, и пыль — нипочем!
— «Ха! Ха-ха! Ха-ха! Насмешил до слез...
Эй, еще налей, братец Мартирос!
Ну-ка — от души выпьем! Благодать...

Слушай. Хороши парни-то, видать...
Правильно живут!

Человек — не тот,
Кто лишь о себе
полон век забот.

Нет! Того, кто всё людям отдает,
Человеком мы можем называть!
Вот таких людей сохрани, господь!»

Уж темным-темна за оконцем ночь.
Разговор дошел до конца не вплоть.
Выпить старики и еще не прочь.

4

Пустынною улицей темной идет
Старик Мартирос из духана домой.
Он кашляет громко и спор сам с собой
В ночной тишине возбужденно ведет.

Мы за свободу выйдем в бой
С врагами грудь о грудь.
Наш боевой, наш грозовой
Не преградите путь.

Пулей и словом,
Полные гнева,
Молнией, громом
Грянем мы с неба.

Друзья, крепитесь! К вам мы, к вам
Во всеоружии идем!
К счастливым дням,
К свободным дням
Отчизну поведем!..

5

Дрожат и бледнеют, молчат старики
И слушают дерзкие песни слова.
Старушка полна тревоги, тоски,
Поникла седая отца голова.

Что в дедовском доме творится у них?
А песня — отколь залетела она?
Да, прежде не слышали песен таких,
И неукротима она, и страшна!

И полны тревоги, смущенья, тоски,
Как будто лежат на горячих углях,
Ворочаются без сна старики,
Пока не забрезжило утро в дверях.

«Сыночек, вы что там надумали петь?
Опасная песня, не быть бы беде...
В какую страну собрались вы лететь?
И что там случилось? И где это, где?»

— «Ах, мама, — ну песня как песня... Подряд
Все в юности разные песни поют!

Друзья мои молоды. Мысли парят.
Далекie страны к себе их влекут. . .»

И сходятся к вечеру вновь; и шумней,
Тревожнее споры, теснее их круг.
Кричат, как под осень стада журавлей
На озере, перед отлетом на юг.

И вдруг все исчезли. Растаял их след.
Ушел и домой не вернулся Ваган.
И ждут старики. Но всё нет его, нет.
Бесследно пропал, будто канул в туман. . .»

И вот на исходе четвертого дня
Письмо от Вагана пришло наконец:
«Не мучьте себя, не ищите меня.
Прощайте, любимые мать и отец!

Вы дали мне жизнь, вскормили меня,
И я перед вами, родные, в долгу.
Но в горе земля, как в море огня,
И я в стороне стоять не могу.

Пусть будет мой путь и труден и крут
В кровавом и грозном мире скорбей.
Другие отцы теперь меня ждут,
И слышу я зов других матерей.

Простите, что вас я покинул одних,
Что не дал я вам за любовь ничего!
Увидимся, если останусь в живых.
Простите же сына! Забудьте его!»

6

И, руку с сыновним письмом уронив,
Безмолвна, с заплаканным, бледным лицом,
Глаза на туманный закат устремив,
Старушка сидит на пороге пустом.

Мурлычет котенок и трется у ног.
Прижался к плечу племянник-малыш.
И взгляд его грустен, наивен, глубок:
«Что плачешь ты, бабушка? Что ты
молчишь?»

И смотрит туда, где закат отпылал,
Старушка — в неизвестную темную даль,
Где сын ее, сын ненаглядный пропал,
Где бедствие, горе, и кровь, и печаль.

«О божия мать! Ты спасаешь везде.
О воин Саргис — господень святой,
Храните его, защитите в беде!
Пролейте на мир тишину и покой!
Молю вас: придите на помощь ему,
Скитальцу единственному моему! . . .»
И льет она горькие слезы из глаз,
И молится, жаркою верой полна,
Пока за холмами закат не погас
И ночь не настала, тиха и темна.

7

Всё смолкло, укутались горы во мглу.
Заснул тишиной напоенный простор.
Лишь в старом духане, в привычном углу,
Под лампой три друга ведут разговор:
«Эй, что ты задумался, друг Мартирос?
Всё будто отлично! Давай-ка стакан!
Вот только бы счастья господь нам принес! . . .
Вернется и жив и здоров твой Ваган!
На доброе дело отправился он,
Пусть бог на чужбине его сохранит! . . .
Так что же ты, братец, сидишь — удручен,
Глаза опустил, и стакан недопит? . . .»

Пей, друг Мартирос, да еще нам налей!
Сомненья свои и унынья развей!»

В СТРАНЕ

Пролог

В далекой стране из груди горы
Источник воды живой истекал.
Но жадный вишاپ выползал из норы
И к этой воде людей не пускал.

А люди, чтоб жажду свою утолить,
Воды запасти, — дракону они
Должны дочерей своих были дарить
И пили не воду, а слезы одни.
Но витязь пришел из Светлой страны,
Дракона в бою мечом поразил,
И светлый поток животворной волны
На веки веков народу открыл.
Нет, это не сказка о жизни былой,
Не старый волшебный песенный сказ,
А случай, действительно виденный мной,
И сказок давно не бывает у нас.

Дракон кровожадный, коварен, жесток,
Давно у источника счастья залег,
И блекнут на склонах нагорных цветы,
Потоками крови и слез залиты.

1

Ло-ло, ло-ло!
Склоны гор!
Эй, Тарон, весна наступила вновь!
Эй, красавиц искристый взор,
Эй, свобода, счастье, любовь!
Ло-ло, ло-ло!
Преклоняйте, горы, в поклоне стан,
Проезжает здесь Мусабек,
Гнитесь, шеи робких армян,
Вы в ярме, вы в петле навек.
Где красавица есть, где золото есть —
Всё владыке отдай своему.
Что ему ваша воля, и правда, и честь?
Кто противостанет ему?

Если в Муш-стране он взмахнул мечом,
Ван от силы удара его задрожал.
До Арзрума летит его выстрелов гром.
Никнут в страхе и стар и мал.

2

Поклонись, армянин! Иль тебе конец.
Мусабек проезжает — гляди!
«Эй! — кричит, — выходи-ка, святой отец,
Всех, кто в доме есть, выводи!»

И от страха полуживой, —
Стынет ужас в темных глазах, —
Показался священник седой
Под навесом, в темных дверях.
«Ну, отец святой, ты доволен мной?
Подними-ка глаза, ага!»
— «Господин, сам бог доволен тобой.
Дай бог счастья тебе, ага!»
— «Ты доволен? Так долг свой плати сполна,
Выводи свою дочь, Шогик!
Поживей, старик! Пусть она
Моих жен украсит цветник!»
Молча старый священник пред ним стоит,
Побледнел, головой склонясь.
Не поймешь — он смеется иль плачет навзрыд,
Через силу в улыбке кривясь.
«Ха-ха-ха! Святой отец — ты чего?»
«Ха-ха-ха!» — весь отряд кругом...
И от жуткого смеха того
Ужас вдруг охватил весь дом.
«Эй, кто ропщет на Мусабeka здесь?
Мусабек на весь мир один».
А старик: «Мы довольны, ага! . . Нам честь,
Славный, щедрый наш господин.
Но, ага, снизойди и к нашей судьбе —
Два-три дня еще удели. . .
Дай отсрочку нам, чтоб по чести тебе
Мы отдать невесту могли. . .»
— «Два дня. . . Ладно. Но помни, святой отец,
Я вернусь — ты мне дашь ответ!

Если что... Ни на небе, ни под землей
От меня избавленья нет!..»

Ло-ло-ло, зеленый Тарон,
Твои склоны — цветной ковер...
Но умолк «Ло-ло» перезвон
За глухими кряжами гор.

3

Зачем тревожно колокол гудит
На колокольне сельской в поздний час?
«Уж не беда ль какая нам грозит,
Не подожгли ль враги село у нас?..»
— «Эй, что случилось? Что в ночную тишь
Усталых будишь? Что ты, поп, звонишь?»
— «Сироты, детушки! Ко мне, сюда!
На плечи мне обрушилась беда!»
А медный звон летит в ночной туман...
И разбудил, собрал весь Талворик.
И, горя полн, убогих поселян
Зовет на помощь жалкий поп-старик.

«Соседи, друзья! Придите
На свадьбу Шогик моей!
Цветы с полей принесите,
Венок сошьем мы ей!
Взрастил я, чуждый скверны
Росток, души благодать...
Но появился неверный,
Он жизнь мою хочет отнять.
Отцы, в ком души живые,
Есть дочери и у вас!..»
Вздыхают крестьяне седые,
Не подымая глаз.

«Жаль твою Шогик, жаль цветок Шогик!..
Эх, отец! Нам жаль дочери твоей!..
Бедный ты отец, бедный ты старик...
Пусть погибнет враг, гром его побей!..»
Среди ночи на звоннице колокол бьет,
Старый, бедный священник на помощь зовет:

«Несите тревогу в другие края,
Пусть все наши близкие слышат набат!
Пусть помощь скорее пошлют друзья,
С войсками и пушками к нам поспешат!»
Напрасно, увы, на восход, на закат
Старик устремляет беспомощный взгляд.
Нет чуда... Всё тихо. Дороги во мгле.
Глубокая ночь на армянской земле.

Вновь колокол стонет. И стон его дик,
И кличет всё громче несчастный старик.
«О боже, услышь! Вот молитва моя
Последняя! Может быть!.. Не допусти!
Ты тоже — отец, и в сединах, как я, —
Сойди, по-отечески нас защити!»

Но лик отвращает господь от армян,
Надежды и помощи им не дает.
И вот, облаченная в черный туман,
Бессонная, ужасов ночь настает.

4

О темная ночь, бессонная ночь,
Бездонная пропасть тоски и скорбей...
«Дитя!.. Почему ты не спишь, моя дочь?
Всё плачешь, приникнув к подушке своей?»

— «Ни сна, ни отрады нет мне, нане.
От глаз моих дрема в испуге бежит.
Едва их прикрою, всё чудится мне,
Что злой Мусабек предо мною стоит...»

— «Дитя, ты усни, ты не бойся сейчас...
Усни!.. Еще есть господь в небесах.
Мы курдов и турок видали не раз.
А ты — успокойся... Пустое — твой страх!..»

— «Ах, мама, кто плачет всю ночь до утра,
Кто плачет, да так, что слышать невмочь.

Взгляни за окно, рассветать уж пора...
Ах, как тяжела, как страшна эта ночь!

— «Дитя, это стоны «Ночной Сироты»,
И сказка о той Сироте сложена.

Была она девушкой прежде, как ты,
Но птицею стала, и плачет она.
Злой турок, увидев ее, проследил,
И в дом к ней ворвался, и брата убил.

И к богу она обратилась с мольбой,
Измучена горем и смертной тоской:

„О боже! Дай крылья быстрые мне,
И пусть!.. о, пусть я, как птица, умчусь!
Я в страхе — весь день... Я плачу во сне...
Дай крылья! И я улечу! Я спасусь!..“»

А мать продолжает:
«Время идет,
А та — Сирота — всё летает она.
И кличет она. Зовет и зовет
Единственного. Печали полна.
Дитя мое, спи... Ведь есть еще бог.
Молись про себя... Милосерден творец.
Ведь ночь не навек. Рассвет недалек,
Настанет беде и скорби конец...»

Стук... Стук...

«Кто стучит у наших дверей?
Разбойник стучит к нам в ночь или вор?..»
Стук, стук...

«Эй, отец, открой нам скорей!
Хозяин, вставай, открывай свой затвор!..»
— «Иль то безъязыкие курды стучат?..»
Страхом весь дом небывалым объят.

Под одеялом, дыханье тая,
Прячутся малыши и не спят.
Мать замерла, что делать теперь?..

Шарит руками во тьме наугад.
Дочь к ней припала безмолвно. А в дверь
Громко и непрерывно стучат.
Старенький поп — ни мыслей, ни слов...
С трепетной, тускло горящей свечой
К двери идет, открывает засов,
Встал он лицом к лицу с темнотой,
С говором сдержанных голосов.

Кто? Разглядеть в полутьме не могли...
Трое неведомых молодцов.
Звякнув оружием, в двери вошли —
И по-армянски: «А ну-ка, отец,
Благослови нас!» — они говорят.
Вспыхнул светлее тусклый светец.
Смотрит старик. И рад, и не рад.
«Кто вы — так поздно? Откуда ко мне?»
— «Мы из России! Расскажем потом...»
— «Но ведь опасно в этой стране...»
Смерть притаилась за каждым углом!..»

«Вот мы поэтому к вам и пришли».
— «А не покинули — спрос ведь не грех —
Ближних под небом родимой земли?»
— «Да, — отвечают, — покинули всех...»

Темная ночь, бессонная ночь,
Скорбная ночь твоя, Айастан.
Темная ночь, бездонная ночь,
Полная слез, и надежды, и тайн.

149. ПОЭТ И МУЗА

Однажды я сидел — уныл, угрюм,
Устав от горестных и тяжких дум
О том, как облегчить свою беду.
«За ссудой вновь к кому-нибудь пойду! —
Решил я наконец, тоской томим, —
А как устроюсь дальше, поглядим».
«С парнасской высоты тебе привет!»
Я обернулся. . . муза, с давних лет
Знакомая, вошла: «Восстань, певец,
Страхни с себя унынье наконец!
Гляди: страдает твой родной народ,
И кровь невинных к небу вопиет, —
Бредут несчастные из края в край.
Восстань, поэт, надежды луч подай!
Тому, кто духом пал, скитальцам влей
Отвагу в душу и утешь детей.
На юных девушек, поэт, взгляни!
Как розы свежие, цветут они,
Сверкает светом солнечным их взгляд, —
Любвных песен все они хотят.
Весна пришла и яркий свой ковер
Везде раскинула по склонам гор.
Полны долины рокотом воды,
Щебечут птицы, и цветут сады.
Приди ж и ты в себя и песню спой
Во славу вящую весны молодой».

— «Нет, муза, нет! Довольно! Пощади!
Давно клокочет ад в моей груди.
Забыть тебя заставлю я сейчас
Про кровь, весну, поэта и Парнас.
Да будет проклят тот несчастный день,
Когда ты надо мной простерла сень!
С тех пор как стал твоим питомцем я —
Убогой, нищей стала жизнь моя».

— «А про святой забыл ты жар,
Что принесла тебе я в дар?»

— «Обманщица, что дал он мне?
Из-за него я — как в огне.
Иль ты не знала, в мир какой
Идет питомец юный твой?
Мне б лучше кровь народа пить, —
Я б деньги мог тогда скопить,
Но мироедом бы не слыл,
Хоть им бы в самом деле был.
Раздался б крик:
«Как он велик,
Наш благодетель! Он один —
Хранящий верность армянин».

Еще попом я мог бы стать,
С крестом на шее провожать
Покойников, — меня б тогда
На место первое всегда
Сажали люди; ими чтим,
Я был бы словно серафим.
Мне б этакую жизнь вести,
И был бы я у всех в чести;
Иль жить напыщенным глупцом,
Которому всё нипочем,
Лишь бы поесть, потом поспать.
Червю навозному под стать
Такая жизнь, но нужды нет —
Меня бы чтили с юных лет,
Хоть боле пуст во много б раз
Был череп мой, чем вот сейчас
Любой карман моих штанов.
Закон юдоли сей таков!
Но — ах! — с рождения под власть

Парнасской нищенки подпасть,
На плач свою
Обречь семью,
Смех вызывать у всей родни,
Влачить, как груз тяжелый, дни, —
О муза, это ли твой дар?
Нет, это худшая из кар.
И, помню я,
Мои друзья
Твердили мне наперерыв,
Что мой губителен порыв,
Что жизнь проучит, — надо мной
Смеясь, качали головой.
Но я, дурак,
Себе был враг,
С утра до вечера читал,
Стихи безмозглые кропал
И, за тобой летя вослед,
Бежал от счастья с юных лет».
— «О счастье ты каком скорбишь?
Неблагодарный, вспомни лишь,
Какой в тебе я жар зажгла!
Тебе способность я дала
На дивных крыльях грез нестись
От скудной жизни к небу, ввысь,
Заботы, муки забывать,
В ад опускаться, в рай взлетать
И песни пламенные петь.
Чего же ты лишен? Ответь!»
— «Вопрос бессовестный! Сейчас
Узнаешь, — слушай мой рассказ.
Был в школу счетоводства я
Когда-то отведен. Друзья
Твердили вокруг,
Что, дескать, друг,
Когда получишь аттестат,
Тебе порядочный оклад
И там и тут —
Везде дадут:
Бухгалтеры в большой цене.
Хозяин, — говорили мне, —
Не будет на прибавки скуп,

А если не совсем ты глуп,
То попадешь к нему. . . в зятя.
Но тут к тебе, о муза, я
Подпал под власть, и вот мой дух
Возненавидел зло грессбух,
В колонках чисел и дробей
Я видеть стал клубки червей,
И вот, безумное дитя,
Всё бросил я, к тебе летя:
Так дольше жить, мол, мочи нет, —
Ведь я поэт, поэт, поэт!
Но снова благосклонный рок
Мне в люди выбратся помог:
Он сделал писарем меня.
Не знал я праздничного дня,
Но так начальнику был мил,
Что он мне ручку подарил,
И я узнал от писарей,
Как надо обирать людей.
Но ты ко мне пришла и тут,
Вмешалась в мой спокойный труд,
И я — за глупость мне позор! —
Стал затевать за спором спор.
Мол, не годится мужика,
Чья жизнь и так ведь не легка,
Годами мучить и терзать,
Вдовицы скарб с торгов пускать.
Потом — зачем и не пойму —
По наущенью твоему
В письме я шефа обругал,
И он тотчас меня прогнал.
«Тебя мы кормим и поим, —
Сказал он мне, — а ты, гоним
Своею музой, нас хулишь?
Таких не надо нам. Уйди ж!»
Но милостив господь, и вот,
Едва успел промчатся год,
Служу в большой конторе я.
«Здесь будет легкой жизнь моя», —
Мечталось мне, но ты пришла,
Мои все спутала дела,

И я, от места отрешен,
На улицу был выгнан вон.
Пришлось, рукой махнув на честь,
Мне по уши в долги залезть.
(А если задолжал поэт,
Он не простой должник, о нет!
О нем пекутся все сердца,
И пересудам нет конца.)
Когда увидела родня,
Что мало толку от меня,
Что у меня удачи нет,
Все стали мне давать совет
Пойти в попы и взять приход:
«Там ждут тебя любовь, почет,
Поминки с сочною кутьей,
Достаток полный и покой».
Но я, тебе на торжество,
Отрекся, глупый, от всего!
Церковной кружкой не прельстясь,
Спиною к счастью обратясь,
Я лиру взял,
Поэтом стал
И с песней выступил своей,
Воскликнув вдохновенно: «Эй,
Стоит пред вами музы сын!»
Все рассмеялись, как один,
И закричали мне в ответ:
«Мы не хотим твой слушать бред.
Безумный юноша, уйди!
Лишь грезы у тебя в груди,
И песнями ты поглощен.
От мира взор твой отвращен.
Мы — люди дела и труда,
К чему нам эта ерунда?»
Я крикнул им: «Ах, деньги лишь
И блеск, тупая чернь, ты чтишь!
Тебе поэта не понять,
На нем почиет благодать, —
Он правду и любовь поет».
Сказав, бегу в журнал, и вот
С редактором мой разговор:
«Пишу стихи с недавних пор.

Нельзя ли поместить у вас
Вот эти? Их прочту сейчас:

«О черные глаза, ваш взор покой
Тревожит мой и днем и в час ночной.
Вы мне хотите в душу заглянуть —
Пора закрыться вам, пора уснуть!
Устал поэт от горя и невзгод,
И вечный сон к себе его влечет.
Усните же и вы! Прошел мой день,
Ночь надо мной свою простерла тень».

— «Недурно! Гладко! Что же, спора нет —
Вы не бездарны, господин поэт!
Десятисложна каждая из строк...
Но бедность рифмы — вот в чем ваш порок.
Позвольте, я исправлю вам сейчас —
И сразу заблестят стихи у вас.
Поэтов наших правлю я всегда
И тем учу, а то бы им беда:

«О черные глаза, ваш взор покой
Тревожит мой, как будто бес какой...»

Я, как от беса, ужасом влеком,
Из кабинета бросился бегом
И песни в типографию отнес,
О чем мне скоро пожалеть пришлось.
Едва лишь появился сборник в свет,
Суровый публицист почтенных лет,
Высоко беспристрастие ценя,
Счел нужным едко осмеять меня.
„Стихи такие, — он писал, — ни в грош
Не ставлю я, в них смысла не найдешь.
Всего-то в них лишь рифмы да слова!
Я новый сборник дочитал едва, —
Отменно зелен, видимо, поэт.
Поэтам старым нынче смены нет;
Они с собою унесли свой дар
И тайну песенных чудесных чар.
Всем этим овладело царство тьмы,
И вот живем в немой пустыне мы.

Навек умолкли наши старики,
А молодых читать нам не с руки,
Как ты ни смейся, как их ни брани, —
Писать по-своему хотят они“».
— «О, край бездушных и тупых сердец!
Не верь, не верь им, молодой певец,
Я от покойных гениев не раз
На твой похожий слышала рассказ.
Сперва им в чашу льют насмешек яд,
Потом от имени их говорят
И всех заслуг их пожирают плод.
Чем дальше, тем гнусней борьба идет.
Клянусь Авроры сладостным лучом
И полным силы светозарным днем —
О тех ничтожных говоришь ты мне,
Что тупо спят при молодой луне,
Глядеть не любят на ее восход,
А только в полдня час, разинув рот,
Вперяют в небо заспанный свой взор,
Когда уж вышло солнце из-за гор,
Поклоны бьют
И гимн поют,
Всё тот же гимн, что и в былые дни.
Но разве вечно будут жить они,
Уроды эти старые? Ведь нет!»
— «О муза! — тут воскликнул я в ответ. —
Ты о каких уродах говоришь?
У нас везде, куда ни поглядишь,
Поэты слезы льют, о том скорбя,
Что получили лиру от тебя.
А я... признаться, виноват я сам:
Ленив я был, бездарен и упрям.
Меня корила вся моя родня,
Но убедить никто не мог меня,
Пока ко мне не обратился раз
Богач сосед, что умницей у нас
В округе слыл, с вопросом: «Где твоя,
Приятель, служба, знать хотел бы я».
Тут я воскликнул гордо: «Я поэт»,
А он: «Беда, когда работы нет».
Я повторил: «Поэт!» — а он сказал:
«Я понял, ты работу потерял».

Когда приятель мой, в защиту мне,
Сказал: «Такие тоже впрок стране», —
Расхохотался наш ага, да так,
Что всех — будь то богатый иль бедняк —
Рассказ о том
Смешил потом.

Но вот вопрос еще яснее стал,
Когда в газете некто написал:
„Пусть делом занимается поэт,
Коль сыт он быть желает и одет.
А если жизнь он отдает стихам,
То нечего о нем и печься нам.
Не просит ведь его народ писать,
Его кормить газете не под стать, —
Пускай же он своим пером живет!
Что говорю, то от души идет,

Кто слишком сыт,
Тот не творит,
Лишь тот поэт,
Кто в рвань одет
И не обут.
Здесь нужен кнут,
А то вперед
Он не пойдет...“».

— «О, край кнута! Поэт, расстанься с ним,
Мы к небесам с тобою воспарим,
Где с духами среди блаженных нег
Ты будешь петь и веселиться век.
А хочешь на Олимп — летим туда,
Нектар там дивный будешь пить всегда!»

— «Да, — я в ответ, —
Сомненья нет,

Мне, муза, надоела жизнь моя.
Я б улетел в надзвездные края!
Там средь богинь, которым не чета
Небось армянских женщин красота,

Я б век сидел
И сладко пел
Всё вновь и вновь
Свою любовь.

Какое счастье из юдоли слез
Уйти и, на парнасский сев утес,

Оттуда, свесив ноги, созерцать
Тупую чернь! Но, ах, должна ты знать,
Что ведь женат и многодетен я.
Что ж будет делать там моя семья?»
— «Нет, о семье пускай забудет тот,
Кто, бросив землю, на Парнас идет!»
— «Жестокая, за что с моей семьей
Меня ты хочешь разлучить? Постой!
Коль так, не мил мне твой Парнас ничуть!
Тут, на земле, устроюсь как-нибудь!»
— «Поэт, ты вправе выбрать. Выбери
Иль землю эту, или горний край.
Но что бы ты ни выбрал, милый мой,
Всегда от сердца искреннего пой.

Как солнце будь!
Верши свой путь
Сквозь толщу туч,
Всегда могуч.
Ты призван жить,
Чтобы светить.

И верь мне, вдохновенья краткий час
Ценней, чем драгоценнейший алмаз.
— «О искушительница, ты опять
Мне хочешь лестью дух зачаровать?
Свои повадки, лживый демон, брось!
Я понял всё, ты мне ясна насквозь.
Быть простаком довольно мне! Теперь
Стучись к кому-нибудь другому в дверь.
Внуши моей супруге, например,
Что золото не высшая из мер.
Да что я говорю? У нас поэт
Постиг давно, что деньги — жизни цвет!
В години бедствий и горючих слез
Пред нами часто возникал вопрос:
Певца венок
Иль кошелек?
Вопрос решен! Пусть твой простынет след.
О муза! До тебя мне дела нет.
Свой книжный шкаф я в кассу превращу.
Отныне деньгам лишь рукоплещу.
О кошелек! Захочешь — и пигмей

Вдруг станет выше всех богатырей,
Безмолвные заговорят скоты.
Красой уroda наделяешь ты,
Своим прикосновеньем золотым
Всё мерзкое ты делаешь святым.
Бросаешь деву в руки старику,
Венчаешь голову ростовщику,
Клеймо смываешь с подлого чела
И ставишь памятник исчадью зла.
Ты у судьи ворочаешь язык,
Молитвы в небо ты возносишь вмиг,
В своих руках ты держишь шар земной,
Ты — дух наш вечный, наш господь второй.
Довольно клеветал я на тебя!
Теперь, о прошлом горестно скорбя,
За ум я взялся и желаю впредь
Восторженно твои деянья петь».
Тут муза помрачнела вдруг, и — глядь! —
Свои пожитки стала собирать.

«Злой человек,
Прощай навек!
Забывши честь,
Мог предпочесть
Ты пенью лир
Златой кумир».

150. АНУШ

ПРОЛОГ

На крыльях ветра рея звысь,
На лунные сев лучи,
Толпою пери собрались
На вершине горы в ночи.

«О сестры! скал и родников
Прелестные духи, — сюда!
Оплачем юную любовь,
Погибшую навсегда! . .

Кувшином девушка брала
Волну от семи ключей.
С семи кустов цветы рвала,
Гадать о любви своей.

Под звезды воду и цветы
Она поставила в ночь,
Моля у звездной высоты
В любви ей, бедной, помочь. . .

Жаль нам, Ануш — горный цветок!
Жаль горькой любви твоей!
Жаль стан твой стройный, розы щек!
Жаль темных морей — очей. . .»

Цветы раскрылись по склонам гор,
Как взоры, полные слез,
И с тихим ветром в ночной простор
Стенанье их понеслось:

«О, горе, Ануш, о, горе, наш друг!
Любви твоей жалко нам. . .
О, горе, Саро, о, горе, пастух!
Любимым твоим горам! . .»

«О сестры! Скал и родников
Прелестные духи — сюда! . .»
Так хором скорбных голосов
Звучала всю ночь высота.

Волшебный зов, с угрюмых круч
Летающий к лугам в росе. . .
Но лишь заиграл первый луч —
Незримо исчезли все,

Спрятались в дуб толстоствольный,
В холодные ручейки,
Канули в пенные волны
Летающей со скал реки. . *

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1

Лори меня вновь неустанно зовет,
Тоска по отчизне мне сердце томит.
И властно расправила крылья, и вот
Душа моя к дому родному летит.
А там, перед отчим сидя очагом,
С тоской и надеждой давно меня ждут
И, слушая вьюгу в ночи за окном,
О витязях древних беседу ведут.
Туда — где гора над горою встает,
Где по небу горы ведут хоровод,

Где пьяные горы встают поутру,
Как гости, на свадебном буйном пиру
Плясавшие, пившие целую ночь,
Когда стародавние богатыри
Дэв-Бед и Дэв-Ал Арагацову дочь,
Украв, привезли в неприступный Лори.

2

Эй, горы зеленые, детства друзья!
Опять я вас вижу, и вспомнилась мне
Счастливая ранняя юность моя!
Любимые лица прошли, как во сне,
Прошли, будто множество ярких цветов,
Что прошлой весной здесь на склонах цвели,
Прошли, как ручьи прошлогодних снегов, —
Но снова взываю я к ним издали. . .
Вы — первые воспоминания! вам
Привет моей осиротелой души!
Вас ищет она по горам и холмам,
Взволнованным голосом кличет в тиши:
«Из тьмы, из могилы вставайте опять,
Хочу вас увидеть, услышать, обнять!»
И снова дышите весной бытия,
Чтоб высшей отрадой наполнился я.

3

Из темных пещер, с обомшелых громад
Утесов, из чащи безмолвных лесов —
Сквозь годы, как эхо, я слышу: звенят
Далекое звуки родных голосов.
Вновь крики кочевья звучат издали,
И вновь над шатрами дымки расцвели.
И бодро встают из предутренней тьмы
Знакомцы, и прошлое снова живет.
А там, где росую дымятся холмы,
Чу! — слышишь? — пастух в отдалении поет:

Иллюстрация А. Григорьяна
к поэме «Ануш»

— Эй, сиди в шатре, девушка, молю!
 Закружила ты голову мою.
 Я забыл покой, как ашуг пою.
 С песней, как в бреду,
 По лугам иду.
 Бросил я овец,
 За тобой бреду.

Ты огнем любви сердце мне сожгла,
 Нитями волос ноги обвила.
 Я умчу тебя силой из села,
 Эй, девушка гор,
 Красавица гор,
 Смуглая краса,
 Черная коса!

Коль не суждена ты мне никогда —
 Не стерплю тогда, кровь пролью тогда,
 В горы я уйду, сгину без следа!
 Эй, полночь-глаза!
 Эй, море-глаза!
 Погублю себя
 Я из-за тебя!»

Саро молодой на склоне поет, —
 Не может Ануш в шатре усидеть.
 «Ты знаешь, нани, нас кто-то зовет...
 Ну, слушай, нани... Ну, дай поглядеть!»
 — «Довольно, Ануш, в шатер свой войди!
 Ведь девушка ты, спокойно сиди.
 Увидят тебя — осудит народ,
 Худая молва повсюду пойдет».
 — «Нани, погляди-ка, на склоне другом
 Щавель, как ковер, зеленеет кругом,
 Пусти погулять ты дочку свою,
 Нарву щавеля, «Джан-гюлум» спою».
 — «Ты что потеряла, негодная, там?»

Что тянет тебя к молодым пастухам?
Сиди-ка в шатре да за дело берись,
Будь скромной! Ведь ты уж невеста! Стыдись!»
— «Ой, сердце мое беспокойно давно,
Нани, и томится и ноет оно,
То вдруг окрылится и рвется тогда,
Не знаю — куда! Не знаю — куда!
Нани-джан! Нани!
О, как же мне быть?
Покая мне нет, что сделать с собой?
Нани-джан! Нани, позволь же сходить
С подругами мне — к ручью за водой!..»

6

В ущелье девушки толпой
С кувшинами бегут,
Смеются, шутят меж собой
И на бегу поют:

«Сквозь тучи падает поток
В кипучем серебре;
Чей яр, печален, одинок,
Рыдает на горе?»

Эй, воды снеговых вершин,
Спадающие с гор,
Бегущие по дну долин
На луговой простор!

Видали ль яра моего?
Напился ли мой яр?
Прошла ли боль в груди его —
Бессонный сердца жар?»

«Твой яр, огнем любви спален,
Пришел, воды испил;
Как жаждал он! — Но жажды он
Водой не утолил...»

«С вершин бежит поток седой
В кипучем серебре...
Ах, то — мой яр, то — милый мой
Рыдает на горе!..»

7

И в сердце у матери выросло вдруг
Глухое сомненье, неясный испуг...
«Давненько Ануш кувшин свой взяла,
Спустилась к ручью — и всё не пришла...
А тучи сгустились, окутали высь,
В ущелья забились, друг с другом сплелись.
И — страшно! — беды не случилось бы с ней,
Немало ведь бродит недобрых людей...
Ануш, ох, бессовестная!» И встает
Старуха, и к краю ущелья идет,
И, ко лбу ладонь прислонивши, крихтя,
Бесстрашное кличет и кличет дитя:
«Эй, дочка, срамница! Что делаешь ты
В овраге одна среди такой темноты?
Глянь — тучи какие, гроза на пути!
Ты что потеряла, не можешь найти?
Ты слышишь, Ануш? Эй, дочка, Ануш!» —
И бьет по коленям и охает: «Вуш!»

Над пропастью мать, растерявшись, сидит
И вниз, с омраченной душою, глядит...
А тучи сгустились, окутали высь,
В ущелья забились, друг с другом сплелись.
И — страшно! — беды не случилось бы с ней,
Немало ведь бродит недобрых людей...»

8

«Ну,пусти меня!.. Слышишь? Мать звала»,
— «О, не уходи! Погоди, молю!..»
— «Ах,пусти, уйду... Я с ума сошла!..
Нет! не любишь ты так, как я люблю;

Только я одна плачу и томлюсь,
Думала — тебя вовсе не дождусь.
Ты совсем, совсем про меня забыл:
С коих пор одна здесь сидела я,
Я ждала, ждала, ты ж не приходил,
Все глаза в тоске проглядела я!

Нет, ты меня
Не слушаешь,
Ты обо мне
Не думаешь...
А я сгорю,
Огнем взовьюсь,
Я растворюсь,
Ручьем прольюсь,
Не знаю я,
Чем стану я,
Коль еще раз
Так буду ждать...

Ива, говорят,
Девушкой была,
Милого ждала,
Милый не пришел.
Стан склонив, как ствол,
Ивой у реки
Сделалась она,
Высохла с тоски...
Шелестя листом
Тонким над водой,
Всё стоит она,
И дрожит она,
И скорбит тайком
Вечно об одном,
Лишь о том, как яр
Милую забыл...»

«Ах, Ануш, Ануш! упрекаешь ты,
А не знаешь ты —
Для кого свою песню я пою,
С кем я говорю? . .
И свирель моя, жалуясь без слов,
Чью зовет любовь? . .

И когда в мечтах застываю я,
С кем бываю я? . .
И тоской о ком весь я полонен,
И о ком мой стон? . .
Ах, Ануш, Ануш! сердца нет в тебе!» —
Юноша пастух
Пал на грудь Ануш, застонал в мольбе,
Замолчал, потух.

9

«Ануш! Эй, Ануш! скорее иди!» —
Старуха нани вздыхает, кричит.
«Иду я, нани! Иду! Подожди!» —
Ответ в глубине ущелья звенит.

Рассыпались косы у ней по спине,
И пряди упали на щеки в огне,
И вышла из пропасти, сквозь облака,
Как лань, убегающая от стрелка,

Кувшин на плече притащила пустой,
И нет на плече у ней для кувшина
Подстилки. В ущелье осталась она.
Эх, горе-беспечность души молодой.

«Нани, испугалась я! — дочь говорит.
И хочет всплакнуть, да слеза не бежит. —
Внизу я людей увидала вдали,
Подумала — турки купаться пришли. . .»

Старуха клянет, досады полна,
Трусливую глупую дочку свою.
И сходит, бранясь, в ущелье она
С кувшином пустым обратно к ручью.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ
(Утро Вознесения)

10

Амбарцум настал Горы зацвели
Дно долин горит, как ковер, вдали.
Девушки пошли на горы гулять,
Собирать цветы, песни петь, гадать.

«Амбарцум, яйла,
Яйла-джан, яйла,
Тени гор, яйла,
Яйла-джан, яйла!»

Запах трав смешав
С песней молодой,
Девушки бегут
Пестрою толпой,
Роем мотыльков
Реют меж цветов.

«Амбарцум, яйла,
Яйла-джан, яйла,
Вешний день, яйла,
Яйла-джан, яйла!»

Амбарцум настал,
На горах крутых
Сердцу загадал:
Кто же твой жених?

Ай, джан-пастух, ай, розы цвет — чей ты есть?
Нет! видит бог и видит свет, — мой ты весь!

Вот и ты берешь
Скрытый жребий свой.
Будет всем хорош
Яр твой удалой!

Усы — два нежные ростка, стан красив,
Не горевать тебе — пока яр твой жив!

«Амбарцум, яйла,
Яйла-джан, яйла!
Жар сердец, яйла,
Яйла-джан, яйла!»

Голоса звенят. Девушки поют.
И, храня обряд, жребий достают.
Счастье и любовь выпадут одной,
Горе на душе ляжет у другой.

II

И жребию вновь по кругу бежать
Велит Мать Цветов, накрывшись фатой.
И все «Джан-гюлум» запели опять,
И эхо звенит вдали за горой.

«Эй, выросшая средь гор
Красавица, ночь — твой взор!»
Но милого твоего
Ждет гибель — пуля в упор!»

«Ой, горе тебе, сестрица Ануш!
Пал жребий тебе несчастий и мук!
Отсохни рука, что достала его! . . .» —
И смолкнул весь круг смущенных подруг.

«Сестрица, всё — ложь! гаданью не верь!
Беги от тоски, от горестных дум;
Иди, не грусти — и с нами теперь,
Как прежде, играй и пой „Джан-гюлум“!»

«Ах, счастья мне нет — и не суждено!
Всегда от меня бежало оно. . .
Не дружит оно с судьбою моей;
Проклятье на мне — с младенческих дней.

К нам нищий старик, говорят, приходил, —
А я еще малым ребенком была, —
Он песню пропел, подаянья просил,
Но мать ни куска ему не дала.
«Прочь! — крикнула, — прочь от наших дверей!»

Покоя мне нет и от дочки моей! . . .»
И проклял старик жестокий меня,
Чтоб ей, мол, не знать отрадного дня.
Мой темный удел лишь богу открыт,
На сердце ж моем мрак вечный лежит,
И тьма предо мной; в ее глубине
Таится мой путь — неведомый мне! . . .»

— «Ануш, не грусти, вот ты поглядишь,
Увидишь сама: гадания — ложь!
Какой-то старик безумный, дервиш
По злобе сболтнул, а ты — слезы льешь.

Не бойся, Ануш, знай — счастье придет!
Вся жизнь пред тобой весною цветет.
Ты так молода, — взгляни же, взгляни:
Лежат впереди счастливые дни!

Сестрица, всё — ложь, гаданью не верь!
Беги от тоски, от горестных дум;
Иди — не грусти, и с нами теперь,
Как прежде, играй и пой „Джан-гюлум“!»

Хор

Счастливая ты —
Счастливая в любви!
Красивая ты —
Без горя живи!

Амбарцум, яйла,
Яйла-джан, яйла,
Дни любви, яйла,
Яйла-джан, яйла!

С расцветшей весной
Ты схожа, сестра.
Твой яр за тобой
Стоит, как гора.

Амбарцум, яйла,
Яйла-джан, яйла,
Горы-джан, яйла,
Яйла-джан, яйла.

А н у ш

(одна)

Куда судьба меня зовет?
Ах, будущее страшит...
От ледяного зова ее
Сердце мое дрожит.

Вот так и горные цветы
Болью безмолвной полны.
Слезами их глаза налиты,
Грустны сердца и черны.

Напрасно краткою весной
Томятся они на лугах
И вянут с горечью немой
В печальных, черных сердцах.

Х о р

(издали)

«Амбарцум, яйла,
Яйла-джан, яйла,
Пламя мук, яйла,
Яйла-джан, яйла!»

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

12

На свадьбе гуляли однажды зимой.
Привольно гостям веселиться, шуметь.
Пришли пастухи молодые толпой —
Бороться, плясать, на красавиц глядеть.
Вот — бурная пляска утихла. И вдруг
Для новой забавы расчистили круг,
И песню борьбы продудела зурна.
Толпа раздалась, любопытства полна.
«Тащи их! тащи!» — суетятся, галдят...
И вот уже друг против друга стоят
Моси — брат Ануш и Саро — наш пастух,
Насильно друзьями притащенный в круг.

Тогда на два стана село разошлось.
Сомкнулось теснее, стеной поднялось.
Себе каждый стан пахлавана избрал,
Теснясь и шумя, за спиной его стал...
Кричат, подзадоривая, всё сильней:
«Эй, эй, молодцы! не робейте! смелей!»
А рядом, из-за занавесок цветных,
Невеста с подружками смотрит на них.
Стоят, горячатся борцы-пастухи,
Заправили за пояс полы чухи,
Бьют об землю крепкой ладонью; взвилась
Прыжком — в свирепом порыве сплелись.
Есть в темных ущельях обычай седой...
Старинным обычаям верен всегда,
В борьбе удалец удалца пред толпой
Спиною к земле не прижмет никогда.
Саро и Моси, молчаливо сцепясь,
То кажут притворную ярость и прыть,
То хлопнутся наземь, в обнимку катясь,
Никак, мол, друг друга им не победить!
Напрасно толпа в исступленьи кричит
И девушки с бьющимся сердцем глядят...
Ануш, изваяньем застывши, стоит,
Не в силах отвести околдованный взгляд.
Стоит... И Саро вдруг увидел ее...
В глазах его — мгла, в голове — забытье,
В нем вспыхнуло сердце, забилося сильней,
Забыл он обычай, и мир, и друзей.
Тогда как Моси, побратима любя,
Боролся шутя и ослабив себя,
Саро его с силой внезапно схватил,
Сшиб с ног и коленом к земле придавил.
Так сделал и сам не заметил того...
Толпа заорала. В толпе торжество.
«Саро — победитель!» И вот пастуха
С почетом подводят к тахте жениха.

И все рукоплещут, ликуют, кричат,
Качается кровля, и стены дрожат...
А рядом, из-за занавесок цветных,
Невеста с подружками смотрит на них.

С пола встал Моси. Мечет он и рвет;
 Крикнул: «Пусть встает! Схватимся мы вновь,
 Иль, жизнью клянусь, он так не уйдет!
 Плата за позор — нечестивца кровь!
 Он не победил!.. Я обманут был!..
 Ну — пусть он придет! Очистите круг!»
 Хохот загремел, хохот оглушил.
 Смеются, орут все сразу и вдруг:

«Он не побежден?
 Правду молвил он!
 Ха-ха-ха! — упал,
 На спине лежал!

У тебя, Моси,
 Вся спина в грязи!
 Вот он, еще раз
 Схватится сейчас!
 Пусть-ка наперед
 Спину отряхнет!..»

Со свадьбы веселой из дома того
 Уходит Моси тяжело оскорблен:
 Кипит омраченное сердце его.
 Поспешно, шагами неверными он
 Идет, бормоча: «Это ты ли, Моси?
 Позор тебе!.. Ты ли валялся в грязи?
 Еще ты земли не касался спиной...
 Ты вспомни — кто ты? Погорюй над собой!
 Как на землю вдруг твое тело легло,
 Когда на тебя всё глядело село?
 Тебе... у Саро под коленом лежать
 И женщинам после глаза показать?!
 Нет... Горе с тобою случилось! Беда!
 Посмешищем будешь для них навсегда...
 Умри! Ведь такого стыда не снести!
 Сиди со старухами, прялку крути!..»

«Ой, не убивай меня, брат, пощади!
 Не буду! не буду любить я его!
 Ох, сердце дрожит, как листочек в груди...
 Моси, я кинжала боюсь твоего!..» —
 Так брата Ануш умоляла, в слезах,
 Упав на колени, от страха без сил...
 Свирепый Моси с испуганным взглядом
 Сестре обнаженным кинжалом грозил.
 «Клянись моим именем! — брат ей кричал. —
 Клянись, что Саро ты не будешь любить!
 Не то — видишь мой обнаженный кинжал? —
 Легко мне бесчестное сердце пронзить!»
 — «Моси-джан! Я — прах под твоею ногой!
 Ты клясться рабу заставляешь свою?..
 Вот я на коленях, в слезах пред тобой...
 Я больше Саро не люблю, говорю!»
 — «Ты вздумала мне, обманщица, лгать?
 Не любишь его?.. А что же тогда,
 А что же тогда, как ложимся спать,
 В ночной темноте ты плачешь всегда?
 А что же тогда, как только уснешь,
 «Саро-джан! Саро!..» его ты зовешь?»
 — «Моси, джан Моси! мне за это не мсти!
 Сегодня меня пощади, отпусти!
 Не хочешь — не буду его я любить,
 И звать уж не буду его я во сне...
 Боюсь я... не надо кинжалом грозить...
 Моси-джан, опомнись! Не брат ли ты мне?..»

И непримиримой, смертельной враждой
 Друзей разделил этот случай пустой.
 Родные в дом из дому стали ходить —
 Мирили их, да не могли помирить.
 Как мог непреклонный Моси потерпеть,
 Что вдруг под венец с непослушной сестрой
 Пойдет, безнаказан, обидчик Саро?
 Смерть лучше, чем в доме такого иметь...
 И, жаждою мести горя, может быть,

Он хочет пролить сестры своей кровь,
И грудь ей готов кинжалом пронзить,
Чтоб с жизнью из сердца вырвать любовь.
Быть может, с ночи до восхода луны —
Настойчивы в злобе, ожесточены —
Враги друг у друга угонят овец,
Чтоб ярость свою утолить наконец?
Быть может, сегодня же ночью сгорит
Стог хлеба на кровле — запас годовой,
И хмурые скалы окрест озарит,
И вскинется к звездам язык огневой? ..

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

17

Рассвета лучом Чатиндаг озарен.
И, как с водопоя верблюды, на склон
Гуськом из ущелья идут облака.
В долине блестит и дымится река...

Что ж полно смятенья селенье в горах?
На кровлях толпится встревоженный люд,
И юноши, ружья сжимая в руках,
Толпою ко входу в ущелье бегут.

18

К толпе возбужденных событием людей
Седой, величавый старик подошел
И, пыхнув прокуренной трубкой своей,
Сказал, указавши рукою на дол:
«Я прошлую ночь — этак в полночь — не спал
И, глаз не смыкая, в постели лежал...
Всего я лишился на старости лет —
И сна и здоровья бывалого нет...
Да... помню: был темный полуночный час,
Вдруг пес забрехал за спиною у нас.
«Эй, кто там? Уймись ты!» — я крикнул ему.
Гляжу — пес, как бешеный, кинулся в тьму!..

«Эх, времечко! — тут про себя я сказал. —
Чем прежде я был, и чем нынче я стал?
Бывало, один возле выгона спишь,
Чуть шорох — и вскочишь, и в оба глядишь...»
Так вот, говорю, не сомкнул еще глаз;
А помню — был горький, полуночный час...
Две тени мелькнули, пустились бегом
От пса и пропали во мраке ночном...
Туда побежали».

Толпа удальцов
В ущелье сошла и двоих беглецов
Недавние там отыскала следы,
Терявшиеся на песке у воды.

19

Шло время. Толпа деревенских парней
Все горы обрыскала за сорок дней,
Но только Саро-пастуха не нашла,
Укравшего дерзко Ануш из села.
И парни ни с чем воротились домой,
Про удаль Саро говоря меж собой:
«Эх, вот у кого нам пример надо брать!
Друзья, вот как надо невест умыкать!..»
Но, жаждою мести снедаемый, брат
Беглянки Ануш не вернулся назад.
Дал клятву Моси беглецов проследить,
Убить их на месте и гнев утолить.
В горах он скитался... Но вот как-то раз
Со жницами-женщинами в поздний час,
В изодранном платье, понурясь, тайком,
Беглянка вернулась в родительский дом.

20

«Эй, слышишь, Вардишах, коль любишь меня —
Раскинь-ка на счастье горсть ячменя!
Исчахнуть бы мне, ослепнуть бы мне!
Послушай, что мне приснилось во сне:
...Ущельем иду, где воды шумят,
И овцы Саро в ущелье стоят,

Язык обрели — и песню поют,
Согласно поют, чудесно поют.
Раскинь свой ячмень! Порадуй сестру!
Ой, плох этот сон... Ох, он не к добру...
О боже, врата свои нам открой;
Ты нас сотворил, мы — прах пред тобой!..
Безгласные овцы в ущелье глухом
Так пели, сестрица, как мы не споем;
Бедняги Саро убогая мать
С платочком пошла пред ними плясать...»
— «Услышь, Манишак, к несчастью твой сон.
Гляди на ячмень — как падает он:
Вот — зло, вот — добро... А это — гляди:
Саро... он стоит на черном пути.
Господь, молодца Саро пощади!
В дом старой нани беду не пусти!..»

21

И бродит Саро по горам родным,
Как загнанный зверь, из оврага в овраг.
И рок впереди, и пуля за ним.
Луга ему — ад, и друг ему — враг.

Когда ж на горах закат догорит
И вечер дарит отрадную тьму —
Его баяти печально звучит,
И горы-друзья внимают ему:

«Ночные горы — эгей!
Вас мое горе темней.
Ой, горы, вам я кричу,
Одни вы вторите мне!

С надеждой к вам я бежал,
Я так от мира устал!
О горы, скройте меня
В глухих расселинах скал!

Как к дому друга, иду
К скалистым кручам во льду.
Умру, избавлюсь от мук,
Ночлег спокойный найду.

Умру... но как же она?
Ах, эта мысль мне страшна.
Пусть я избавлюсь от мук —
А как будет она одна?»

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

22

Рыдает Ануш, пав на землю лицом.
Соседки безмолвно столпились кругом;
Не знают они, что ей, бедной, сказать
И чем обнадежить, и как утешать? ..
Покамест бог миловал, — бешеный брат
Из дальних полей не вернулся назад...
Но с пеной у рта жестокий отец
Плюется, клянет несчастную дочь:
«Пусть горе тебе принесет твой венец!
Уйди ты, распутница, с глаз моих прочь!
Подальше от дома свой стыд уноси,
Уйди! Не позорь ты отца своего!
Ты знала — его ненавидит Моси,
Ты знала, что мы невзлюбили его!
Так как же решилась ты с ним убежать?
Нет! Лучше б тебе в могиле лежать! ..»
На крик старика всё селенье сошлось,
И слышно: «Утихни! .. Умерь свою злость! ..»
И сельский священник припелся на крик —
Осанистый белобородый старик.
«Прочь, прочь уходите! — он людям сказал. —
Уйдите, чтоб сам я всю правду узнал!
Ануш всё мне скажет сама. И тогда
Увидите, что поправима беда.
Не плачь, успокойся, утихни, мой свет!
Скажи мне, ты любишь его или нет?
Сама захотела ты с ним убежать? ..
Сама? Ну, так должен я вас обвенчать —
И всё тут! ..»
— «Эй! кто там так громко кричит? ..
Да что там? .. Пускай кто-нибудь поглядит! ..
Убил? .. Кто? .. Моси? .. Не хватало беды...
Ануш, эй, Ануш! .. поскорее — воды! ..»

Как бурный поток, что свиреп и могуч,
 Внезапно бы на землю хлынул из туч,
 Как яростный вихрь, распахнувший крыла,
 Помчалась толпа парней из села.
 Спешат, уж не спрашивая ни о чем,
 Гонимые горем, как черным смерчом.
 Влетели в ущелье. И мнится — у ног
 Шипит и клубится кровавый поток. . .
 И вмиг — никого не осталось в селе.
 Теснясь, в нетерпении стоят на скале
 И, с трепетом вслушиваясь в каждый звук,
 Глядят напряженно. Но скалы вокруг
 Безмолвны. Лишь пену бушующих вод
 Бессонный Дэв-Бед по дну бездны несет.

И вот показался убийца из мглы
 Ущелья. Шаги неверны, тяжелы.
 Идет. . . Все черты его искажены.
 Глаза выраженьем ужасным полны,
 И — страшный, медлительный — к двери своей
 Прошел он, не глядя на лица людей;
 Повесил на столб волосатой рукой
 Ружье свое, схожее с черной змеей.
 Застыла толпа. Каждый — как онемел
 От страха. . . Никто и дохнуть не посмел,
 Молчат. Вдруг завывла старуха одна.
 Лицо раздирает и вопит она:
 «Арай!» Это сын ее, сын. . . он убит.
 Она, обезумев от горя, бежит.
 И, страшен и нечеловечески дик,
 В пустынном ущелье звучит ее крик.

И с воплем «арай» исступленной толпой
 Все женщины кинулись узкой тропой
 В ущелье за матерью вслед. И вдали
 Ее возле мертвого сына нашли.

И плач их надгробный так скорбно звучал,
Что душу, казалось, живым разрывал.
И юноши с горестной думой в глазах
Уселись понуро на ближних камнях.
А женщины плакали — сгиб удалец...
Жалели покинутых сирых овец.
Бедняжку Ануш помянули потом
Бездушным проклятьем.

Скорбели о том,
Что вот, мол, все юноши в горы пойдут,
Саро одного лишь с собой не возьмут,
Что некому будет собак накормить,
Что с кровли начнут они, бедные, выть,
Что палица с грозной щетиной гвоздей
Покроется сажей на полке своей.
Что длинный кинжал, украшенья стены,
Заржавеет, вдвинутый праздно в ножны.
Привыкшая к воздуху горных высот,
Нани в этот год на яйлаг не взойдет;
Одна будет дома несчастная мать
Сидеть, горевать, о былом вспоминать...

И каждое слово, что слышала мать
О сыне, ей сердце могло б растерзать.
И мать мертвеца начинает молить
Хоть слово сказать, хоть глаза приоткрыть:
«Что, солнышко, ты закатилось во тьму?
Зачем не глядишь ты? Молчишь почему?
Сын милый! Ты что — изменил мне? Взгляни —
Ты отнял могилу у старой нани!»
Но бледные веки навек заперты.
Застыли уста, и не дрогнут черты.
Не слышит убитый земных голосов...
Недвижно белеет полоска зубов.
...И небо-врага проклиная она,
Отчаянья и исступленья полна.
И бога поносит, и волосы рвет,
И снова рыдает, и снова зовет:
«Ты солнцем за тучи упал, Саро-джан!
Ты с ветви цветущей упал, Саро-джан!
Тьма солнце убила мое, Саро-джан!..
И ночь наступила моя, Саро-джан!..»

...И ночь наступила. И пала роса.
И плачущих стихли вдали голоса,
Лишь старый Дэв-Бед, в гриве пенных
седин,
Горюет и плачет в ущелье один.

С грозной песней
Мчится в бездне,
И, горя полн,
Бьет пеной волн
О стены скал.
За валом вал
Разбивает
И рыдает...

26

Друзья с сокрушенной душой
Могилу копать пришли.
Над рекой, под скалой большой,
Они его погребли.
Заблагоухал ивы цвет,
Всплыл над долиной туман.
И голосом шумным Дэв-Бед
Величавый спел шаракан.
И друзья — грустны и туманны —
Воротились каждый в свой дом,
Оставя внизу безымянный
Черный холм в ущелье глухом.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

27

Пронеслась весна. Склоны гор в цветах.
Загремел в лесах хор весенних птах.
Девушка одна ходит, травы рвет,
Про себя поет и не отдохнет,
По речным пустым ходит берегам,
Плача и смеясь, бродит по лугам.

«Красавица, что плачешь ты,
Тоскуешь ты о чем?»

259

И для кого ты рвешь цветы
В ущельях день за днем?
Ты плачешь — роз весенних ждешь?
Для роз настанет май!..
Иль ты о милом слезы льешь?
Ушел он в дальний край!..

Его из плена — никакой
Мольбой не воротить!..
Зачем напрасных слез рекой
Огонь очей гасить?
Могильный холм его польет,
Оплачет дождь весной.
Тебя ж другой любимый ждет.
Таков закон земной».

«Благодарю, прохожий-брат!
Иди! Ты встретишь яр...
У ней смеется сладко взгляд
Глубокий, полный чар.
Пусть ваши дни, любви полны,
Ликуют, как весна!
А мне? — лишь слезы мне даны,
И плакать я должна».

И бредет она,
И поет она.
А у ней одна
Песня сложена,
И кипит в ней слез темная волна...
Ропота полна, стонет и скорбит,
И одно поет, и одно твердит:
«Опустела жизнь!.. Страшно опустел,
Изменился мир!.. Мир осиротел!..
Горы без Саро — сиры и пусты. —
И зовет она: -- Милый, где же ты?
Где твои пути? Где найти следы?..
Сжался, удалец!
Воротись скорей.
Долго ль ждать тебя
Любящей твоей?

Поверни стада,
Пригони домой!
Мы тайком тогда
Встретимся с тобой...

Взгляни на тот зеленый склон, —
Там юноша лежит.
Укрывшись черной буркой, он,
Откинув руку, спит.
Ах, то — мой яр! Дыханьем трав
Он сладко опьянен,
На свежий луг в тени упав,
Спит безмятежно он.

Встань же, удалец!
Встань, жестокий мой!
Уж давно овец
Гнать пора домой...
Смуглый, молодой,
Я тебя люблю.
Боль души с тобой
Только утолю!..

Чья свадьба там, под рев зурны,
Идет — пышнее всех?
Людей веселых скакуны
Несут сквозь дождь и снег?..
Нет... Мне послышалась зурна,
Почудилась на миг...
Подруженьки, а где ж у них
Невеста и жених?..

Вон несут, несут
К воротам родным!..
Стойте! Я косу
Расплету над ним...
Унесли его,
Плача и стенья.
О, заройте с ним
В землю и меня!..

Ах, что я! Это, говорят,
Немой, смердящий труп;

Застыл недвижимый, мутный взгляд,
Засохла кровь у губ.
А тот был юн и полон сил,
Благоуханно-свеж!
Он с шуткой, с песней проходил
По росам вешних меж...

Сжался, удалец,
Воротись скорей!
Долго ль ждать тебя
Любящей твоей? ..
Ждать не заставляй,
Долго я ждала.
Много без тебя
Слез я пролила.
Если не дождусь
Нынче до зари,
Помни — рассержусь,
Разлюблю — смотри!»

28

В утесы бьет разъяренный
Дэв-Бед пеной мутных волн...
И виден над ним зеленый
Саро надмогильный холм.

Там слезы безумная льет,
Возлюбленная его,
И стонет она и зовет
К себе Саро своего.

И светом сменяется тьма,
И тьмой сменяется свет;
Безмолвна могила, нема,
И милого нет и нет...

Дэв-Бед вздыхает: «Вуш, вуш! ..»
Вал за валом гоня во тьму,
Призывая: «Слушай, Ануш,
Тебя я возьму к нему! ..»

«Ануш, эй, Ануш! вернись же назад!..» —
Старуха нани с обрыва кричит.
Но, страшно немые, ущелья молчат.
Лишь недруг Дэв-Бед во мраке шумит:

«Вуш-вуш, Ануш, вуш — нежный друг.
Любви твоей жалко нам!..
Вуш-вуш, Саро, храбрец-пастух!..
Вуш — милым твоим горам».

29

Под вознесенье, в ночь тайн и чудес,
Есть миг счастливый один, когда вдруг
Распахиваются врата небес,
И умолкает внизу всякий звук,
И чуть струится в небе эфир,
И благодатью наполнен весь мир.

В тот миг чудесный, когда тишиной
Объята бездна и бури молчат,
Не знавших счастья в жизни земной
Влюбленных звезды друг к другу летят,
И встречаются, и нежно, с тоской,
Целуются — высоко над землей..

1902

151. ДАВИД САСУНСКИЙ

1

Лев-Мгер богатырь был родом таков:
Сасуном владел он сорок годов.
Столь грозен был Мгер, что птице чужой
Не взлететь при нем над его страной.
От Сасунских гор и в дальний предел
О славе его слух страшный гремел,
Что велик ишхан — всем смелым пример,
На тысячи уст был один Лев-Мгер.

2

Так, грозный, как лев, соседям на страх,
Он князем сидел в Сасунских горах
Целых сорок лет, — и за сорок лет
Не молвил он «ах!» ничему в ответ.
Впервые теперь, как старость пришла,
В бесстрашную грудь кручина вползла,
Стал думать старик всё думы одни:
«Настали мои осенние дни.
В плен к черной земле идти мне черед —
А слава моя словно дым пройдет,
Страх минет, и слух замрет обо мне
В пустынной моей и сирой стране.
Встанут каджей тьмы, встанут дэвов тьмы...
Кого ж назовем наследником мы,
Кто бы поднял меч, защитил Сасун?..»
Так думал в тоске бездетный горюн.

Раз сидел он, хмур, головой поник,
 И виденьем вдруг был смущен старик:
 С небес огневой спорхнул херувим —
 Стопы в облаках — и предстал пред ним.
 «Блажен, исполин, сасунский старик!
 Престола небес твой голос достиг.
 Бог даст, у тебя народится сын,
 Но одно лишь знай, о гор властелин:
 В тот же день судьба свершиться должна —
 Умрете — и ты и твоя жена».
 — «Будь воля его! — Мгер молвил тотчас. —
 Как для смерти мы, так и смерть для нас.
 Коль наследник есть — тогда человек
 Потомством своим бессмертен вовек».
 Благовестник вновь в пыланьи огня
 Отлетел в лазурь, и с этого дня
 Через девять лун и девять часов
 Сын Мгеру был дан, в исполненье слов.
 И львенку дает он имя — Давид,
 И брата призвать, Огана, спешит.
 Он сына и край ему поручил
 И вместе с женой навек опочил.

А в Мсыре в тот век, могуч и велик,
 Престол занимал царь Мысрамелик.
 Услыхав, что Мгер уже взят землей,
 На горный Сасун он пошел войной.
 Стал Оган Горлан от страха чуть жив,
 Он встречал врага, главу обнажив,
 Стал молить его, припадал к ногам:
 «Ты будь, — говорил, — владыкою нам!
 Доколь под тобой суждено нам жить,
 Будем дань платить и верой служить, —
 Лишь ты пощади, не громи наш край,
 Лишь сладким на нас ты оком зриай».
 — «Нет, — молвил Мелик, — пусть весь ваш
 народ
 Под мечом моим, как один, пройдет,

Что я ни твори, что с вами ни будь —
Сасунец не смей мечом шевельнуть».
И пошел Оган, весь Сасун призвал,
Всем скопом его под мечом прогнал.
Лишь один Давид никак, нипочем
Не хочет пройти под вражьем мечом.
Насильно тащить Давида пришлось,
Он людей разнес, раскидал всех врозь.
Мизинцем Давид коснулся кремня —
Из кремня взвились вдруг искры огня!
«Я дурня убью, разделаюсь с ним!» —
Говорит Мелик вельможам своим.
«Всемогущ ты, царь, — те в ответ ему, —
Покорен Сасун мечу твоему,
Угроза тебе ль в ребенке таком,
Хоть он превратись в огонь целиком?»
— «Ну, пусть, — говорит Мелик, — но когда
Нагрянет на нас отсюда беда, —
Клянусь этим днем, —
Будет зло всё — в нем!»

5

Был велик Давид, хоть малы года.
Лет семи-восьми был Давид тогда.
Хоть мал был Давид — силен до того,
Что всяк человек — комар для него.
Но несладкий рок сироте сужден.
Хотя бы и львом он был порожден.
Огана жена — презлая была;
Молчала сперва, но потом со зла
Заспорила с ним, речь этак ведет:
«Я одна, — твердит, — забот полон рот,
А ты сироту взял — не было бед!
На шее моей сидит дармоед!
Пропасть бы ему!.. Ведь я не раба —
Ради вас не стану я гнуть горба!
Убери его, работать устрой.
Пускай поживет своей головой». —
Начала тут слез ручьи проливать,
Оплакивать жизнь, судьбу проклинать,

Что несчастна, мол, и одна к тому ж,
Заступника нет, не щадит и муж...
Тут к парню Оган пошел-зашагал,
Он лапти ему железные дал,
Железный ему дал посох потом, —
Стал на весь Сасун Давид овчаром.

6

И погнал овчар-великан свой скот
В несравненный край Сасунских высот.
 «Эй, горы, джан!
 Родные, джан!»
Как он залился, окликать пошел,
Оглушил раскат и гору и дол.
Пустилось зверье из берлог, из нор —
Разбежались врозь, разбрелись средь гор.
По следу искать их начал Давид,
Он в горы бежит, он в долины бежит.
Лис, зайцев, волков, косуль наловил,
В отару одну с ягнятами сбил.
Вечеру погнал их в Сасун, домой.
Тут и шум и крик, тут и визг и вой.
Увидал тогда весь сасунский люд,
Что звери толпой на город идут.
 «Дела бросай! —
 Себя спасай!»
 Тут, рад не рад,
 И стар и млад
Скорей утекать — кто в лавку, кто в храм,
Заперлись в домах, сидят по дворам.
Явился Давид, на майдан идет:
«И рано же тут ложится народ!
 Ягнят встречай! Козлят встречай!
 Эй, кто хозяин? Отворяй!
 За одного — все десять на!
 За десять — двадцать на сполна!
 Скорей вставай, сюда иди,
 Ягнят-козлят в хлева веди!»
Глядит — не идут; что ни дом — замкнут,
Разлегся и сам на майдане тут.

Уснул — головой на камне, — устал;
До самой зари сладким сном проспал.
Наутро чем свет поднялись князья,
К Огану пришли, все — одна семья:
«Эй, Оган Горлан, возьми тебя прах!
К чему дурачка держать в пастухах!
Где овца, где волк — ему невдомек,
Весь Сасун зверьем набил пастушок.
Бога ради, дай другой ему труд,
Не то люди все со страху помрут».

7

Встал Оган Горлан, пошел на майдан.
«Подале держись, эй, дядя Оган!
Разгонишь козлят! Осторожно! Стой!»
Из отары вдруг тут заяц косою —
Оба уха врозь с перепугу — прыг...
За серым Давид бежит напрямик.
По горам бежал, по долам бежал,
Вернул и опять к другим примешал.
«Ой, дядя Оган! Я и сам не рад:
Бог благословил тех черных козлят,
А серые, те, которые тут,
Врассыпную все — и в горы бегут.
Намучился я, как бегал вчера,
Насилу-то их довел до двора...»
Посмотрел Оган — беда с пареньком:
Вновь обувки нет приличной на нем,
И посох-то весь об ладонь истер —
Немало, видать, поизбегал гор.
«Помогу тебе, — говорит Оган, —
От серых козлят ты извелся, джан.
Назавтра гони ты рогатый скот».
Так молвил Оган. Наутро идет
Вновь пару лаптей железных дарит,
Чтоб вновь хорошо был обут Давид.
В сто лидров дарит он посох притом, —
И в Сасуне стал Давид пастухом.

И погнал пастух-великан свой скот
В несравненный край Сасунских высот.

«Эй, горы, джан!
Родные, джан!
Как сладок склон
Нагорных стран!»

Как он залился, окликать пошел,
Оглушил раскат и гору и дол.
Пустилось зверье из нор, из берлог, —
Разбрелись в горах, покинули лог.
По следу искать их начал Давид,
Он в горы бежит, он в долины бежит.
Волков, медведей, львов, тигров словил,
Их в стадо одно с коровами сбил,
Ввечеру погнал их в Сасун, домой.
Тут и шум и крик, тут и визг и вой.
Перетрусил вновь сасунский народ —
Тьмой-тьмущей зверье на город ползет:

«Дела бросай! —
Себя спасай!»
Тут, рад не рад,
И стар и млад

Скорей утекать: кто в лавку, кто в храм,
Заперлись в домах, сидят по дворам.

Явился Давид, на майдан идет:

«И рано же тут ложится народ!
Коров встречай! Волков встречай!
Эй, кто хозяин? Отворяй!
За одного — все десять на!
За десять — двадцать на сполна!
Скорей вставай, сюда иди,
Коров-волов в хлева веди!»

Глядит — не идут; что ни дом — замкнут.

Разлегся и сам на майдане тут.

Уснул — головой на камне, — устал;

До самой зари сладким сном проспал.

Наутро чем свет поднялись князья,

К Огану пришли, все — одна семья:

«За тебя собой пожертвуем, брат.

Хоть вовсе не будь пастуха у стад,
А уж если быть, так быть не ему.
Что медведь, что вол — ему ни к чему.
Он на город наш беду наведет,
Зверье приведет — всех в прах разнесет».

9

Наказанье с ним! Не Давид — беда!
В отчаянье впал сам Оган тогда,
Он стрелы ему и лук смастерил,
Чтоб в горы Давид стрелять уходил.
Так лук и колчан Давид приобрел,
Далеко в тот день за город забрел, —
Охотником стал. В просяных полях
Воробьев стрелял, перепелок-птах;
К знакомке отца ходил вечером,
К старухе одной одинокой в дом.
Велик, долговяз — лежал, как вишاپ;
У огня в углу раздавался храп.
Однажды пришел с охоты Давид,
Старуха в сердцах ему говорит:
«Ой, чтоб тебя унес мой конец!
Да таков ли ты, каким был отец?
Старуха ведь я, без рук и без ног,
Лишь поле да я, а над нами — бог!
Что ж топчешь посев, что губишь спроста?
Я была бы с него целый год сыта!
Коль охотник ты — свой лук забирай.
Сеханасар, Цымцка и меж них весь край
Держала рука отца твоего;
Была для охоты гора у него, —
И косуля там, и олень, и лань.
Коли сможешь — там охотником стань!»
— «Что ж, бабка, клянешь ты меня? Я мал,
Впервые о том от тебя узнал.
Где наша гора? Как найти ее?»
— «Твой дядя Оган тебе скажет всё».

Вот к Огану в дом, чуть забрезжил свет,
 Явился Давид получить ответ:
 «Что ж, дядя, молчал? Сказать бы пора,
 Отцовская где для охот гора?
 Косуля там есть, и олень, и лань!
 Сведи же меня на ту гору. Встань!»
 — «Ох лучше бы ты про это не знал!
 Лишишь языка, кто тебе сказал!
 Да, нашей гора была до поры,
 Но дичь той горы ушла с той поры.
 И косулям всем и ланям конец.
 Покуда был жив твой светлый отец
 (Счастливые дни — возвратишь ли вас?) —
 На горе той дичь едал я не раз...
 Он умер, и бог отвратил свой лик,
 Тут войско собрал царь Мысрамелик,
 Разгромил наш край, сады и дворы,
 Расхитил, угнал дичь с нашей горы,
 И ни лани нет, ни оленя там.
 Уж так на роду написано нам.
 Всё прошло, сынок... ступай-ка домой.
 Мелик услышать может голос твой».
 — «Что делает мне Мелик? Ничего.
 Позволенья, что ль, просить у него?
 Коль он мсырский царь, так Мсыр свой и знай,
 Чего ему лезть в наш нагорный край?
 Встань, дядя, бери свой лук и пойдем
 На ловчей горе пострелять вдвоем!»
 Огану пришлось тут встать и пойти.
 Пришли, а горы искать — не найти.
 Ограду снесли, повырублен лес;
 От самой горы даже след исчез.

11

Там на ночь они остались сам-друг,
 Взял Оган Горлан свой колчан и лук,
 Под голову их положил, храпит.
 В море дум меж тем погружен Давид.

Вдруг видит — вдали словно свет зажгли,
Могучий огонь сияет вдали. . .
И вот на лучи
Он пошел в ночи.
Идет по горе, взобраться спешит,
Взошел, поглядел: там мрамор лежит,
Лежит, рассечен,
Внутри просвечен,
Из камня ж огонь, вырываясь, бьет —
Взовьется и вновь на камень падет.
Спустился Давид с той вершины опять;
Спустился и стал он Огана звать:
«Встань, дядя, чего ты храпишь? Иди!
Встань, дядя, скорей, на свет погляди!
Яркий свет упал на ту высоту,
На ту высоту, на глубину ту.
Встань, сон отряхни, поди посмотри,
Какой это свет там горит внутри?»
Встал Оган Горлан, сотворил он крест:
«Умереть бы мне за свет этих мест!
То наша гора, то свет Марута!
Монастырь здесь был, где глубина та, —
Сасуна покров, Сасуна оплот,
Заступницу здесь почитал народ;
Обычно, когда собирался в бой,
Молитву творил там родитель твой.
Он умер, и бог отвратил свой лик,
И войско собрал царь Мысрамелик.
Пришел, монастырь он разрушил, смёл, —
Но доньше свет нам струит престол».

12

И когда Давид обо всем узнал,
«Дядя, дядя мой дорогой! — сказал —
Вот я сирота на свете на всем,
Без отца живу, так будь мне отцом.
С горы Марута теперь не сойду:
Прошу у тебя мастеров пятьсот,
Я наш монастырь опять возведу.
Пять тысяч людей для тяжких работ,

Иллюстрация Г. Ханджяна к поэме «Давид Сасунский»

Чтоб в недельный срок на работу стать —
Каким прежде был, монастырь создать».
Тут пошел Оган и привел народ,
Пять тысяч привел, мастеров пятьсот;
Работники все, мастера пришли,
Стук-стук да тук-тук — всё вновь возвели.
Всё на прежний лад — краса, широта, —
Монастырь возник горы Марута.
И братия вновь сошлась в монастырь,
И вновь по церквам зазвучал псалтырь.
Когда ожила вновь обитель та,
Спустился Давид с горы Марута.

13

До Мелика слух, до Мсыра достиг:
«Спешим доложить, что Давид воздвиг
Монастырь отца, что ишханом стал, —
А подати ты семь лет не взимал».
Осерчал Мелик:
«Отправляйтесь вмиг,
Бади с Козбади,
Сюди с Чархади!
Все камни поднять в Сасунской стране,
За семь лет всю дань истребовать мне!
Сорок юных дев-красавиц добыть,
Сорок низких жен — жернова крутить,
Сорок рослых жен — верблюдов грузить,
При доме моем служанками быть!»

И Козбади возглавил рать.
«Всё, что велишь, готов собрать!
Сасун разрушу и займу,
Жен сорок сороков возьму
Да в сорока тюках казну, —
Армянскую сотру страну!»
Сказал, а женщин хор и дев,
Кружась, выводит нараспев:
«В Сасун наш Козбади идет,
Жен сорок сороков возьмет,
Да сорок золота тюков —
Низать уборы для голов,

Коров пригонит красных — впрок
Нам масло будет и творог!
Джан Козбади, джан Козбади!
Давид перед тобой пади!»
А Козбади — так спесью сыт.
«Спасибо, сестры! — им кричит. —
Подождите, возвращусь сюда, —
Еще попляшете тогда!»

14

Вот рать в поход
Идет — поет. . .
И Козбади в Сасун проник.
Оганов отнялся язык, —
Хлеб-соль в руках,
А сам в слезах,
Твердит, трясясь:
«Помилуй нас!
Хоть всё бери! Веди в полон
Цветущих дев, сасунских жен,
Бери казну, и кровь, и пот, —
Но бедный пощади народ!
Не истребляй, смири грозу.
Бог — наверху, а ты — внизу».
И вереницей вывел он
Цветущих дев, сасунских жен.
Закончил Козбади отбор,
В сарай загнал их, на запор.
Сорок дев сумел невинных добыть,
Сорок низких жен — жернова крутить,
Сорок рослых жен — верблюдов грузить,
Мелику-царю — служанками быть.
Увез казны немало груд.
Объяла скорбь армянский люд.

15

Эй, где ты, Давид, защитник армян?
Хоть из камня выдь — явись на майдан! . .
Как встала в горах вновь обитель та,
Спустился Давид с горы Марута.

Он ржавый себе полотьник нашел,
Пошел, в огород старухин зашел.
Старуха к нему, и кричит-клянет:
«Не репу жевать тебе, сумасброд,
А огонь бы есть, заразу бы есть!
На свете ужель одна я есть?
Всё просо мое ты сровнял с землей,
Я репой одной буду жить зимой, —
Ты и репу рвать?
Где ж еды мне брать?
Ты возьми свой лук, коли ты храбрец,
Овладей страной, где княжил отец,
Ты возьми добро отца своего,
Без владельца ты оставил его.
Царь Мсыра за ним уж прислал — смекни!»
— «За что ж на меня ты кричишь, нани?
Не пойму, о чем говоришь сейчас.
Что мсырский халиф увозит от нас?»
— «Что мсырский халиф увозит от нас!
Да мсырский халиф лишит тебя глаз!
Где ум твой, Давид! Он отправил рать,
Чтоб город Сасун громить, обирать.
Бади с Козбади,
Сюди с Чархади
Ограбить пришли наш Сасун родной:
Сорок взять тюков казны золотой,
Сорок дев-невест прекрасных добыть,
Сорок низких жен — жернова крутить,
Сорок рослых жен — верблюдов грузить,
Мелику-царю — служанками быть».
— «Чего же меня ты клянeshь, нани?
Покажи, чего там хотят они?»
— «Чего? — Помереть бы тебе, юнец! . .
Таков ли ты сын, каков был отец?
За репой пришел — набиваешь рот,
Козбади ж ведет нашим деньгам счет,
Он девиц набрал, весь сарай набил».
Тут ушел Давид, о репе забыл.
Глядит: Козбади у дяди в дому,
Сам мерит казну, — не дает никому.
Сюди с Чархади — те держат мешки.
Поодаль Оган, понур от тоски,

Стал, руки скрестив, нахмурена бровь,
Давиду в глаза тут хлынула кровь.
«Ты встань, Козбади, да стань к стороне,
Отцову казну дай ты мерить мне!»
Козбади сказал: «Оган, перестань!
Даешь — так давай за семь лет мне дань.
А не то уйду, клянусь бородой,
Мелику скажу — нагрянет войной.
Он весь ваш Сасун вконец разнесет,
Пропахать велит, чтоб стал огород».
— «Вон, мсырские псы! Не случилось, знать,
Сасунских вам удальцов встречать!
Иль мертвыми нас теньями сочли,
Чтоб требовать дань с Сасунской земли?»
Осерчал Давид, он мерку схватил,
Он меркою лоб Козбади разбил.
И стену пробил осколком Давид,
И осколок тот до сих пор летит.
Побросав мешки золотой казны,
Бежали из гор армянской страны
Бади с Козбади,
Сюди с Чархади. . .

16

«Ой, дядюшка, ой! Никак не пойму!
Ведь денег мы тут накопили тьму, —
Ты ж сделал меня в Сасуне слугой,
Поставил меня у двери чужой».
Отвечал Оган: «Эх ты, сумасброд!
Сколько лет я блюл Меликов доход,
Чтоб сладко глядеть изволил на нас.
Ты не дал. . . Теперь нагрянет как раз.
Он камни и те снесет, как поток. . .
А сразиться с ним кто бы выйти мог?»
— «Ты, дядя, постой, сам выйду я в бой —
Отвечу ему, — ты, дядя, постой. . .»
Ворота в сарай он с размаху пнул,
Всем девушкам он свободу вернул —
На волю! . . И пусть молва говорит:
«Мы солнца тебе желаем, Давид!»

Избитые, в крови, отсель
 До мсырских добрались земель
 Бади с Козбади
 Сюди с Чархади.
 Их видят женщины вдали,
 На крыши женщины взошли,
 Шумят, поют, в ладоши бьют:
 «Идут, идут! Ведут, ведут!
 Наш Козбади ходил в поход,
 Жен сорок сороков ведет,
 Коров ведет нам красных — впрок,
 Нам будет масло и творог».

Подъехали — иной уж толк,
 Вдруг голос радости примолк,
 И — ну кричать,
 Ну — величать:
 «Эй, Козбади! А хвастал тож!
 Чего ж едва идешь-бредешь?
 Видать, идешь издалека?
 Твоя рассечена башка!
 А сам сулил — в Сасун пойду,
 Жен сорок сороков сведу,
 Казны я сорок нош сберу,
 Страну армян я в прах сотру!
 Ушел в Сасун как лютый волк,
 Пришел как пес — зубами щелк!»

На Козбади нахлынул гнев.
 «Молчать! — вскричал, рассвирепев. —
 Видали вы мужей, отцов,
 А не сасунских удальцов!
 То племя — горное оно,
 Их стрелы — каждая с бревно.
 Край каменист, не подступись,
 Ущелья — вглубь, а горы — ввысь.
 Как сабли, травы по хребтам,
 Бойцов три сотни пало там».

Сказав, решил на конец
 Идти к Мелику во дворец,
 Перед царем своим предстал, —
 На троне царь захохотал.

«Ну, молодец же Козбади!
Повешу я — того гляди! —
Тебе орла большого знак
За то, что уничтожен враг.
Так где же всё? А ну, взгляну
На дев сасунских и казну!» —
Сказал Мелик, а Козбади —
Возьми да в ноги упади.
«Будь, государь, твой вечен дом!
Насилу спасся я верхом.
Казну возьмешь ли у армян?
Родился у армян буян —
Ему ничто лета и сан.
Мне голову рассек буян —
Отцов, мол, клад, — не дам его,
Ни жен народа моего!
В Сасуне места нету вам...
Пускай ваш царь приедет сам,
Тогда сразимся мы вдвоем:
Пусть, ежели смел, берет силком!»
Рассвирепел Мысрамелик.
«Рать собирать! — раздался крик. —
Тысячу тысяч — зеленых юнцов,
Тысячу тысяч — без бород, усов,
Тысячу тысяч — с пушком на губах,
Тысячу тысяч — в цветущих годах,
Тысячу тысяч — с углем-бородой,
Тысячу тысяч — с седой головой.
Тысячу тысяч — в трубы трубить,
Тысячу тысяч — в барабаны бить.
Пусть явятся все при мече, в броне, —
Погляжу, каков Давид на войне,
Сасун разгромлю.
Как поток, залью».

Несметную рать ввел в землю армян,
На поле разбил под Сасуном стан
И гордо воссел царь Мысрамелик.
К Батману-реке тут каждый приник.

Припадали пить, а рать велика,
Все идут, все пьют, — иссякла река.
Без воды страна оказалась вся,
Князь Оган Горлан тут диву дался.
Влез в шубу Оган, добрел до горы.
Взобрался, глядит — под горой шатры!
От шатров бела равнина сама,
Словно разом в ночь подошла зима,
Словно белый снег весь Сасун застиг!
Желчь стала водой, отнялся язык.
Побежал домой, завопил: «Арай!
Он нагрянул к нам, — арай! убегай!»
— «Кто нагрянул к нам? Кто пришел опять?»
— «Мор, огонь пришел, чтоб Давида взять!»
Царь Мсыра пришел Сасун воевать.
Там в поле у нас построил он рать.
Есть и звездам счет, — счету нет войскам.
Горе нашей стране, и солнцу, и нам!
Понесем казну, поведем девиц,
Пойдем пред ним повергнемся ниц, —
Умолить хочу
Не предать мечу».
— «Ты, дядя, стой, ни к чему тоска,
Ты поди домой да поспи пока.
Я встану, пойду на равнину сам,
За всех нас ответ я Мелику дам».
Отправился вновь к старухе Давид.
«Нани моя, джан, — он ей говорит, —
Кочергу, пруты, весь железный хлам,
Что есть у тебя, собери по углам,
Добудь мне осла, чтобы мог я сесть, —
С Меликом хочу я сраженье весть».
— «Ох, чтобы тебя унес мой конец!
Да таков ли ты, каков был отец?
Где конь отцовский голубой?
Где меч отцовский огневой?
Отцовский пояс золотой
И крест заветный боевой,
Его наборное седло,
Капа и булава его?
А просишь, дурень, чтоб дала
Тебе я прутья да осла!»

— «Зачем же, бабушка, сердать?
Я молод, мне откуда знать?
Я не слыхал о том словца.
А где лежит доспех отца?»
— «У дяди своего спроси.
Скажи: достань, давай, неси!
А не захочет дать добром,
Коли глаза, бери силком».

19

Пришел к Огану наш Давид,
«Мой дядя добрый, — говорит, —
Дай мне отцовского коня,
Дай меч, который из огня,
Отцовский пояс золотой
Да крест заветный боевой,
Его наборное седло,
Капу и булаву его!»
— «Как умер Мгер, с того я дня
Не выводил его коня,
Не брал я молнии-меча,
Оружья, лат с его плеча.
Не растравляй, не говори!
Всё тут, — коль хочешь, сам бери!»

20

Доспех отца надел Давид
И пояс с молнией-мечом,
На мощной длани крест висит, —
Вот на коня он сел верхом,
Прикрикнул — и коня пустил...
Оган Горлан запел-завыл:
«Жаль, трижды жаль, пропал наш конь
голубой,
Ах, наш конь голубой!
Жаль, трижды жаль, он пояс взял золотой,
Ах, пояс взял золотой!
Жаль, на себе он Мгера капу увез,
Ах, Мгера капу увез!»

Стал Давид серчать,
Повернулся вспять, —
Тот оторопел,
Иное запел:
«Жаль, новый наш лев, мой Давид погиб!»
Ах, мой Давид погиб!»
Услыхал Давид —
Он сойти спешит.
Огану к руке подошел сперва.
Оган, как отец и семьи глава,
Дал совет ему, и перекрестил,
И, благословив, на бой отпустил.

21

У Давида-льва был дядя один,
Гроза-великан, — а звался Торос.
Про сасунский бой узнал исполн.
Он тополь взвалил на плечо, понес.
Он кричит врагам с далеких холмов:
«Иль больше у вас одной головы?
Что за люди вы? Или, кто таков
Сасунец Давид, не знаете вы?
Неизвестно вам: крылат его конь!
Как явится с ним, да как пустит в пляс, —
Убирайся прочь, Сасуна не тронь, —
Я пришел майдан очищать от вас!»

Враз тополем он как хватил шатры,
Их двадцать зараз сокрушил с плеча,
А Давид стоит на верху горы,
На поле глядит, как вишاپ, крича:
«Кто спит еще — дрему сгоняй!
А кто согнал — спеши, вставай!
Кто встал — доспехи надевай!

А кто надел — коней седлай!
Кто оседлал — скакать пускай!
Потом не лгать — легли, мол, спать,
Давид явился, мол, как тать».

Он прокричал и поскакал, —
Огонь разящий, свет и гром —
На вражье войско он напал,
Сияя молнией-мечом.

До полдня он рубил, топтал,
И к полдню — крови был поток,
Он бурно тек, горяч и ал,
И трупы тысячами влек.

Во мсырском войске старец был,
Он много видел на веку.
«Пойду к Давиду, — дед решил, —
Он не откажет старику. . .»

Представ перед сасунским львом,
Разумно молвил старец тот:
«Век сила будь в мече твоём!
Твоя рука тебе оплот!

Послушать старика — не труд,
И своему поверь уму:
Чем провинился этот люд?
Его ты губишь почему?

Они все — дети матерям,
Они — светильники в дому,
Иной — жену оставил там, —
Вдаль тяжело глядеть ему;

Иной — свой дом, малюток в нем,
Отца да мать и всю семью,
Иной — с завешенным лицом
Подругу юную свою.

То царь их пособрал везде,
Согнал бичом, грозил мечом!
Мы — бедняки, весь век в нужде,
Перед тобой мы грешны — в чем?

Твой враг — Мелик, виновник сеч;
Коль боя жаждешь — с ним сразись.
Зачем же ты возносишь меч
На тех, что горем упились?»

— «Ты молвил хорошо, старик, —
Сказал Давид, — но знать хочу,
Укрылся где ваш царь Мелик,
Как день его я помрачу?»

— «А вон под тем шатром большим,
Где дым валит, он крепко спит.
А дым тот — вовсе и не дым:
Из уст Мелика пар валит».

Едва замолкнули слова,
Давид к шатру верхом летит,
А у шатра — араба два,
И звонко крикнул им Давид:

«Где царь ваш? Где врага найду?
Пусть выйдет — встретимся в бою!
Коль смерть неймет — я смерть ему,
Не бьет никто — так я убью!»

Они ответили: «Привык
Семь дней без просыпу он спать —
Уже три дня проспал Мелик,
Через четыре может встать».

— «Несчастный люд согнал гурьбой,
В крови он утопил людей!
А сам в шатер ушел цветной,
Спать завалился на семь дней?»

Он спит иль нет — мне дела нет!
Будите, чтобы шел сюда!
Спать уложу тебя, сосед, —
Так не проснешься никогда!»

Арабы встали — как им быть?
Прут накалили на огне,
Царя по пяткам стали бить,
А царь лишь охает во сне:

«Ох! Невозможно час один
Забиться от проклятых блох!»
И только крякнул исполин,
Невозмутим был царский вздох.

Лемех достали от сохи,
Его калили на огне
И, раскаленным добела,
Царя хватили по спине.

«Ох! Не уснешь и час один
От трижды клятых комаров!» —
Вновь глухо крякнул исполин,
Зевнул опять, уснуть готов. . .

Но вдруг вскочил, глаза скосил:
Пред ним — Давид! Мелик — рычать.
И начал дуть изо всех сил,
Чтоб великана прочь умчать.

Глядит — тот с места ни ногой.
Трепещет — подошла гроза!
И взор свой, кровью налитой,
Вперил в Давидовы глаза.

Как увидал — так мощи в нем
На десять убыло волов.
Присел на ложе, а потом
Поток полился льстивых слов.

«Привет Давиду! Отдохни,
Сядь, потолкуем, — говорит, —
А там со мною бой начни,
Коль боем ты еще не сыт».

В шатре меж тем он яму рыл.
До сорока локтей обрыв,
Ковром он пасть ее покрыл,
Сначала сеткою покрыв.

Кого он побороть не мог,
Тех зазывал к себе в шатер
И льстиво — гостю невдомек —
Сажал на гибельный ковер.

Сойдя с коня, вошел Давид,
Уселся и упал в провал. . .
«Ха-ха-ха-ха! . . Хо-хо-хо-хо! —
Свирепый царь захохотал. —

Коли сумел туда попасть,
Там и сгниешь! Довольно жил!»
И на погибельную пасть
Огромный жернов наложил.

22

А Оган Горлан уснул в эту ночь,
И ночью во сне увидал старик:
Где Мсыр — в небесах там солнце горит,
А горный Сасун под тучей поник.

С постели его тут поднял испуг.
«Ты, жена, — сказал, — посвети-ка мне!
Больно юн Давид, отбился от рук, —
Ах, туча лежит на родной стране!»

— «Ой, прахом посыпь ты темя себе!
Наверно, Давид где-нибудь в гостях.
Ты лежишь — храпишь, а сны у тебя
Бог знает о чем — оттого и страх».

Вновь уснул Оган, проснулся опять:
«Ой, жена, Давид дождался беды.
Ой, Мсыра звезда всех ярче горит.
Но печален свет у нашей звезды».

А жена кричит, стоит на своем:
«Что случилось с тобой средь ночи глухой?»
И Оган лицо осенил крестом,
Отвернулся, спит, тревожен душой.

И еще грозней ему снится сон,
Он видит во сне небес высоту.
Свет мсырской звезды — на весь небосклон,
Сасуна ж звезда зашла в темноту.

В испуге вскочил: «Сгинь дом твой, жена!
Что слушать тебя, ты умом скудна!
Там погиб-пропал наш мальчик Давид,
Вставай да давай мне мой меч и щит».

23

Пошел в конюшню, потрепал
Коня он белого рукой:
«Эй, белый конь, когда домчишь
Меня к Давиду, ретивой?»

«К рассвету», — говорит в ответ
И — брюхом оземь конь лихой.
«Сломи хребет! Что мне рассвет?
Поспею к гробу я с тобой!»

Он треплет красного коня,
И — брюхом оземь огневой.
«Джан красный конь, когда домчишь
Меня к Давиду, ретивой?»

«Да в час единый, — конь сказал, —
Домчу к Давиду; я — лихой!»
— «Овес, что я тебе давал,
Да станет ядом и чумой!»

Тут к вороному подступал,
Не рухнул наземь вороной.
«Джан вороной, когда, — сказал, —
Меня домчишь к Давиду в бой?»

«Коль будешь крепко ты сидеть —
Коснешься стремени ногой,
Другую не успеешь вдеть, —
Домчу!» — ответил вороной.

24

Он вороного оседлал
И — в стремя левою ногой,
Пока же правую вдевал,
Уж был в Сасуне вороной.

Глядит: Давидов конь один
Уныло бродит по горам.
А мсырцы посреди равнин
Что море — нет числа шатрам.

Семь бычьих шкур он надевал, —
Боялся: от избытка сил
Не разорваться б! Тучей встал
И с кручи горной возгласил:

«Эй, эй, Давид! Где ты? Услышь!
Недаром носишь ратный крест!
Святую деву помяни,
Явись под солнцем этих мест!»

Пророкотал, донесся клич
К Давиду под тюремный кров.
«Эй, эй, — сказал, — то дядя мой,
С горы Сасуна этот зов!

И богоматерь Марута,
И древний крест мой боевой,
В мой трудный час взываю к вам...» —
И прынул витязь удалой.

По жернову ударил он,
Разбил на тысячу кусков,
Взвились обломки в небосклон, —
Так и летят ряды веков.

Из ямы вышел: грозен встал, —
И задрожал Мелик пред ним:
«Мой брат Давид, ко мне поди,
Садись за стол, поговорим».

— «Теперь твой хлеб не для меня,
Лукав ты, низок и труслив.
Бери доспех, седлай коня,
И вступим в бой, пока ты жив».

— «Ну, вступим в бой! — сказал Мелик. —
Но ударять сначала — мне».
— «Пускай — тебе», — сказал Давид
И стал средь поля на коне.

Взял палицу Мысрамелик,
Помчался, во весь дух гоня,
Он залетел в Диарбекир —
И вновь назад погнал коня.

Три тысячи был лидров вес
Огромной палицы одной.
Ударил он — в пыли исчез,
Заколебался шар земной.

«Землетрясенье? Рухнул мир?» —
В смятении спрашивал народ.
«О нет, то жаркой крови пир,
То великанов бой идет!»

«Один удар — и пал Давид!» —
Войскам провозгласил Мелик.
Но из-под тучи крик гремит:
«Я жив!» — Давида грозный крик.

«Ай, ай, — разбегу мало нам!
Гляди, как налечу сейчас!» —
Вскричал Мелик. Могуч и прям,
Сел на коня второй он раз.

Теперь уж скачет он в Алепп,
Оттуда вновь погнал коня.

От вихря пыли мир ослеп,
Под бурей задрожал, стена.

Разит. Услыша грозный гром,
Оглохли люди, нем язык.
«Осиротел сасунцев дом!» —
Спешит похвастаться Мелик.

«Я жив! — воскликнул вновь Давид. —
Скачи еще — черед не мой!»
— «Ай, ай, разбегу мало нам! . . .» —
Мелик воскликнул, сам не свой.

Мчал в третий раз он горячо,
И в мсырский ускакал предел,
И с палицей через плечо
Вновь на Давида налетел.

Изо всех сил ударил он,
Ужасен гром был, мир поник.
Окутан прахом небосклон,
Покрылся тьмою солнца лик.

И вот три ночи и три дня
Стоял подобьем тучи прах,
Была три ночи и три дня
Давида смерть на всех устах.

Три долгих дня ушло, и вот
В стоявшем тучей прахе том
Живой Давид горой встает —
Горою в сумраке густом.

«Теперь, — он молвил, — мой черед!»
Припав к земле, дрожит Мелик, —
Смертельный пал на сердце гнет,
Душой кичливой царь поник.

Он сам в ту яму, в глубь и тьму
Под земляной забрался кров,
Забился он под сорок шкур,
Залег под сорок жерновов.

И с места прынул, и вскричал
Сын-лев, достойный льва-отца.
Сверкнул, взыграл, забушевал
Меч-молния в руке бойца.

Но мать Меликова вопит,
Вопит и пряди рвет седин:
«Топчи мне волосы, Давид!
Но мне даруй удар один!»

Вторично меч Давид вознес,
Сестра Меликова — к нему:
«Давид, теперь, — вопит сквозь слез, —
Рази по сердцу моему!»

И час последний наступил.
Давид сказал: «Господь, прости!
Я два удара уступил,
Но третий должен нанести».

Тут дядя выступил Торос.
«Его разрубишь пополам,
Потом, Давид, — он говорит, —
Мы тело взвесим по частям.

Две половины мертвеца
Да будут равны, — говорит, —
Иль больше моего лица
Не увидеть тебе, Давид».

Воспрял Давид и поскакал,
Мчит бурно конь — сдержать нельзя.
Забушевал и засверкал
Меч-молния и пал, разя.

Сквозь сорок буйволовых кож,
Сквозь сорок мельничных камней
Он пополам рассек царя
И вглубь прошел на семь локтей.

«Я жив! — Мелик из тьмы вопит. —
Рази еще, — да не рассечь!»

Тогда разгневался Давид,
Вновь сыплет искры дивный меч.

«А ну, встряхнись, Мысрамелик!»
Мелик встряхнулся, и тогда
Распались половины вмиг,
Одна — сюда, одна — туда.

И вражья рать простерлась в прах.
Встал ужас, лица леденя.
Давид воззвал: «Оставьте страх,
Приблизьтесь, слушайте меня. . .

Жизнь ваша пахари, темна!
Голодный, голый вы народ.
Мук ваших тысяча одна,
И тысяча одна — забот.

Зачем вы взяли стрелы, лук,
Пришли — в чужих полях засесть?
У нас ведь тоже дом и плуг.
И старики и дети есть.

Иль опостылел вам покой
И ваши сельские труды,
Иль надоело под горой
Вам сеять, жать, собирать плоды?

Идите, люди, как пришли,
В свой Мсыр родимый сей же час.
Но если из своей земли
Вы вновь подыметесь на нас —

Хоть в яму брошен будь Давид,
Будь тяжким жерновом накрыт,
Как ныне, молнией-мечом
Давид Сасунский вас сразит.

Бог весть, при встрече боевой
Кто пораскается в тот час:
Мы — в грозный вышедшие бой,
Иль вы, напавшие на нас!»

152. ВЗЯТИЕ КРЕПОСТИ ТМУК

ПРОЛОГ

Певец бродячий, я для вас,
О господи, пою.
Прошу прелестных дам сейчас
Послушать песнь мою.

Все в этой жизни гости мы,
Едва увидим свет,
Во тьму уходим мы из тьмы,
И вечного в нас нет.

Любви и счастьем — краткий час,
И трон и злато — скроет мгла.
Для смерти мы, и смерть для нас,
Бессмертны лишь дела.

Бессмертны — помните о том!
Из века в век молва
Почтит лишь тех, кто жил добром, —
И честь им и хвала!

Но век мы будем проклипать
Тех, в ком душа черна,
Будь это сын, отец иль мать,
Иль милая жена.

И лишь добру я песнь отдам —
Пусть радуется оно.
Величье славы и врагам
Почувствовать дано.

Внимайте! Давние дела
Пред вами я пою,
И слово песни, как стрела,
Отыщет цель свою.

1

Надир-шах войско собрал,
Войско собрал без числа,
Он крепость Тмук в кольцо зажал,
Над нею повисла мгла.

«Эй, храбрый Татул! — воскликнул шах. —
Бессмертным ты мнил себя,
Что ж ты укрылся в своих стенах?
Принес тебе гибель я».

— «Не хвастай, Надир, гордец пустой! —
Татул ему говорит. —
Тучи проходят над горой,
Но вечно гора стоит!»

Сказал он и кликнул удалцов,
Схватил свой авлунский меч,
Вскочил на коня, с крутых холмов
Спустился для жарких сеч.

И сорок дней, сорок ночей
Разил он своих врагов,
И трупов гора под стук мечей
До башенных встала зубцов.

На Тмук ополчились Иран, Туран,
Но войско Татула — надежный щит.
Разбит и развеян вражий стан,
А крепость стояла и всё стоит.

Татула душа ликованьем полна,
Домой он спешит скорей.
Там встретит его молодая жена
Сиянием черных очей.

2

Когда б такой
Владеть женой
Мог и ашуг простой,
Без войск бы он
На шахский трон
Пошел — в смертельный бой!

Огонь любви
В ее крови,
В ее лице живом,
А бросит взор —
Живой костер
Ночь озарит кругом.

И роз алей
Уста у ней,
А кинет взор тебе —
Ни грозный шах,
Ни смерть, ни страх
Не сломят дух в борьбе.

3

О ней для шаха поет струна,
Певцы ее славят пред ним.
Всех гурий Ирана милей она
Ликом и станом своим.

«Морю сродни глубина очей,
Тонет в них человек.
Лик ее нежный еще белей,
Чем вечный Абула снег.

Татул опьянен ее красотой,
Всю душу он отдал ей.
Храбрец от улыбки ее живой
Становится льва сильней.

Коль сердцем ее завладеешь, шах,
Татула увидишь у ног.
И крепость будет в твоих руках,
Которой ты взять не мог!»

4

Так говорил еще в давние дни
Сам Фирдуси, певец-соловей.
Непобедимым бы стал герой,
Если б не женщины,
Не вино.

Солнцу подобно его чело,
Гордо глядит, стоит как гора,
Кто бы сровнять его мог с землей,
Если б не женщины,
Не вино?

Словно танцуя он в бой идет,
Скачет легко, не касаясь земли,
Кто бы низверг его с высот,
Если б не женщины,
Не вино?

Если весь мир на него пойдет,
Примет он бой, не уступит ни в чем,
Не победил бы его никто,
Если б не женщины,
Не вино.

5

И шах послал чародея-певца:
«Иди к госпоже твердыни Тмук,
Пой о любви моей, блеске венца,
О славе, богатстве пой, ашуг!

Трон обеща́й ей в своих речах,
Всё обеща́й, что подвластно мне,
Всё, что дарить может только шах,
Мира властитель, любимой жене!»

Куда б и с боем царь не проник,
Ашуг в почете среди гостей.
И вот вошел в Тмкаберд старик,
Нищий ашуг с песней своей.

6

Скалы от грохота боя дрожат,
Твердо Татул свой держит строй.
Бьются войска, мечи звенят,
Льется горячая кровь рекой.

Бьются войска, мечи звенят,
Льется горячая кровь рекой,
А струны певца о любви говорят,
О шаха любви пред Татула женой.

Внемлет княгиня, потупив взор,
Тайные мысли терзают грудь;
В них и предательства страшный позор,
И к славе царицы верный путь.

«Слушай, красавица, старика,
На шаха взгляни, всесилен шах,
Властитель он мира, его войска
Врагов всегда повергают в прах.

Но слабы мы сердцем, слаб и он
Пред обаянием красоты.
Готов с тобой разделить он трон,
Стать царицей могла бы ты!»

Внемлет ашугу Татула жена,
И день и ночь эти мысли с ней.
Стала задумчива и бледна,
Сон отлетел от ее очей.

С отважной дружиной Татул с войны
Вернулся в замок, окончив бой.
Победный меч он вложил в ножны,
И пир неустанный идет горой.

Обходит хозяйка всех гостей
И перед каждым стоит столом,
Просит быть воинов веселей,
Кубки свои наполнять вином.

«А ну-ка, мой гость, налей
Чашу свою полней!
Господь да благословит
Татула отважного меч и щит!»

«Благословит пусть в добрый час
Меч он ишхана моего,
Пусть осенит навеки нас
Слава и мужество его!»

Снова гремит твердыня Тмук,
Гулом веселья она полна,
С гордою песней обходят круг
Чаши, что вновь полны вина.

«То не орел снижает круг,
С туч на добычу упасть готов, —
То спустился Татул с твердыни Тмук,
Наполнив страхом сердца врагов.

То не гробы в ущелье катят гул,
Не молния хочет небо рассечь, —
То в тмукской теснине бьется Татул
И победно его сверкает меч.

Какого ж орла с ним возможно равнять,
И шаху какому пред ним устоять!» —
Так гости веселые песни поют,
Их кубки полны кахетинским вином,

Во славу княгини-красавицы пьют,
Что выросла в скалах чудесным цветком.

В честь храбрецов пенят чашу свою,
Ни страха не знающих, ни преград,
Чтут память священную павших в бою,
Чьи души на них уже с неба глядят.

Обходит хозяйка своих гостей,
За каждым она следит столом,
Просит воинов быть веселей,
Кубки свои наполнять вином.

«О госпожа, свидетель бог,
Не можем больше пить.
И сил уж нет, и места нет,
Пора бы нам почить!»

Ночь над крепостью глубока,
И тишина стоит кругом,
Усталый ишхан и его войска
Спят во мраке глубоким сном.

8

Своды замка безмолвны, темны,
Над спящей дружиною боевой
Витают зловещие черные сны
Тревожной и страшною чередой.

И снится Татулу во мраке ночном,
Что чудище злое — змея — подползла;
Сомкнув свою голову с гибким хвостом,
Кольцом она крепость его облегла.

И тянется страшное чудище ввысь,
Приподнимает извивы колец,
Они уже к башен зубцам вознеслись
И окружают всё туже дворец.

Будто лежит он, Татул, а к груди
Нежно прильнула жена головой.
«Ангел мой, — шепчет он, — встань, не гляди,
Я разрублю ее, меч мой со мной!»

Слова Татула едва слышны,
Смотрит он, ужаса не тая:
Не голова любимой жены —
На груди его притаилась змея.

9

Эй, что ж вы спите крепким сном,
Ишхана Татула отважный отряд?
Кто там, смотрите, во мраке ночном
Глаз не смыкает, тревогой объят?

Может быть, враг, что в бою разбит,
Уже не надеясь осилить вас,
Заговор черный готовя, не спит
В этот зловещий полночный час?

Эй, поднимайтесь! Всю ночь до зари
Бродят какие-то люди во мгле,
Эй, просыпайтесь, богатыри,
Верная стража на княжьей земле!

Вас на пиру напоила вином
Эта изменница, князя жена,
В вами хранимый властителя дом
Двери врагу открывает она.

Это измена! Берите булат,
Коней седлайте, время не ждет! . .
И, раскрываясь, со скрипом гремят
Петли железные крепких ворот.

10

Утро раскрыло глаза и льет
Свет свой на мир и на Джавахк,
Крепость в развалинах, дым встает
Тучей над ней, и ликует враг.

Славой победы пьяны и вином,
Воины спят и князь их спит.
Спят непробудным, вечным сном,
Немы к измене и горю обид.

Шах восседает. Он духом смущен,
Видя вчерашнюю снесь на столах.
На опустевший взирая трон,
Он о мирских размышляет делах.

В мире надежного, вечного нет,
Не верь ничему в тщете земной —
Будь это счастье, величье побед
Иль кубок, что налит любимой женой.

Горько княгиню он стал вопрошать,
Голову в тяжком раздумье склонив:
«Что ты, изменница, можешь сказать?
Разве Татул не был храбр, красив?»

«Да, и красив, и отважен был он,
И благородной души человек.
Крепость не брал он предательством жен,
Не был обманщиком низким вовек.

Лучше тебя во сто крат он — поверь!» —
Так отвечала княгиня. И шах
«Эй, где палач?» зарычал, словно зверь.
Слуги бегут. И палач уж в дверях.

11

Он в красном с головы до пят,
Одежда вся в крови.
И вот из княжеских палат
Княгиню привели.

Ведут к скале — ее видал
И в наше время ты, —
На камни острые в провал
Столкнули с высоты.

Лиса и волк глухих степей
Пожрали сердце ей,
Орел и ворон средь камней
Склевали свет очей.

Ушла жемчужина страны
Из мира без следа,
И, как цветку былой весны,
Не цвезть ей никогда.

Ушел навек и грозный шах
Со всей его ордой,
Ушел Татул, герой в боях,
С дружиной удалой.

Живым остался лишь рассказ,
Преданье, песни звук.
О нем споет и после нас,
Настроив саз, ашуг.

12

Ашуг бродячий, я для вас,
О господа, пою —
Прошу прелестных дам сейчас
Послушать песнь мою.

Все в этой жизни гости мы,
Едва увидим свет.
Во тьму уходим мы из тьмы,
И вечного в нас нет.

Уходим... Но живет молва
О добром и о злом,
И счастлив тот, тому хвала,
Кто светлым шел путем!

153. ТЫСЯЧЕГОЛОСЫЙ СОЛОВЕЙ

(Отрывки из неоконченной поэмы)

1. АРЭГ В ТЕМНОМ ЦАРСТВЕ

Шел долго доблестный Арэг и видит: вокруг него страна,
Где черны небо и земля и ночи тень черным-черна.
Вот замок черный перед ним вознес громады черных
стен.

Оттуда слышен песни звук — тоской тот звук
запечатлен.

Там дева наверху стоит, и слезы льет, и вниз глядит,
И песни горестный напев из уст красавицы звучит.

Д е в а

Увы! Зачем пришел, храбрец,
Ты в эту мрачную страну?
Кто путь направил твой сюда,
Того добром не помяну.
Беги, оставь наш черный край,
Или растерзан будешь ты:
Сейчас появится, узнай,
Дэв-людоед из темноты.

А р э г

Кто ты, красавица, скажи?
Зачем тебя я вижу тут?
И почему глаза твои
Так безутешно слезы льют?
Ты так прекрасна, так нежна;
За что, ответь, — я не пойму, —

Печальная, заточена
Ты в эту мрачную тюрьму?

Д е в а

Ах, я красива, — за собой
Лишь эту знаю я вину;
Из-за нее явился дэв
В мою чудесную страну.
Нашел меня, меня схватил,
Унес из родины моей
И в замок черный заточил,
Где я не знаю светлых дней.
Здесь, жалкой пленницей его,
Томясь, и плача, и грустя,
Живу, не вижу никого,
И безотраднa жизнь моя.
Храбрец, ждать дэва не держай.
Он близок, грозный людоед:
Беги, оставь наш черный край —
Или тебе спасенья нет.

А р э г

Не испугаюсь я, сестра, —
Не страшен храбрым смерти зев.
С тобою здесь останусь я,
Какой ни угрожай мне дэв.
Уж не расстанусь я с тобой,
Или в бою погибну, знай,
Иль бросишь и сама со мной
Ты этот черный, мрачный край.
Одно поведай мне скорей:
Откуда должен дэв прийти
И, чтоб сразить его верней,
Куда мой лук мне навести?

Д е в а

Вот из-под черной той горы
Сверкнет его свирепый взор.
Бьет красный пламень изо рта,
Колелет голос гребни гор.
Семь алчных у него голов,
Его в четвертую одной

Стрелой единственной рази,
Хотя б просил он о второй.
Гляди! Вот он идет во мгле,
Всё сокрушая, всё губя.
Уйди, а я в моей тюрьме
Молиться буду за тебя. . .

И за кромешной черной тьмой сокрылись даль и гор
края. . .
Раздался дэва грозный рев — качнулись небо и земля.
Пришел он, пламенем дыша, подобен туче грозовой.
Пришел, как море в скалы бьет рассвирепевшею волной.
Грозя, на светлого врага он бросил разъяренный взгляд,
И голос загредел во тьме, как грома тяжкого раскат.

Черный дэв

Кто ты, земное существо?
Как ты попал, смельчак, сюда?
Иль имя грозное мое
Не слыхивал ты никогда?
Не видел сел и городов,
Где я прошел, грома, губя?
Пожрал я тысячи бойцов
Храбрей, огромнее тебя.
А ты — ты кто такой, малыш,
Что принял столь отважный вид?
Как звать тебя? Хочу я знать,
Кого пожрать мне предстоит.
А ну — с чем выйдешь на меня?
Вот у меня есть семь голов, —

Так в клубах дыма и огня
Гремят раскаты грозных слов.

Арэг

На бой, чудовище, иди,
Перед тобой стою я, смел.
Есть сердце гордое в груди,
В руках семь смертоносных стрел, —

Сказал Арэг и поднял лук, и, ярым голосом взревев,
Сраженный меткою стрелой, кляня Арэга, рухнул дэв.

«Ударь еще!» — рыча, молил
В предсмертных муках исполнин.
«Один у матери я был,
Один зарок, удар один!» —

Ответил доблестный Арэг, и умер черный дэв, и вот
На черную его страну потоки света солнце льет.

2. СКОРЬ ПЕВЦА

В день праздника, в весенний день, сиявший с голубых
высот,
Мечеть далеко обступив толпой бесчисленной, народ
Моей молитвы ждал. Вошел я радостно на минарет.
Внизу широкая земля, вверху — небес бездонный свет.
Трепещет грезами душа — невольно песни полились.
И птицы дивные, кружась, над головой моей вились.
Примчались, вещие, ко мне они из сказочных миров,
Заслышав в горной высоте далекой песни сладкий зов!
И, подлетев ко мне, одна меня на крылья вдруг взяла
И сквозь сияние небес с собой стрелую унесла.
Осматриваюсь, вижу я, что в дивный рай перенесен.
Глаза открою — красота, закрою — мнится: это сон.
Нетерпеливою душой я, восхищенный, жадно жду
Всё новых зрелищ и красот. И всё иду, и всё иду, —
Иду, как будто бы парю, и сладок легкий мой полет.
Я полон счастья, будто ввек не знал ни горя, ни забот.
Рукой раздвинувши покров неувядающих цветов,
Выходит пери — вижу я — из глубины густых кустов.
По ветру кинув волоса, вся неге рая предана,
Прекрасна, сказочна, светла, ко мне идет, идет она.

Я и блестящий луч звезды
Играли вместе над рекой.
Я и блестящий луч звезды
Дремали вместе в час ночной.

Вдруг взгляд ее лучистых глаз упал сияньем на меня.
Дыханье замерло в груди, окаменел на месте я.
«Кто ты, — воскликнула она, — неустрашимый дух
земной?»
Не пролетало даже птиц досель над нашей страной.

Как мог ты в этот край попасть, земной неведомый
пришлец?
Смущаешь взором тишину ты наших девственных сердец.
Когда ж достоин ты войти в наш светлый рай, тогда
приди:

Под этим деревом усну я, приклонясь к твоей груди.
Но горе, если будешь ты соблазном страстным
увлечен, —

Тогда с тем счастьем навек ты разлучиться обречен».
И пери, приклонясь ко мне, закрыла звездные глаза.
И дивной груди предо мной дышала нежная краса.
Но вид красавицы мой ум забвеньем сладким оковал:
Склонилась голова моя — и пери я поцеловал.
«Увы!» — воскликнула она. Очнулся я — уж пери нет.
«Увы, несчастный!» — замер звук, и сердце замерло
вослед.

Другая пери в этот миг предстала мне, легка, нежна, —
Себя невольно я спросил: иль бестелесная она?
Шла, беззаботна, молода, по берегу, тропой лесной,
И весело звенел в лесу смех серебристо-молодой.

Ха, ха, ха, ха!
С ума сошла!
Ах, пери! Мечется везде —
Всплывает вверх, ныряет вниз...
До облаков, что спят в воде,
Не доплывешь, как ни трудись.
Смеется, сидя на волнах,
Над ней волшебниц легкий рой,
И вторят им на берегах
Цветы, качая головой.

Тут очи вскинула она, и, потонув в их яркой мгле,
Затрепетал я, и глаза стыдливо опустил к земле.
«Кто ты? — промолвила она. — Каким ты чудом к нам
попал?»

Доныне смертный ни один на землю нашу не ступал.
Кто б ни был ты, раз ты проник в наш светлый рай, сюда,
ко мне
Приди — мы сладко отдохнем здесь, в изумрудной
тишине.

Но не целуй меня — иль век ты будешь слезы лить
о том,
Что вмиг утратил навсегда ты в дерзновении своем». И
приклонила стан ко мне та пери, девственно-чиста,
Вся — жизнь, вся — лучезарный свет, вся — радость,
нежность, красота.
Глядел, глядел я и пьянел, глаза сияли всё темней:
Невольно, смутно, как во сне, устами я склонялся
к ней, —
И вдруг горячий поцелуй зажегся на моих устах,
И женский голос в тот же миг укором прозвучал в ушах:
«Увы, несчастный, сколько благ ты с поцелуем потерял!»
«Увы, несчастный!» — вокруг меня весь лес чудесный
повторял.
Один стоял я, изумлен, томясь раскаяньем, но вдруг
Вновь услышал невдалеке я голоса волшебный звук.

Две лилии,
Сестры мои,
В благоуханной тишине,
С дыханьем струй
Свой поцелуй
Издалека прислали мне.

И третью деву вижу я, — пленительна она была
Подобно лилии лесной, что между травами взросла.
Молчанье прежнее хранить на этот раз не стало сил,
И вот собрался с духом я и с девою заговорил:
«О, сжался, госпожа, скажи, в какие дивные края
Перенесен я и кто вы, что так терзаете меня?
Я — человек: не устоять мне против вашей красоты.
О, сжался, сжался — не томи меня соблазном новым
ты».
— «Ты в заповедной той стране, где смертных не было
дотоль,
Где неизвестна никому земная страсть, земная боль!
Лишь мимолетная мечта вас переносит в ту страну.
Приди — честна твоя душа: в твоих объятьях отдохну.
Но не целуй меня, смотри — иль, сколько горьких слез
ни лей,
Уж будет поздно: никогда утраты не вернешь своей».
Так хороша она была, так лик ее обворожал,
Что и на этот третий раз я обещанья не сдержал.

С упреком молвила она: «О недостойный смертный,
прочь!»

И вмиг сокрылась от меня таинственного рая дочь.

А я, растерян, одинокий, стою и думаю опять:

За вожделенный миг один как мог так много я отдать?

Всё думаю, и всё иду, ищу кругом, ищу везде —

Куда, чудесные, ушли, куда исчезли девы те?

Но тщетны поиски мои: нигде не видно ни одной.

Охвачена моя душа глубокой скорбью и тоской.

И стало всё вокруг меня пустынно, сумрачно, мертво.

Вздыхаю я, ищу, зову — увы! не вижу никого.

Вдруг грозный голос надо мной взгремел: «Убрать его
тотчас!»

И потемнело всё кругом, и дивный край исчез из глаз.

И в том же грязном городке на минарете я стою,

Неисчислимая толпа молитву слушает мою.

И, полон пламенной тоски, всё в тот же день уж сколько
лет,

Как нынче, радостен, счастлив, взбираюсь я на минарст.

О светлых пери я пою, надеждой трепетной дыша,

Всё им одним посвящено — и песнь, и грезы, и душа,

Но тщетно жду за годом год, чтоб птицы сказочной крыло

Вновь подхватило бы меня и к светлым пери унесло.

ПРИМЕЧАНИЯ

Произведения Туманяна переводились на русский язык еще в начале 90-х годов прошлого века. В числе первых переводчиков был К. Д. Бальмонт. Легенда «Ахтамар» в его переводе была напечатана в 1893 году на страницах журнала «Семья» (№ 55, с. 2). Спустя год Ю. А. Веселовским и Минасом Берберяном было предпринято в Москве издание второго тома сборника «Армянские беллетристы», в котором были представлены в русских переводах также «молодые поэты», среди них и Туманян легендой «Ахтамар» и двумя лирическими стихотворениями: «С горных высей стремится ручей...» и «Когда в последний миг...». Второй том «Армянских беллетристов» был запрещен царской цензурой и «сожжен в Суцеевском полицейском доме» («Советская книга», 1952, № 4, с. 100). Из уцелевших экземпляров два хранятся в Библиотеке АН СССР и в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

В начале 900-х годов переводы из Туманяна время от времени появлялись на страницах журналов: «Кавказский вестник», «Вестник иностранной литературы», «Детское чтение», «Южные записки», «Русская мысль». Туманян печатался также в различных сборниках: «Современные армянские поэты» (М., 1903), «Современная армянская литература» (М., 1906), «Армянская муза» (1907), «Кавказский альманах» (1914), «Сборник армянской литературы» под редакцией М. Горького (Пг., 1916). В годы первой мировой войны переводы из Туманяна печатались также в издававшемся в Москве «Армянском вестнике».

Наиболее серьезная попытка в дореволюционные годы ознакомить русское общество с произведениями Туманяна была сделана в сборнике «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», под редакцией В. Я. Брюсова (М., 1916). Здесь Туманян был представлен несколькими образцами из лирики (в переводе В. Брюсова), поэмой «Ануш» (в переводе Вяч. Иванова), легендами «Голубиный скит» и «Сердце девы» (в его же переводах) и сатирической сказкой в стихах «Капля меда» (в переводе В. Ходасевича). Остались вне Брюсовской антологии такие центральные произведения Туманяна, как «Давид Сасунский», «Взятие крепости Тмук» и «Парвана».

Пропаганда богатого художественного наследия Туманяна развернулась лишь в советские годы. Достаточно сказать, что в период 1937—1960 годов было издано девять сборников избранных произведений Туманяна в русских переводах.

Сказку Туманяна в стихах «Пес и кот» в переводе С. Я. Маршак в 1939 году Детиздат выпустил тиражом 100 000 экземпляров. В 1950 году в Москве была издана другая сказка Туманяна, «Хозяин и работник» в переводе Я. С. Хачатрянца, тиражом 200 000 экземпляров (для младшего школьного возраста).

При составлении настоящего сборника учтен и критически пересмотрен весь существующий фонд (включая опыт дореволюционных лет) переводов из Туманяна. Для данного издания заново переведены поэма «Взятие крепости Тмук», легенды «Парвана» и «Великаи», сказка в стихах «Конец зла». Более двадцати стихотворений также даются в новых переводах.

Сборник состоит из трех разделов: стихотворения, легенды и сказки, поэмы. Внутри разделов произведения расположены в хронологическом порядке, за исключением «Пролога», открывающего первый раздел (см. примеч. 1). Пояснения мифологических имен, армянских слов и выражений, а также географических названий вынесены в словарь.

В. Я. Брюсов назвал Туманяна «исключительным художником и глубоким поэтом». Задача перевода его произведений на другой язык представляет особую трудность. Нужно еще немало усилий, чтобы перед русским читателем открылся поэтический мир Туманяна.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Первоначально служило вступлением к незавершенной поэме «Стенания». Впоследствии Туманян неоднократно помещал стихотворение в начале сборников своих произведений в качестве пролога.

2. В армянском оригинале «отцы и деды» пируют не «под орешником» (под кустарником трудно и представить эту сцену), а «под огромным ореховым деревом».

21. *Башинджаган* Геворг (1857—1925) — известный армянский художник, пейзажист. Выступал также в качестве беллетриста. Был одним из ближайших друзей Туманяна.

26. В этом и во многих последующих стихотворениях («Ночь», «Из псалмов печали», «Песня армян», «Армянское горе», «На странствия нас судьба обрекла...», «В армянских горах», «С отчизной» и др.), а также в поэме «Старая война» отразилась историческая судьба армянского народа, его вековые страдания под игом поработителей. Армения лежит на перекрестке великих исторических дорог и не раз становилась ареной жесточайших битв. В передовой статье, посвященной пятнадцатой годовщине Советской Армении, в 1935 г., «Правда» писала: «Армения... Кто не знает трагического, кошмарного прошлого этого народа! Находившаяся на рубеже двух миров, двух стран света — Европы и Азии, бывшая некогда одной из могущественных стран древнего Востока, Армения была ареной бесконечных битв и нашествий. Одних завоевателей сменяли другие. Смерчем и ураганом проносились над страной гуны, персы, римляне, арабы, византийцы, сельджуки, монголы, османы. Едва народ успевал

опомниться от одной опустошительной грозы, как надвигалась новая...» («Правда», 1935, 29 ноября). После русско-турецкой войны 1876—1878 гг., согласно Сан-Стефанскому и Берлинскому договорам, Турция обязалась осуществить реформы в Западной Армении. Однако султан не только не выполнил статью договора о предоставлении армянским областям самоуправления, но решил покончить с «армянским вопросом» путем уничтожения населения Западной Армении. *Язык армян Месроп унес с собою* и т. д. Месроп Маштоц (361—440) — основоположник армянской письменности. Вместе с Сааком Партевом (389—438) в начале V века он создал армянский алфавит.

27. *Абовян* Анушаван (1862—1938) — друг поэта, с которым он сблизился в годы юности. В стихотворении Туманян касается одного из характернейших моментов исторического существования армянского народа: тысячи обездоленных — в силу гнета поработителей — вынуждены были покинуть родину, скитаться в чужих краях в поисках заработка. Стихотворение относится к циклу пандухтских (пандухт — изгнанник, человек, живущий на чужбине) и находится в русле традиционной ветви армянской лирики, классическими образцами которой являются народная песня «Крунк» («Журавль») и «Цицернак» («Ласточка») Геворга Додохяна (см. «Поэзия Армении...», М., 1916, с. 231, 285).

28. Строфы 7—9 Туманян напечатал в журнале «Мурч» («Молот»), 1891, № 12, в качестве самостоятельного стихотворения под загл. «Романс». Этот текст был переведен Л. А. Коринфским:

Когда мой взор слезою непокорной
Блеснет и вздох слегка взволнует грудь
И в глубь души, одетой мглою черной,
Откроется невольно тайный путь, —

Не думай ты, что я прошу участия,
Что разделить хочу с тобой печаль!
О, не буди напрасно жажду счастья,
Не спрашивай — чего мне в прошлом жаль!

Твои слова не будут утешеньем,
Не принесут покоя ни на миг:
Перед тобой навек закрыт забвеньем
Моей души, моей любви тайник! . .

(«Вестник иностранной литературы», 1902, № 12, с. 270). Адресат стихотворения не установлен.

34. *Адамян* Петрос (1849—1891) — известный армянский артист-трагик. Прославился исполнением ролей Гамлета, Отелло, Арбенина и др.

43. Образ Христа, одиноко сидящего на камне, в безлюдной пустыне, погруженного в скорбные думы, напоминает картину И. Н. Крамского «Христос в пустыне» (1872), которой, быть может, и навеяно стихотворение.

44. *О. Г.* — Осанна Гиргидян (1872—1938), знакомая поэта. В ее же альбоме находится автограф стихотворения Туманяна — «Христос воскрес... О, в пропасти над нами...» (№ 51).

46. *Бараташвили* Николоз (1817—1845) — крупнейший представитель грузинской поэзии эпохи романтизма. Написано по случаю перенесения останков поэта из Гандзака (ныне Кировабад) в Тбилиси. Туманян читал свое стихотворение 25 апреля 1893 г. на церемонии погребения, в качестве представителя редакции журнала «Мурч» («Молот»).

48. Написано, по всей вероятности, под впечатлением от известной картины И. К. Айвазовского «Девятый вал» (1850).

62. *Прошян* Перч (1837—1907) — один из зачинателей армянской реалистической прозы. Автор романов из жизни деревни. Его роман «Сос и Вартитер» (1860) был вторым значительным произведением новой национальной армянской прозы после романа Х. Абовяна «Раны Армении». *Писал в мучительной тоске* и т. д. Речь идет о Х. Абовяне (1805—1848) и его романе.

69. Посвящено близкому другу поэта Филиппосу Вардазаряну (1858—1935). Автограф стихотворения в письме Туманяна к нему от 10 августа 1902 г. под загл. «Ф—у», т. е. «Филиппосу».

71. Христианство в Армении было провозглашено государственной религией в 301 г., при царе Тиридате III. Распространение же христианства в Армении связано с именем Григория *Просветителя*. «Легенда рассказывает, что на высоте горы Арагаца (Алагяза) горит таинственная лампада, возжженная Григорием, просветителем армян. Свет этой лампы зрим только для чистых сердцем» (Примечание В. Я. Брюсова, «Поэзия Армении...», М., 1916, с. 326).

76. *Со скрижалями бога, с лучистым челом* и т. д. Моисей, по Библии, — вождь и законодатель еврейского народа, выведший его из египетского плена. Во время последующих скитаний евреев в пустыне в поисках земли обетованной Моисей, беседуя с богом на Синайской горе, записал его «завет» (десять заповедей) на двух каменных плитах — *скрижалях*, чтобы сообщить его своему народу. Но, спустившись в долину, застал людей отпавшими от «истинного бога», поклонявшимися языческому идолу — отлитому из золота быку (тельцу). В гневе он разбил скрижали о скалу.

78. Написано в Метехской тюрьме 7 (20) февраля 1909 г.

79. Написано под впечатлением зрелища развалин столицы армянского царства Багратидов (886—1045), г. Ани. Во время русско-персидской, русско-турецкой войны, в конце 20-х годов прошлого века Ани посетил А. Н. Муравьев, который в своей книге «Грузия и Армения», изданной без имени автора в 1848 г., посвятил несколько страниц описанию развалин Ани: «Если вы не хотите нарушить очарование, — писал он, — возбужденное чудным зрелищем опустевшей

столицы, окиньте быстрым взором все ее каменные сокровища и не вникайте в грустные подробности развалин. . . Багровые лучи еще озаряли площадь внутри стен, и поле за стенами, где были Ани, но в них все было мертво, — только мы, чуждые посетители, говором своим оживляли могильную тишину сей многолюдной некогда столицы, но и нас самих изгоняла ночь из негостеприимного города, где уже ни для кого не было крова. Какое ничтожество дел человеческих. . .» (Грузия и Армения, ч. 2, СПб., 1848, с. 126—127).

80. Посвящено трагической судьбе народного певца — поэта XVIII века Саят-Нова (1712—1795). *С мечом ушел* — намек на обстоятельства гибели Саят-Нова. Туманян, возвращаясь к событиям конца XVIII века, писал: «Когда русские войска перешли границы Грузии, печальные картины открылись их взору. . . И вот одна из этих картин: разоренный Тифлис, где среди груды трупов лежал в дверях крепостной церкви труп неизвестного духовного лица. Это был труп Саят-Нова. Он лежал с печатью гения на челе, с христианским крестом в руке, с кинжалом в благородном и великом сердце».

81. *Месроп и Саак* — см. примеч. 26.

85. Написано в дни пребывания русского поэта в Тифлисе, когда он с большим увлечением работал над сборником «Поэзия Армении». В. Я. Брюсов приехал в Тифлис в январе 1916 г. Здесь впервые он встретился с Туманяном. «Верьте, — писал он впоследствии Туманяну, — воспоминания о моей встрече с Вами остаются, — и всегда останутся, — в числе самых дорогих мне. Увы, не так часто приходится и мне встречаться в сей жизни с *поэтом*, в полном, прекрасном смысле этого слова. . . Верьте, что я неизменно люблю Вас, как исключительного художника и глубокого поэта» («Октябрь», 1937, № 10, с. 170). Тепло и радушно встретила русского поэта литературная общественность города. В эти дни редактор будущей антологии выступал с публичными лекциями об армянской поэзии. Среди организаторов этих выступлений был и Туманян. Голос русского поэта прозвучал в трудное для армянского народа время. «Мы, русские, как и вся Европа, вспоминаем об армянах лишь в те дни, — писал Брюсов, — когда им нужна бывает рука помощи, чтобы спасти их от поголовного истребления озверевшими полчищами султана. Между тем есть у армян более высокое право на наше внимание и на внимание всего мира: та высокая культура, которую выработал армянский народ за долгие века своего самостоятельного существования, и та исключительно богатая литература, которая составляет драгоценный вклад Армении в общую сокровищницу человечества» («Поэзия Армении. . .», М., 1916, с. 6).

91. Надпись на обложке русского издания легенды «Парвана» (1913). Посвящено Нимфодоре Городецкой, жене поэта С. М. Городецкого.

92. Прочитано автором в апреле 1919 г. в Тифлисе, на вечере грузинской поэзии. *Шота* — Шота Руставели.

94. В первой публикации журнала «Норк» («Новь»), 1922, № 1, с. 93, стихотворение было снабжено примечанием автора: «Сириус постоянно удаляется от нас с быстротою 2.650.000 верст в день. По величине он больше солнца в 144 раза, ярче в 88 раз. Настолько далек от нас, что снаряд пушки, при быстроте 500 метров в секунду, достигнет Сириуса в течение пяти миллионов лет».

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ

130, 131. В основе сюжета этих произведений лежат народные легенды, услышанные автором в родной деревне. В первой публикации появились с подзаголовком «Народное предание».

142. «Легенда относится к эпохе нашествия Тамерлана (1336—1405) и могла вырасти из обычая — устраивать в некоторых армянских церквях потайные ходы, через которые молящиеся скрывались при приближении врагов. Такие церкви сохранились до нашего времени» (Примечание В. Я. Брюсова. — «Поэзия Армении...», М., 1916, с. 506). *Ленк-Тимур* — буквально Хромой Тимур, Тамерлан.

ПЭЗМЫ

145. В основу сюжета положено действительное событие из жизни родного села поэта. «*За землей мы, не за хлебом* — в переносном смысле значит: просим вашу дочь» (примечание Туманяна). Фраза, которой обычно пользуются сваты.

147. Замысел незавершенной поэмы «Стенания» связан с реальными событиями и лицами. Туманян был еще воспитанником училища Нерсисян, когда он узнал о «чопурских молодцах». Он восхищался их отвагой. Один из школьных товарищей Туманяна вспоминает: «В те времена Лорийское ущелье гремело от разбойничьих смелых дел сыновей Чопура. Их было восемь братьев. Они были несчастными жертвами русского самодержавия и господствующих порядков. Храбрые дела чопурских молодцов казались нам, ученикам, настоящим рыцарством». Действия чопурских молодцов имели ярко выраженный характер социального протеста, борьбы с несправедливым общественным строем. Об этом говорит в своих воспоминаниях и поэт Аветик Исаакян. Началось с того, что старший из братьев, Согомон, восстал против богачей, убил кулака и вместе с братьями скрылся в горах. В течение многих лет царские стражники и казаки не могли справиться с отчаянными беглецами.

149. Поэма носит отчасти автобиографический характер.

150. В основе поэмы лежат наблюдения и воспоминания юных лет поэта. Об этом есть упоминание в записке Туманяна: «Объяснения к некоторым моим произведениям». Как выясняется из переписки, первоначальный вариант поэмы был завершен в июне 1890 г. и посвящен земляку и другу юности Анушавану Абовяну. Окончательная редакция поэмы относится к 1902 г.

В первоначальном варианте описания природы были растянуты и не находились в органической связи с развитием сюжета и переживаниями действующих лиц. Позднее поэма не раз подвергалась переработке. Были устранены многословные отступления, вызванные главным образом желанием девятнадцатилетнего автора рассказать обо всем, что волновало его юную душу, а также некоторые натуралистические подробности, наличие которых в поэме противоречило идейно-художественной цельности произведения. В ранней редакции подробно рассказывается о детстве Ануш и Саро, о том, как росли они под одним кровом. Дети были всегда вместе, играли, резвились, и матери благословляли их. Но вот они подросли, Ануш стала девушкой, — и пришла разлука. Теперь Ануш должна была постоянно находиться около матери, под ее строгим надзором, а Саро ушел в горы, стал пастухом. В первоначальном тексте поэмы автор странно описывал пленительную внешность героини, ее достоинства: «Если тебе незнакомо еще чувство любви, — говорил Туманян в обращении к своему другу Анушавану Абовяну, которому он вначале задумал посвятить свою поэму, — иди в наши горы, где живет прекрасная Ануш. И когда она взглянет на тебя своими черными глазами из-под черных бровей, тогда ты только познаешь радость и затем, страдая, полюбишь жизнь». Описание внешности Ануш в окончательной редакции поэмы исчезло. Читатель узнает об ее облике лишь из песни пастуха Саро.

153. Один из наиболее значительных замыслов Туманяна, над которым он работал долгие годы, собирая варианты сказки. Первый из них был записан поэтом летом 1895 г. в деревне Вердаблур. Впоследствии число собранных вариантов (рукописных и печатных) достигло шестидесяти. Туманяна заинтересовала идея сказки. В 1899 г., в письме к Ф. Вардазаряну, касаясь различных толкований смысла сказки, Туманян писал: «По моему мнению, как известно тебе, предмет сказки — рождение поэзии и музыки». Он намерен был развивать этот сюжет в большой поэме. Замысел остался несуществующим. Сохранились лишь отдельные отрывки. В настоящем издании даются два отрывка.

СЛОВАРЬ

- Абул* — гора в Богдановском районе Грузинской ССР.
Ага — барин, господин, богач.
Айастан — Армения. Гайк — мифологический родоначальник армян.
Гай — армянин, откуда Гайастан (или Айастан).
Алепп (Алеппо) — город в Сирии.
Амбарцум — христианский праздник Вознесения.
Амбарцум, яйла; яйла-джан; яйла — припев весенних «вознесенских» песен.
Ануш — женское имя. Буквально: сладостная, милая, нежная.
Арагац (Алагяз, Алагез) — гора в Армянской ССР, с вечным снегом, высота — 4104 м.
Араз — река Аракс.
Арай — крик зовущих на помощь.
Арэг — мужское имя. Буквально: солнце.
Ахтамар — остров в Ванском озере.
Ашуг — народный певец, который слагает песни и сам поет их под аккомпанемент народных музыкальных инструментов — саза или кяманчи.
- Баяти* — протяжная грустная (жалобная) песня, мелодия.
- Ван* — один из крупных центров Западной Армении. (Находится в Турции.)
Вардишах — женское имя. Буквально: роса на лепестках розы.
Вишан — мифическое существо, чудище-дракон в древних верованиях армян.
Вуш-вуш — скорбное восклицание, равнозначное возгласу «горе, горе!»
- Гегамы* — горы в Армении.
Гугарк — область в древней Армении. Часть ее составляет ныне Алавердский район Армянской ССР.
- Дервиш* — странствующий мусульманский монах. Здесь: нищий.
Джавахк — древнее историческое название Ахалкалакского и Богдановского районов Грузинской ССР.

Джан — ласкательный эпитет (нечто милое, любимое, самое дорогое). Имеет множество оттенков в зависимости от формы употребления.

«*Джан-гюлум*» — хороводная песня в праздник цветов.

Джульфа — старая Джульфа, город на берегу реки Аракс (в Нахичеванской АССР).

Дзорагет — река в Лори (см.) Алавердского района Армянской ССР.

Диарбекир — город в Турции, на западном берегу реки Тигр.

Духан — небольшой трактир.

Дэв — олицетворение зла, демон, злой дух, чудище.

Дэв-Ал — мифологическое название горы Двал в Лори (см.).

Дэв-Бед — мифологическое название реки Дэбет в Лори (см.).

Ертык — отверстие в земляной крыше для света. Служит и дымоходом.

Зурна — народный духовой деревянный музыкальный инструмент.

Ишхан — князь.

Кадж — злой дух.

Капа — традиционная верхняя мужская одежда.

Кошакар — гора в Лори (см.).

Кяманча — струнный смычковый народный инструмент.

Лидр — мера веса, равная приблизительно пяти килограммам.

Лори — центральная область Таширского края исторической Армении. Ныне Тумаянский и Степанаванский районы Армянской ССР.

Манишак (Манушак) — женское имя. Буквально: фиалка.

Майдан — базарная площадь.

Маруга — гора в Сасуне, в нагории Армянского Тавра.

Масис — армянское название горы Арарат.

Мысрамелик (Мсра-Мелик) — один из центральных образов армянского героического эпоса, в котором олицетворены чужеземные захватчики Армении (арабские и др.).

Мтинские горы — армянское название Мокрых гор (между Лори Армянской ССР и Ахалкалакским районом Грузинской ССР).

Муш — область исторической Армении в Армянском нагории с одноименным центром — городом Муш.

Назир — визирь, высший сановник в некоторых странах Ближнего Востока.

Нани (нане) — форма обращения к матери.

Одá — зимнее помещение в армянском крестьянском жилище.

Парвана — название озера в Богдановском районе Грузинской ССР.

Пахлаван (пахлеван) — храбрец, удалец, богатырь.

Понт — Черное море (Понт Эвксинский).

Пери — вечно юные райские девы в мифологии мусульманских народов.

Саз — народный музыкальный инструмент.

Сасун — горная область в юго-восточной части Армянского Тавра.

Святой Саргис (Сурб Саргис) — Св. Сергей.

Севан (Гокча) — высокогорное озеро в Армянской ССР.

Сеханасар — гора в Сасуне (см.).

Сипан — гора на северо-западном берегу Ванского озера.

Тавад — князь, помещик, кулак.

Тарон — область в исторической Армении.

Тахта — деревянная кровать.

Тмук — название крепости в древнем Джавахке (см.).

Туран — среднеазиатская область, севернее Ирана.

Фарсистан — Персия.

Цымцка — гора в Сасуне (см.).

Чатиндаг — гора в Лори (см.), напротив родного села Туманяна.

Чабан (чобан) — пастух.

Чинумачин — Китай.

Чуха — мужская верхняя одежда.

Шараканы — древние духовные гимны.

Эдем — рай в Библии.

Яйла-джан, яйла — см.: Амбарцум, яйла.

Яйлаг (яйла) — горное пастбище.

Яр — возлюбленная, возлюбленный.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- Ануш («На крыльях ветра рея ввысь...») 238
Армянское горе («Армянское горе — безбрежное море...») 103
Армянскому скитальцу («Счастливый путь, скиталец наш...») 82
Ахтамар («Каждой ночью к водам Вана...») 145
- «Бесчувственные, мрачные сыны...» (Месть певца) 71
«Блаженны все те, кто, вкушая покой...» 91
«Блаженство обещала мне надежда...» 57
Брат зеленый мой! 128
- В альбом О. Г. («Что должен я оставить в дар...») 83
В армянских горах («Нелегко был путь, полночный наш путь...») 102
В горах («Густой туман, сырая мгла...») 76
«В заботах дневного труда...» (Видение) 98
«В какой стране — не помню, в каких годах — забыл...» (Великан) 163
«В краю далеком новая весна...» (Подарок Ан. Аб(овян)у) 72
«В небе темно. И никто не заметил...» 84
«В печальном сумраке ночном...» (Грустная беседа) 92
В руинах («Одинокий блуждаю...») 107
«В стране армян, как великан, стоит Масис могучий...» (Четверости-
шия, 22) 125
«В ущелье гор, среди села...» (Капля меда) 177
В хижине («Детский плач терзает душу...») 86
«Вдохновенного больше нет...» (На смерть артиста Адамяна) 78
Великан («В какой стране — не помню, в каких годах — забыл...») 163
Взятие крепости Тмук («Певец бродячий, я для вас...») 292
Видение («В заботах дневного труда...») 98
«Владею я бездонным кладом...» (Моя песня) 116
Вожделение («Положен ли предел желаниям моим?...») 80
«Восстав, в океане неистовость вод...» (Перед картиной Айвазов-
ского) 85

- «Вот в сиянии славы приходит она...» (Явление) 106
 «Вот Лорийское ущелье — громоздятся с двух сторон...» (Сако Лорийский) 199
 «Вы, падшие сыны отцов великих...» (Злоумышленник) 64
 «Высоко на ветке колыбель птенца...» (Колыбель птенца) 129
- «Гав-гав, гав-гав!...» (Собака) 128
 «Где вы?...» (Четверостишия, 3) 121
 «Глянь! С Запада рабы машин и золота бегут кровавой...» (Четверостишия, 20) 124
 Голубиный скит («Ленк-Тимур пришел — изувер, палач...») 182
 «Горный трон Абул, весь в крутых хребтах...» (Парвана) 157
 «Горькое горе. Изнемогая...» (Подарок) 81
 Грузии («Когда мне люди говорят...») 113
 Грустная беседа («В печальном сумраке ночном...») 92
 «Густой туман, сырая мгла...» (В горах) 76
- «Да, это всё... что ж, друг, подыдем чару!...» (Четверостишия, 25) 126
 Давид Сасунский («Лев-Мгер богатырь был родом таков...») 264
 «Две могилы, как соседи молчаливые, легли...» (Четверостишия, 13) 123
 Две черные тучи («С зеленого трона спокойной вершины...») 89
 «День улетел. Объяты тьмою...» (Перед первой ночной звездой) 69
 «Детский плач терзает душу...» (В хижине) 86
 Детство («Когда вокруг себя я с отвращением...») 58
 «Дни прошли...» (Четверостишия, 1) 120
 «Дни тянутся мои грустны, бесплодны...» (Ропот) 96
 «Доколе, господи, в твое глухое небо...» (Из псалмов печали, 1) 94
 «Долго, долго я был в пути...» 115
 «Дыхание бога вдыхаю: он дышит во всем...» (Четверостишия, 19) 124
- Ей («Я хочу, чтоб тебя не посмел полюбить...») 65
 «Если в тускнеющем взоре моем...» 62
 «Если время придет и ты...» 89
- Жалоба котенка («Плачет котенок...») 131
- Забывтая любовь («Ты когда-то была мне мила...») 81
 «Загляделось в лицо как-то небо земле...» (Небо и земля) 148
 «Запели песнь, любимые...» (Четверостишия, 2) 121
 «Земля армян — наш край родной...» (Перчу Прошяну — народному писателю) 95
 Злосчастные купцы («Однажды Чайка, что кружилась...») 141
 Злоумышленник («Вы, падшие сыны отцов великих...») 64
- «Идем, идем с далекого Востока...» (Песня армян) 103
 Избранник («Опаленный за тучей священным огнем...») 104
 «Из Ванских тюрем услышав стенанье...» (Наказ) 71

Из псалмов печали, 1 («Доколе, господи, в твоё глухое небо...») 94
Из псалмов печали, 2 («Прошла, о боже, дымом жизнь моя!...») 94
«Итак, признаюсь вам, друзья...» (Экспромт) 110

К N.N. («Когда на жизненных дорогах...») 73
«Каждой ночью к водам Вана...» (Ахтамар) 145
«Как ребенок, я в этот мир пришел...» 114
Капля меда («В ущелье гор, среди села...») 177
«Кичливый, жадный человек, твой долг ум, жизнь коротка...» (Четверостишия, 15) 123
«Ко мне!...» (Четверостишия, 6) 121
«Когда вокруг себя я с отвращеньем...» (Детство) 58
«Когда мне люди говорят...» (Грузин) 113
«Когда на жизненных дорогах...» (К N.N.) 73
«Когда я слушал твой рассказ...» 75
Колыбель птенца («Высоко на ветке колыбель птенца...») 129
Конец зла («Стоит гора...») 172
Конец осени («На склоне гор...») 131
«Куда бежишь...» (Ручей) 130
«Куда ты стремишься безумно, душа?...» (Четверостишия, 11) 122
«Кукареку!...» (На рассвете) 127

Лампада Просветителя («Лампада в полночь, меж светил...») 101
«Лев-Мгер богатырь был родом таков...» (Давид Сасунский) 264
«Ленк-Тимур пришел — изувер, палач...» (Голубиный скит) 182
Летняя ночь в деревне («Ночью лунной, лучистой...») 56
«Лунный луч — твоя улыбка — на лице моем скользит...» (Четверостишия, 18) 124
«Любуюсь бледных роз игрою...» 78

Маро («Там, высоко, над скалой...») 193
«Меж двумя веками я...» (Четверостишия, 4) 121
Мсть певца («Бесчувственные, мрачные сыны...») 71
«Мне во сне одной овцой...» (Четверостишия, 10) 122
Моему другу («Сердечный брат и друг моих прекрасных снов...») 100
«Молю, пощадите лишь память о той...» 65
«Море скорби моей глубоко и безбрежно...» (Четверостишия, 5) 121
Моя песня («Владею я бездонным кладом...») 116
«Моя прошлая жизнь, с нею прошлый мой год...» (Странники) 91
«Мы поклялись стремиться к свету...» (Наша клятва) 104

«На крыльях ветра рея ввысь...» (Ануш) 238
На рассвете («Кукареку!...») 127
«На склоне гор...» (Конец осени) 131
На смерть артиста Адамяна («Вдохновенного больше нет...») 78
«На странствия нас судьба обрекла...» 109
Надпись на книге («С дальних северных сторон...») 116
Наказ («Из Ванских тюрем услышав стенанье...») 71
Наша клятва («Мы поклялись стремиться к свету...») 104
«Не пой этой песни, мой друг, не буди...» 79
Не проси меня («Не проси меня, не воспою...») 79
Небо и земля («Загляделось в лицо как-то небо земле...») 148

- «Небо, друг мой, со злобною силой. . .» (Плохие дни) 82
 «Невестки доля тяжела. . .» (Проклятая невестка) 150
 «Некогда в царстве восточном цвела. . .» (Сердце девы) 185
 «Нелегко был путь, полночный наш путь. . .» (В армянских горах)
 102
 «Немало развалин былого в сердце моем. . .» (Четверостишия, 24)
 125
 Ничто не вечно на земле («Преданье это или быть? . .») 169
 «Ночей бесконечных печальная тишь. . .» 70
 Ночь («Ночь избавление дарит. . .») 90
 «Ночью лунной, лучистой. . .» (Летняя ночь в деревне) 56

- «О горы, я вами опять вдохновлен. . .» (Пролог) 53
 «О, жалкий человек! К неясной цели. . .» 61
 «О, как чудесно на этой горе. . .» 98
 «О мир святой, невыносимым. . .» (Последнее слово) 59
 «О, поверь! Когда глаза твои горят. . .» (Признание) 76
 «О, скажи, из какого пришел далека. . .» (Прощание Сириуса) 119
 «Одинокий блуждаю. . .» (В руинах) 107
 «Однажды в лесу дремучем, глухом. . .» (Орел и дуб) 152
 «Однажды Чайка, что кружилась. . .» (Злосчастные купцы) 141
 «Однажды я сидел — уныл, угрюм. . .» (Поэт и муза) 228
 «Он в мертвой пустыне, в безмолвьи ночном. . .» (Христос в пусты-
 не) 83
 «Он, правдолюбец, над челом суровым. . .» (Пророк) 63
 «Он утопился, и что ж — осужден. . .» 62
 «Опаленный за тучей священным огнем. . .» (Избранник) 104
 Орел и дуб («Однажды в лесу дремучем, глухом. . .») 152

- Парвана («Горный трон Абул, весь в крутых хребтах. . .») 157
 «Паши, мой плуг, — до темноты. . .» (Песня пахаря) 55
 «Певец бродячий, я для вас. . .» (Взятие крепости Тмук) 292
 «Певец, к тебе взываю. Спой. . .» (Певцу) 66
 Певцу («Певец, к тебе взываю. Спой. . .») 66
 Первый снег («Погляди-ка, мама. . .») 127
 Перевал («С младенчества тропою вверх прямой. . .») 106
 Перед картиной Айвазовского («Восстав, в океане неистовость вод. . .»)
 85
 Перед картиной художника Г. Башинджагыана «Дзорает ночью»
 («Ущелье это в грозной красоте. . .») 68
 Перед первой почной звездой («День улетел. Объяты тьмою. . .») 69
 Перчу Прошяну — народному писателю («Земля армян — наш край
 родной. . .») 95
 Пес и кот («Скорняжным теплым ремеслом. . .») 135
 Песня армян («Идем, идем с далекого Востока. . .») 103
 Песня пахаря («Паши, мой плуг, — до темноты. . .») 55
 «Плачет котенок. . .» (Жалоба котенка) 131
 Плохие дни («Небо, друг мой, со злобною силой. . .») 82
 «Плывут века, жизнь коротка, что будет позже — всё равно! . .» (Че-
 четверостишия, 21) 125
 «Погляди-ка, мама. . .» (Первый снег) 127

- Погос — Петрос («Прежде был ближе к земле небосвод...») 154
 «Под утесом, у горного склона...» (Родник) 84
 Подарок («Горькое горе. Изнемогаю...») 81
 Подарок Ан. Аб(овян)у («В краю далеком новая весна...») 72
 «Поистине, предки, блаженны вы были...» (Предкам) 100
 «Положен ли предел желаниям моим?...» (Вожделение) 80
 «Порою жжет мне грудь кипение страстей...» 69
 Последнее слово («О мир святой, невыносимым...») 59
 Постыжение вселенной («Ты раскрыл мне взор, он стремится
 ввысь...») 119
 Почему? («Ты почему меня забыл?...») 96
 Поэт и муза («Однажды я сидел — уныл, угрюм...») 228
 Поэтам Грузии («Шота! Огонь твоих стихов...») 117
 Поэту («Чаровать не довольно ли нас...») 87
 «Преданье это или быль?...» (Ничто не вечно на земле) 169
 Предкам («Поистине, предки, блаженны вы были...») 100
 «Прежде был ближе к земле небосвод...» (Погос — Петрос) 154
 Признание («О, поверь! Когда глаза твои горят...») 76
 Призрак («Скажи, красавица моя...») 77
 Проклятая невестка («Невестки доля тяжела...») 150
 Пролог («О горы, я вами опять вдохновлен...») 53
 Пророк («Он, правдолюбец, над челом суровым...») 63
 «Прошла, о боже, дымом жизнь моя...» (Из псалмов печали, 2) 94
 «Прощай, любимая! С тобою...» (Прощание) 75
 Прощание («Прощай, любимая! С тобою...») 75
 Прощание Сириуса («О, скажи, из какого пришел далека...») 119

 «Резвился в Кошакаре я...» 114
 Родник («Под утесом, у горного склона...») 84
 «Родник течет и протечет...» (Четверостишия, 23) 125
 Ропот («Дни тянутся мои грустны, бесплодны...») 96
 Ручей («Куда бежишь...») 130

 «С горных высей стремится ручей...» 66
 «С дальних северных сторон...» (Надпись на книге) 116
 «С зеленого трона спокойной вершины...» (Две черные тучи) 89
 «С младенчества тропею вверх прямой...» (Перевал) 106
 С отчизной («Я с юности направил взор в неведомый простор...») 111
 «С пеньем пришел...» 108
 Сако Лорийский («Вот Лорийское ущелье — громоздятся с двух сто-
 рон...») 199
 «Сваливается гнет...» 110
 «Свободен день, вольна любовь, и всем добром владеет он...» (Че-
 тверостишия, 16) 124
 «Сел во дворе ашуг слепой...» (Сленой ашуг) 129
 «Сердечный брат и друг моих прекрасных снов...» (Моему другу) 100
 Сердце девы («Некогда в царстве восточном цвела...») 185
 «Скажи, красавица моя...» (Призрак) 77
 «Сколько боли видел я...» (Четверостишия, 8) 122
 «Скорняжным теплым ремеслом...» (Пес и кот) 135

- Слепой ашуг («Сел во дворе ашуг слепой...») 129
 Собака («Гав-гав, гав-гав!...») 128
 Старая война («Ты думал: высоту родной земли...») 212
 Старинное благословение («Там, под орешником, развесившим ли-
 ству...») 54
 «Стемнело. Старик, муки сердца скрывая...» (Стенания) 205
 Стенания («Стемнело. Старик, муки сердца скрывая...») 205
 «Стоит гора...» (Конец зла) 172
 «Страдаю без сна я в постели ночной...» 92
 Странники («Моя прошлая жизнь, с нею прошлый мой год...») 91
 «Счастливый путь, скиталец наш...» (Армянскому скитальцу) 82
- «Там, высоко, над скалой...» (Маро) 193
 «Там на эдемские сады прозрачный падает закат...» (Четверости-
 шия, 14) 123
 «Там, под орешником, развесившим листву...» (Старинное благосло-
 вение) 54
 «То чувство выжжено дотла...» (Уж не вернуть) 62
 Туча и утес («Туча к утесу примчалась из мглы...») 132
 «Ты думал: высоту родной земли...» (Старая война) 212
 «Ты когда-то была мне мила...» (Забытая любовь) 81
 «Ты почему меня забыл?...» (Почему?) 96
 «Ты раскрыл мне взор, он стремится ввысь...» (Постижение вселен-
 ной) 119
 «Ты явился к нам из страны снегов...» 112
 Тысячеголосый соловей («Шел долго доблестный Арэг и видит: вокруг
 него страна...») 302
- У склепа Н. Бараташвили («Утешься, Грузия! В заветный этот
 миг...») 84
 «У тебя же, сестра, есть дорога своя...» 97
 Уж не вернуть («То чувство выжжено дотла...») 62
 «Утешься, Грузия! В заветный этот миг...» (У склепа Н. Бараташви-
 ли) 84
 «Ущелье это в грозной красоте...» (Перед картиной художника
 Г. Башинджагяна «Дзорагет ночью») 68
- «Хотел быть с тобою и с жизнью связанным вместе...» (Четверсти-
 шия, 17) 124
 Христос в пустыне («Он в мертвой пустыне, в безмолвьи ночном...») 83
 «Христос воскрес... О, в пропасти над нами...» 88
- «Чаровать не довольно ли нас...» (Поэту) 87
 «Что должен я оставить в дар...» (В альбом О. Г.) 83
 «Что напрасно мне бежать!...» (Четверостишия, 7) 122
- Шах и разносчик («Эй, кто не брал?...») 188
 «Шел долго доблестный Арэг и видит: вокруг него страна...» (Тыся-
 чеголосый соловей) 302
 «Шота! Огонь твоих стихов...» (Поэтам Грузии) 117

«Щемит мое сердце. Я болью одной. . .» 67

«Эй, кто не брал? . .» (Шах и разносчик) 188

Экспромт («Итак, признаюсь вам, друзья. . .») 110

«Я гляжу: передо мною. . .» 60

«Я не знал, что эта искра. . .» 56

«Я от многого сгорал. . .» (Четверостишия, 9) 122

«Я птицу в небе ранил раз. . .» (Четверостишия, 12) 123

«Я с юности направил взор в неведомый простор. . .» (С отчизной)

111

«Я сказал: „Ты цветешь, как весна. . .“» 88

«Я странник, сестра, простой пилигрим. . .» 99

«Я хочу, чтоб тебя не посмел полюбить. . .» (Ей) 65

Явление («Вот в сиянии славы приходит она. . .») 106

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Фото 1915 г.
2. *Между с. 144 и 145*. Фото 1893 г.
3. *На обороте*: Иллюстрация к стихотворению «Старинное благословение». Худ. М. С. Сарьян.
4. *Между с. 176 и 177*. Иллюстрация к сказке «Капля меда». Худ. Роттер.
5. *На обороте*. Иллюстрация к легенде «Шах и разносчик». Худ. А. Григорьян.
6. *Между с. 240 и 241*. Иллюстрация к поэме «Ануш». Худ. А. Григорьян.
7. *Между с. 272 и 273*. Иллюстрация к поэме «Давид Сасунский». Худ. Г. Ханджян.

Оригиналы иллюстраций хранятся в Доме-музее Ованеса Туманяна (Ереван).

СОДЕРЖАНИЕ

Великий национальный поэт Армении. <i>Вступительная статья</i> <i>К. Н. Григорьяна</i>	5
---	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Пролог. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	53
2. Старинное благословение. <i>Перевод Б. Серебрякова</i>	54
3. Песня пахаря. <i>Перевод М. Петровых</i>	55
4. Летняя ночь в деревне <i>Перевод С. Ботвинника</i>	56
5. «Я не знал, что эта искра...» <i>Перевод Л. Мальцева</i>	56
6. «Блаженство обещала мне надежда...» <i>Перевод Н. Адамян</i>	57
7. Детство. <i>Перевод А. Гагова</i>	58
8. Последнее слово. <i>Перевод А. Гагова</i>	59
9. «Я гляжу: передо мною...» <i>Перевод С. Ботвинника</i>	60
10. «О, жалкий человек! К неясной цели...» <i>Перевод В. Татарина</i> <i>ринова</i>	61
11. «Если в тускнеющем взоре моем...» <i>Перевод А. Гагова</i>	62
12. Уж не вернуть <i>Перевод Р. Ивнева</i>	62
13. «Он утопился, и что ж — осужден...» <i>Перевод А. Гагова</i>	62
14. Пророк. <i>Перевод А. Гагова</i>	63
15. Злоумышленник. <i>Перевод А. Шестакова</i>	64
16. «Молю, пощадите лишь память о той...» <i>Перевод Г. Чиж</i>	65
17. Ей. <i>Перевод А. Владимировой</i>	65
18. «С горных высей стремится ручей...» <i>Перевод К. Бальмонта</i>	66
19. Певцу. <i>Перевод А. Корчагина</i>	66
20. «Щемит мое сердце. Я болью одной...» <i>Перевод Л. Мальцева</i>	67
21. Перед картиной художника Г. Башинджагяна «Дзорагет ночью». <i>Перевод Э. Александровой</i>	68
22. «Порою жжет мне грудь кипение страстей...» <i>Перевод</i> <i>А. Корчагина</i>	69
23. Перед первой ночной звездой. <i>Перевод А. Шестакова</i>	69
24. «Ночей бесконечных печальная тишь...» <i>Перевод В. Бетаки</i>	70
25. Месть певца. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	71

26. Наказ. Перевод В. Татаринова	71
27. Подарок Ан. Аб(овян)у. Перевод В. Татаринова	72
28. К N.N. Перевод Л. Мальцева	73
29. Прощание. Перевод С. Ботвинника	75
30. «Когда я слушал твой рассказ. . .». Перевод С. Ботвинника	75
31. Признание. Перевод А. Корчагина	76
32. В горах. Перевод С. Ботвинника	76
33. Призрак. Перевод А. Корчагина	77
34. На смерть артиста Адамяна. Перевод Д. Бродского	78
35. «Любуюсь бледных роз игрою. . .». Перевод Р. Ивнева	78
36. Не проси меня. Перевод Н. Сидоренко	79
37. «Не пой этой песни, мой друг, не буди. . .». Перевод Н. Подгоричани	79
38. Вожделение. Перевод Н. Подгоричани	80
39. Забытая любовь. Перевод А. Владимировой	81
40. Подарок. Перевод Б. Лейтина	81
41. Плохие дни. Перевод А. Владимировой	82
42. Армянскому скитальцу. Перевод С. Шервинского	82
43. Христос в пустыне. Перевод Д. Бродского	83
44. В альбом О. Г. Перевод Ю. Валич	83
45. «В небе темно. И никто не заметил. . .». Перевод С. Ботвинника	84
46. У склепа Н. Бараташвили. Перевод О. Румера	84
47. Родник. Перевод А. Владимировой	84
48. Перед картиной Айвазовского (Экспромт). Перевод В. Брюсова	85
49. В хижине. Перевод Л. Мальцева	86
50. Поэту. Перевод Д. Бродского	87
51. «Христос воскрес. . . О, в пропасти над нами. . .». Перевод А. Владимировой	88
52. «Я сказал: „Ты цветешь, как весна“. . .». Перевод П. Ювенской	88
53. «Если время придет и ты. . .». Перевод Н. Адамян	89
54. Две черные тучи. Перевод И. Ф. и А. А. Хоржевских	89
55. Ночь. Перевод К. Арсеновой и С. Мар	90
56. «Блаженны все те, кто, вкушая покой. . .». Перевод В. Бетаки	91
57. Странники. Перевод С. Городецкого	91
58. «Страдаю без сна я в постели ночной. . .». Перевод С. Ботвинника	92
59. Грустная беседа. Перевод Я. Кейхауз	92
60—61. Из псалмов печали	
1. «Доколе, господи, в твое глухое небо. . .» Перевод В. Бетаки	94
2. «Прошла, о боже, дымом жизнь моя! . . .». Перевод Ю. Верховского	94
62. Перчу Прошяну — народному писателю. Перевод А. Гатова	95
63. Почему? Перевод Н. Адамян	96
64. Ропот. Перевод Р. Ивнева	96
65. «У тебя же, сестра, есть дорога своя. . .». Перевод А. Щербакова	97
66. «О, как чудесно на этой горе. . .». Перевод С. Ботвинника	98
67. Видение. Перевод В. Державина	98

68.	«Я странник, сестра, простой пилигрим...». Перевод М. Павловой	99
69.	Моему другу. Перевод А. Щербакова	100
70.	Предкам. Перевод В. Державина	100
71.	Лампада Просветителя. Перевод В. Брюсова	101
72.	В армянских горах. Перевод Н. Сидоренко	102
73.	Песня армян. Перевод Л. Уманец	103
74.	Армянское горе. Перевод В. Брюсова	103
75.	Наша клятва. Перевод М. Павловой	104
76.	Избранник. Перевод В. Державина	104
77.	Явление. Перевод В. Державина	106
78.	Перевал. Перевод Вяч. Иванова	106
79.	В руинах. Перевод В. Державина	107
80.	«С пеньем пришел...». Перевод Т. Спендиаровой	108
81.	«На странствие нас судьба обрекла...». Перевод Т. Спендиаровой	109
82.	Экспромт. Перевод М. Павловой	110
83.	«Сваливается гнет...». Перевод В. Державина	110
84.	С отчизной. Перевод М. Павловой	111
85.	«Ты явился к нам из страны снегов...». Перевод А. Старостина	112
86.	Грузии. Перевод О. Румера	113
87.	«Как ребенок, я в этот мир пришел...». Перевод Н. Адамян	114
88.	«Резвился в Кошакаре я...». Перевод Л. Горнунг	114
89.	«Долго, долго я был в пути...». Перевод Г. Чиж	115
90.	Моя песня. Перевод Р. Ивнева	116
91.	Надпись на книге. Перевод С. Городецкого	116
92.	Поэтам Грузии. Перевод М. Шагинян	117
93.	Постижение вселенной. Перевод Л. Горнунг	119
94.	Прощание Сириуса. Перевод Д. Бродского	119
95—119.	Четверостишия	
1.	«Дни прошли...». Перевод О. Румера	120
2.	«Запели песнь, любимые...». Перевод Б. Серебрякова	121
3.	«Где вы?». Перевод К. Липскерова	121
4.	«Меж двумя веками я...». Перевод К. Липскерова	121
5.	«Море скорби моей глубоко и безбрежно...». Перевод К. Липскерова	121
6.	«Ко мне!». Перевод К. Липскерова	121
7.	«Что напрасно мне бежать!». Перевод К. Липскерова	122
8.	«Сколько боли видел я...». Перевод К. Липскерова	122
9.	«Я от многого сторал...». Перевод О. Румера	122
10.	«Мне во сне одной овцой...». Перевод К. Липскерова	122
11.	«Куда ты стремишься безумно, душа?». Перевод К. Липскерова	122
12.	«Я птицу в небе ранил раз...». Перевод О. Румера	123
13.	«Две могилы, как соседи молчаливые, легли...». Перевод С. Городецкого	123
14.	«Там на эдемские сады прозрачный падает закат...». Перевод К. Липскерова	123
15.	«Кичливый, жадный человек, твой долог ум, жизнь коротка...». Перевод К. Липскерова	123
16.	«Свободен день, вольна любовь, и всем добром владеет он...». Перевод К. Липскерова	124

17. «Хотел быть с тобою и с жизнью связанным вместе...». *Перевод С. Мар* 124
18. «Лунный луч — твоя улыбка — на лице моем скользит...». *Перевод С. Городецкого* 124
19. «Дыхание бога вдыхаю: он дышит во всем...». *Перевод К. Липскерова* 124
20. «Глянь! С Запада рабы машин и золота бегут кровавой...». *Перевод О. Румера* 124
21. «Пльвут века, жизнь коротка, что будет позже — всё равно!...». *Перевод С. Мар* 125
22. «В стране армян, как великан, стоит Масис могучий...». *Перевод О. Румера* 125
23. «Родник течет и протечет...». *Перевод К. Липскерова* 125
24. «Немало развалин былого в сердце моем...». *Перевод К. Липскерова* 125
25. «Да, это всё... что ж, друг, подыдем чару!...». *Перевод Т. Спендиаровой* 126

СТИХОТВОРЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

120. На рассвете (*Народное*). *Перевод Л. Горнунг* 127
121. Первый снег. *Перевод В. Бетаки* 127
122. Брат зеленый мой! *Перевод В. Бетаки* 128
123. Собака. *Перевод Г. Усовой* 128
124. Слепой ашуг. *Перевод В. Бетаки* 129
125. Кольбель птенца. *Перевод В. Бетаки* 129
126. Ручей. *Перевод Л. Горнунг* 130
127. Конец осени. *Перевод Л. Горнунг* 131
128. Жалоба котенка. *Перевод Г. Усовой* 131
129. Туча и утес. *Перевод В. Бетаки* 132

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ

130. Пес и кот. *Перевод С. Маршака* 135
131. Злосчастные купцы. *Перевод В. Бетаки* 141
132. Ахтамар. *Перевод К. Бальмонта* 145
133. Небо и земля. *Перевод Д. Бродского* 148
134. Проклятая невестка. *Перевод А. Гатова* 150
135. Орел и дуб. *Перевод В. Звягинцевой* 152
136. Погос — Петрос. *Перевод Вяч. Иванова* 154
137. Парвана. *Перевод Вс. Рождественского* 157
138. Великан (*Из кавказских легенд*). *Перевод В. Бетаки* 163
139. Ничто не вечно на земле (*Старинное предание*). *Перевод Б. Брика* 169
140. Конец зла. *Перевод В. Бетаки* 172
141. Капля меда. *Перевод С. Маршака* 177
142. Голубинный скит. *Перевод Вяч. Иванова* 182
143. Сердце девы (*Восточное предание*). *Перевод Вяч. Иванова* 185
144. Шах и разносчик. *Перевод С. Шервинского* 188

ПОЭМЫ

145. Маро. <i>Перевод М. Гальперина</i>	193
146. Сако Лорийский. <i>Перевод А. Гатова</i>	199
147. Стенания. <i>Отрывок. Перевод Б. Серебрякова</i>	205
148. Старая война. <i>Перевод В. Державина</i>	212
149. Поэт и муза. <i>Перевод О. Румера</i>	228
150. Ануш. <i>Перевод В. Державина</i>	238
151. Давид Сасунский. <i>Перевод С. Шервинского</i>	264
152. Взятие крепости Тмук. <i>Перевод Вс. Рождественского</i>	292
153. Тысячеголосый соловей (<i>Отрывки из неоконченной поэмы</i>). <i>Перевод М. Столярова</i>	302
Примечания	309
Словарь	318
Алфавитный указатель произведений	321
К иллюстрациям	328

Туманян Ованес

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель»
1969, 336 стр.
Тем. план вып. 1969 г., № 340

Редактор *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректор *Ф. Н. Аврунина*

Сдано в набор 16/XII 1968 г. Подписано в
печать 26/II 1969 г. Бумага 84×108¹/₃₂, № 1.
Печ. л. 10¹/₂ + 5 вкл. (18,16). Уч.-изд.
л. 15,98. Тираж 25 000 экз. Зак. 1909. Цена
1 р. 63 к.

Издательство «Советский писатель»,
Ленинградское отделение,
Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградская типография № 5 Главполи-
графпрома Комитета по печати при Со-
вете Министров СССР, Красная ул., 1/3.

«БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Большая серия

Второе издание

И. И. Дмитриев

М. Н. Муравьев

Н. А. Некрасов (3 тома)

«Поэты-демократы 1870—1880-х годов»

«Поэзия в большевистских изданиях»

«Октябрь в советской поэзии»

Николай Асеев

Павел Васильев

«Мастера русского стихотворного перевода»
(2 тома)

Малая серия

Третье издание

«Поэты 1860-х годов»

Михаил Светлов

Иван Франко

Важа Пшавела

«БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ

Большая серия

Второе издание

А. С. Хомяков

И. П. Мятлев

М. Л. Михайлов

Н. А. Добролюбов

«Стихотворная сатира
первой русской революции
(1905—1907)»

И. П. Котляревский

Максим Рыльский
